

ИЗБОРНИК

НЕПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СТИХОТВОРЕНИЙ

Челябинск
Библиотека А. Миллера
2021

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)
Г59

*Автор признателен всем,
кто так или этак причастен к явлению данной книги*

Година, Н. И.
Г59 Изборник : неполное собрание стихотворений / Н. И. Година. — Челябинск : Библиотека А. Миллера, 2021. — 467 с.

В «Изборник» вошли стихотворения из разных книг, изданных в течении многих десятилетий.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)

ISBN 978-5-93162-419-8

© Година Н. И., 2021.
© Великая О. И., оформление,
2021.
© Оболенский Л. Л., фото-
художник, 1981

Автобиографические страницы

Этого хутора на Полтавщине теперь нет. Осталось в памяти только непонятное название — Шамайково, где я родился 25 августа 1935 года, по рассказам матери прямо в поле на ворохе соломы под васильковым украинским небом. Хорол, Миргород, Деканька, Сорочинцы... Знаменитые гоголевские места были такими же привычными для моих родителей, привозивших оттуда по праздникам гостинцы, как сегодня для меня Миасс, Златоуст, Чебаркуль. Память четырехлетнего мало что сохранила. Какие-то отдельные картинки. Низкая хата под очеретом, вишневые заросли.

По рассказам, отец мой из середняков. Дед Кузьма Кузьмич, 1878 года рождения, кузнец по профессии, баба Явдоха — Евдокия Даниловна, тоже 1878 года — из Хорольского района Полтавской области. А вот мать из батраков-бедняков. Рано осталась без родителей, жила в многодетной семье с мачехой. Уже подростком была отдана «в люди». Это где-то сразу после революции, поскольку родилась Надежда Ивановна Демьяненко 2 сентября 1907 года. Отец на три года моложе, 1910 года. Поженились они рано, отцу едва исполнилось 17 лет.

Старшая дочь Галя, моя сестра, погибла восьмилетней. Закрыли ее дома родители, ушли на работу. А на печи сушился сноп конопли или льна, загорелся. Галя задохнулась в дыму. Были другие дети, но скоро поумирали. Остались мы с сестрой Татьяной. В начале 1930-х годов на Полтавщине, в то время ещё Харьковщине, как известно, тоже был голод. Молодой отец ездил на арбе по хуторам, собирал трупы, за что получал какие-то трудодни. Между прочим, сам я благодаря пусть и не совсем уверенным действиям

Всевышнего, остался жив после того, как, оукленный, неразумно попытался освободиться от утеснительных пелёнок, чурбаком скатился крайне неудачно с узкого гребня скрыни — ларя по-русски, куда положили меня, чтоб не занимал без прока родительских рук. Далее безрезультатное «откачивание» в одеяле. А спас меня заглянувший случайно слегка поддатый дядюшка, мамин брат, который, недолго думая, влил мне в рот холодной воды. С тех пор живёт во мне подозрительная мысль о сотрясённом, как в уроненном будильнике, головном механизме, результатом чего стало моё литературное дело. Поскольку других поводов и оснований я не вижу.

Хутор снесли, землю распахали и засеяли. Хуторяне разбегались по свету в поисках лучшей доли. Так я оказался в конце 1939 года на Урале. Село Чудиново в Челябинской области стало моей малой родиной. Здесь я учился говорить по-русски, бродил вместе с соседскими ребятами по окрестным лесам, зорил грачиные гнёзда. Помню, как провожали мужиков на войну. Пьяные песни, надрывные причитания, горькие слезы... Ушел и мой отец Иван Кузьмич, самый высокий человек в деревне, «дяденька, достань воробышка».

Рос я ужасно чепурным. Не любил грязи, соплей, слюней и дыр на штанах. Но больше всего безответственной песенки: «Ой ты Коля-Николай, сиди дома, не гуляй, к тебе девушки придут, поцелуют и уйдут», распеваемой молодыми женщинами. Не любил телячьих нежностей на людях, особенно материнского ласкательно-щемящего Колюша. Рано научился читать и писать. Скорее по необходимости. Мать моя, Надежда Ивановна, была абсолютно неграмотна, и вся переписка с отцом, сухо рассказывавшим о военных буднях, лежала на мне.

В школу пошёл на десятом году. Причины естественные и уважительные: не было обувки, не хватало одежи. Учился легко и с удовольствием. Носил красный галстук, вытутукивал что-то там на пионерском горне. Летом работал в колхозе, собирал колоски, возил волокуши.

Сочинять начал рано, а рисовать ещё раньше, учителя мне прочили славу художника. Вижу, как будто это было вчера, свое первое стихотворение «Елка» в школьной стенга-

зете. Начиная с басен, потом перешёл на рассказы, пробовал писать пьесы. Одна из них была сыграна на Маланьином дворе силами учеников четвертого класса. На вырученные за билеты деньги мы славно посмотрели кинофильм «Чапаев».

Почему-то я до сих пор думаю, что обязательно надо родиться и вырасти в деревне, а уж потом можно пожить и в городе. Мне повезло, что родился и вырос среди полей и лесов, вместе с сиренью в палисаднике и голубьями под крышей. Разве можно сравнить наши самодельные игрушки с пластмассовыми штамповками нынешних дней? А наши весёлые игры в шаровки? В лапту, в «чижика», в «муху»? Кто из моих дочек и внуков знает, как играют в «бабки»? Спасибо деревне, от которой остались самые светлые воспоминания. Об этом я подробно написал с помощью друзей и знакомых, в первую очередь по воспоминаниям друга детства Владимира Родикова-Кузьева, в повести «Царёнок».

В порядке исключения тринадцатилетним вступил в комсомол. После семилетки уехал из села. Во-первых, десятилетка была тогда только в районе, в 25 километрах от нашей деревни. Во-вторых, прочитав объявление о приеме в горный техникум, загорелся желанием увидеть в будущем горы, которых в наших степных краях сроду не бывало. Но оказалось с точностью до наоборот. Изучал горняцкое дело. Дважды ездил на практику на Бачатский угольный разрез Кемеровской области. Научился пить неразведённый спирт по 5 рублей 85 копеек за бутылку. Влюбился в Сибирь, думал вернуться, но не вернулся.

В 1955 году окончил Коркинский горный техникум и уехал по распределению в Каракумы. Несколько месяцев работал начальном смены на серном руднике «Дарваза». Жара адская. Песок и сера. Подчинённые — бывшие уголовники и наркоманы. На моих глазах пятый по счету начальник рудника от водки и опиума сошёл с ума. Я написал заявление в Ашхабадский облвоенкомат и ушел «добровольцем» в армию. Сбылась детская мечта! Не зря же я носил пацаном подаренную кем-то бескозырку с золотыми якорями на чёрной ленте и странной надписью «Военно-медицинская академия». Я попал на флот. С отличием закончил военноморскую школу (ВМШ) в латвийской Либаве —

Лиерае — по специальности машинист трюмный, т. е. бог воды, г...на и пара. Более четырех лет служил на военных кораблях Балтийского флота. Тралил подводные мины двух последних войн. Посещал литературное объединение при газете «Кронштадская правда», которым руководил капитан-лейтенант Григорий Петрович Котницкий, поэт и впоследствии мой друг. 30 марта 1958 года газета опубликовала мое первое стихотворение «Новичок». Корабельный приятель ленинградец Саша Ивановский познакомил меня со своим знаменитым дедом, кинорежиссером А. В. Ивановским, который похвалил опусы молодого пиита. Пожалуй, это была первая серьезная оценка моих начинаний. Последовал теплый отзыв Всеволода Азарова в журнале «Советский моряк».

После долгой службы законсервированные рейдовые тральщики были проданы албанцам, а мы с Сашей по глупости записались добровольцами в Египет, дабы разобраться в арабо-израильском конфликте. До особого распоряжения, сказали нам, которое, слава богу, так и не поступило. В конце 1959 года я демобилизовался и приехал в Миасс.

Через два года распрощались с деревней и отец с матерью. Мы всей родней помогли им построить небольшой домик на берегу Ильменского озера. Сыграли свадьбу — в жены я себе выбрал усть-уйскую девицу-красавицу Валентину из рода Овчинниковых. Но пожить долго рядом с родителями не пришлось. В 1968 году шестидесятилетней умерла от лимфогранулематоза мать, которой я обязан всем лучшим, что во мне было и осталось.

Почему-то ярче всего запомнился такой случай. После того, как нас выгнали из колхозной избы — родители отказались работать в артели «Напрасный труд» — мы арендовали маленький домишко в районе сада. Был самый голодный 1947 год. Я гостил в Чебураке у тётки Наташи, отцовой сестры в пяти километрах от своей деревни. И вот возвращаюсь короткими перебежками лесной дорогой, где прошлой зимой за нами увязались волки. Лошадь, вспоминая, храпела, чуть прибавила ходу. Собачка, бежавшая сзади, норовила запрыгнуть в сани... В общем, боязливо оглядываясь по сторонам, я торопился после недельного гостевания домой. Наконец показался колхозный сад и человек на

придорожной полянке. Это была мама, собирала, пользуясь обеденным перерывом, поспевшую клубнику, глубянку по-нашему. Увидев рядом неожиданного меня, она вспыхнула лицом, как девочка, вытирая счастливые слёзы...

Тринадцать лет я спускался в забой Берёзовского карьера, грузил экскаватором известняк в думпкеры. По дороге на работу и с работы на ходу сочинял стихи. Работа в карьере тяжёлая и суровая. Зимой 1973 года я здорово простудился на смене. Результат — ангина, потом пиелонефрит. Три месяца в миасской больнице. Депрессия. Десять месяцев в областной больнице в Челябинске. Спасибо Александру Андреевичу Шмакову, тогдашнему ответственному секретарю областной писательской организации, через обком партии устроил. Очно и заочно поддерживали друзья и товарищи, в том числе Саша Кушнер, Илья Фоняков, Леонид Григорьян... Долго выкарабкивался.

Со дня приезда в Миасс регулярно ходил в городское литобъединение, которым руководил профессиональный писатель В. Р. Гравишкис. Стали появляться публикации в областных газетах. Заметили и пригласили на бюро писательской организации. Чуть ли не в полном составе на обсуждение прибыли молодые литературные «волки» лито «Металлург» во главе с Валентином Сорокиным. Стая почувствовала чужака и напала. Пришлось Якову Вохменцеву, писательскому вожаку, прикрывать меня не столь широкой грудью литературного авторитета.

Весной 1967 года после согласования с областной писательской организацией и Миасским горкомом партии я возглавил городское литературное объединение. Название «Ильменит» было мною придумано позднее. Провели конкурс, но всякие «Вдохновение», «Слово», «Лира» и т. п. меня не устроили. А я в то время, будучи горняком, увлекался минералами. Вооружившись кайлом, бродил с единомышленниками по окрестностям Миасса. Рылся в земле, чего-то добывал. Предложил назвать лито «Миаскитом», но кто-то подарил мне кусок ильменита. На нём и остановились.

В 1966 году участвовал в работе Кемеровского зонального совещания молодых писателей, где получил довольно высокую оценку за свое творчество, а рукопись первого сборника стихов была рекомендована к печати. В 1967 году

в Челябинске вышла книга «Белое, синее» с предисловием Дмитрия Ковалева, а в 1968 году я стал вторым после Бориса Ручьева лауреатом областной комсомольской премии «Орленок». А тогдашний комсомольский вождь В. П. Поляничко до конца своих дней оставался поклонником моих поэтических импровизаций. Кстати, на Кемеровском совещании впервые познакомился с В. П. Астафьевым. Там же, в сибирских краях, пришлось участвовать в литературных праздниках вместе с Л. Соболевым, Я. Смеляковым, В. Федоровым...

Москва, весна 1969 года. 5-е Всесоюзное совещание молодых писателей. Моим семинаром руководят В. Соколов, Ю. Левитанский, Е. Долматовский, М. Соболев, И. Фoniaков и другие. Стихи хвалят, меня рекомендуют в члены СП. Долматовский спорит с Левитанским по поводу авторского чтения стихов. Левитанскому нравится, как я читаю, Долматовскому — не очень. Кому-то не дают покоя мои скромные лавры. Был бы в «русском» семинаре, говорят, неизвестно еще, как бы вышло. В результате стихи не попадают в коллективный сборник по итогам совещания. Лишаюсь выступления и на заключительном вечере. Всё это, конечно, связано с давними «тёплыми» отношениями с некоторыми бывшими земляками, фарцующими квасным патриотизмом, стихотворцами весьма посредственными, а людьми мелкотравчатыми и нечистоплотными. «У тебя нет ни одного стихотворения о России, — упрекнул меня однажды местный пиит, — всё про поля да берёзки». — «А это и есть о России», — ответил я «патриоту».

Однажды, приехав в Москву, неожиданно увидел по телевизору В. В. Казина, который держал в руке мою первую книжку «Белое, синее», читал стихи и говорил тёплые слова в мой адрес. Михаил Львов, который симпатизировал мне и с которым мы позже проехали пол-Европы на автобусе с ветеранами Уральского добровольческого танкового корпуса, посоветовал: мол, не будь дураком, позвони Казину и поблагодари. На другой день Василий Васильевич, знаменитый поэт и друг Сергея Есенина, пригласил меня к себе домой в тихий Лаврушинский переулок. Предложил и написал рекомендацию: «С творчеством Николая Годиной я познакомился в апреле сего года в день, когда я выступал

по телевидению. Как я тогда сказал, Николай Година порадовал меня — порадовал добротной лирикой, где теме труда уделено столь серьёзное и столь необходимое в наше время внимание. Воспевая труд, поэт избежал той голой механизации, которой так грешили некоторые рабочие поэты первых лет Октября. У Николая Годины на первом плане сам человек труда. Написано пока Годиной не много, и хотя, конечно, нельзя сказать словами классика, что у него книжка небольшая “томов премногих тяжелей”, но несомненно одно — Николай Година — настоящий поэт. У него зоркий художественный глаз, у него большей частью полновесная мысль, выраженная весьма лаконично, а порой даже афористично, отчего стихи его легко и прочно запоминаются. Это, например, видим в стихах “О простоте”, “Работа”, “Усталость”. С какой поэтической тонкостью показывает Година наше героическое время и труд, военный характер его всего в девяти строчках стихотворения “Взрыв”: “Скала подпрыгнула и села. / Прибоем пыль вошла в забой. / Горячий ветер ошалело / Кружил на месте, как слепой. / Гудело эхо у Горбатки. / Запахло порохом вокруг. / И вдруг почувствовал в лопатке / Осколки бывший политрук”. Принимая во внимание, что представитель рабочего класса Николай Година — поэт с определёнными творческими перспективами, что он бесспорно даровит, считаю, что он безусловно достоин быть принятым в ряды Союза писателей. 15 мая 69 г. Москва. Василий Казин».

По рекомендациям Казина и Львова, а так же 5-го Всесоюзного совещания молодых писателей я и был принят в начале 1970 года в Союз писателей СССР. Между тем миасская жизнь шла своим чередом. Работал на экскаваторе. Жена Валентина Ильинична — экономистом. Две дочери — Оксана и Жанна — в садике. Отец сапожничал в горбыткомбинате. Челябинская киностудия надумала и сняла документальный кинофильм «Никакая там не знаменитость». Режиссёр Р. Эйленкриг после премьеры в Москве рассказывал об огромной моей «рабочей» фотографии в Центральном доме кино.

Знакомство с Леонидом Леонидовичем Оболенским, перешедшее в многолетнюю дружбу. Оболенскому особенно нравились мои миниатюры. «Ты, Коля, — говорил Л. Л., —

Дебюсси в поэзии». На одной из подаренных фотографий Л. Л. в 1977 году писал: «С Вами, Николай, забываю, что мне 75. Спасибо за Вашу светлую речь к людям».

Продолжаются с 1967 года переписка и дружба с замечательным боснийским поэтом Изетом Сарайlichem. Перевожу его стихи, он переводит мои. «Твои переводы, — пишет Изет, — может быть, лучшие, которые я до сих пор прочёл на русском языке». И еще: «Я и дальше убежден, что лучшие белые стихи в России наших дней пишет Николай Година». В 1997 году я подготовил и издал книгу «Сарайлич из Сараева», в которую вошли письма Изета, переводы его стихов и мои стихи, посвященные ему. Он был очень рад. Я тоже.

Любовь к земле, обострённое видение окружающего, взаимоотношение человека с природой стало доминирующим в моей лирике. Ищу в стихах не столько информацию, сколько мысль, образ метафору, удачное сравнение, парадокс. Может, поэтому ближе моей душе строчки Владимира Соколова, Давида Самойлова, Александра Кушнера, Олега Чухонцева, Глеба Горбовского, Олжаса Сулейменова, Ивана Драча, Владимира Салимона, Геннадия Русакова... У меня не было и нет прямых учителей, хотя критики иногда кивали на Пастернака. Что ж, не возражал бы!

После болезни снова работал в Тургоякском рудоуправлении. Сначала инженером по котлонадзору, затем председателем профкома. Много ездил по стране по приглашению Бюро пропаганды художественной литературы, а позднее — секретариата СП: Украина, Узбекистан, Адыгея, Башкирия, Якутия и т. д. Любовь к путешествиям позволила побывать в Италии, Англии, Франции, Канаде, Индии, Египте и в десятке других не менее интересных государств.

В свое время мне не удалось получить достаточного образования, поэтому всевозможные поездки стали моими университетами. Кое-кто из миасских тружеников пера с недоумением и чуть ли не с обидой замечал: вроде бы не шибко грамотный, но, видимо, удачливый... Как сказать. И все же я всегда трезво оценивал свои литературные опыты, считая их не более чем любительскими. Мне действительно не удалось многого узнать и из книг, и из жизни. Средняя сельская семилетка, провинциальный техникум, четы-

рехлетняя флотская служба, семейный поселковый быт... Была возможность поехать учиться в столицу на Высшие литературные курсы — жена запротестовала: кто кормить детишек будет? А как журил меня Астафьев за этот отказ! «Коля, — горячился он, — в этом институте, конечно же, тебя ничему хорошему не научили бы, по себе знаю, но много бы дали музеи, театры, редакции журналов и знакомства за бутылкой водки с талантливыми людьми под крышей Центрального Дома литераторов на Поварской».

В творчестве со временем происходит своеобразная эволюция. В семидесятые годы неожиданно начинаю работать над свободными стихами. Верлибрами. А позднее пишу прозаические миниатюры — малую прозу. Известный московский критик Владимир Огнев писал мне: «А не попробовать (или пробовали?) Вам писать прозу? У Вас цепкий глаз, мысли небанальные. Только я имею в виду не “тургенизмы”. А настоящую современную прозу». Не насмелился. «У Вас хороший глаз, ощущение места, погоды, сезона, природы... Книга мне понравилась и по тону, и по поэтике...», — это пишет Давид Самойлов с вежливой надеждой встретиться по адресу: Тооминга, 4, Пярну. Отзывается и Саша Кушнер: «...очень хороши все предметы и подробности уральских городов и уральской природы. Это очень важно, когда поэтический мир закреплён за какой-то определённой местностью, а не парит в нежилом пространстве...»

Одно время довольно широко печатаюсь в журналах и альманахах: «День поэзии», «Поэзия», «Новый мир», «Нева», «Урал», «Волга», «Сибирские огни» и др. Критики отзываются тепло и доброжелательно. Мои книги заказывают Гарвардский университет и библиотека Конгресса США. Избираюсь в редколлегию журнала «Урал», членом редколлегии «Уральской библиотеки». Но всё же, всё же, всё же... Надо признаться, один из самых больших недостатков в собственном литературном «я» — отсутствие в большей степени внутренней свободы. Не могу обнажиться, не могу показать раны и рубцы, даже слёзы. А ведь сентиментален до нет спасу. К тому же патологическая застенчивость и робость... Может, поэтому и ушёл «в леса», к своим деревьям.

Никогда не чурался и общественной, так сказать, деятельности. Еще на флоте в 1958 был принят в члены КПСС.

После демобилизации избирался членом горкома и обкома комсомола, депутатом Миасского горсовета. Даже членом обкома партии. Во время перестройки партийный билет не сдал и не сжег. Храню на память.

В 1980 году уволился из Тургорякского рудоуправления. Пять лет работал только с литературным объединением. Получал 80 рублей в месяц. Полтора года по велению партийных властей г. Миасса «боролся за общую трезвость». В 1987 году меня почти волевым решением избирают руководителем областной писательской организации. По численности организация была средней. По качеству средняя тоже. Вообще челябинская земля довольно бедная на писательские таланты. Кроме Б. А. Ручёва ничего большего здесь не выросло. Ни о какой школе говорить не приходится. Десятки литературных объединений толкли воду в ступе: заводы, труд, металл, ложно-пафосная гордость — «мы простые парни-работяги...» Те редкие ростки настоящего и талантливого, не развившись, засыхали постепенно в одиночку в отрыве от общей культуры страны. Заедала провинциальщина.

С трудом переезжаю в Челябинск. Одиннадцать лет, как никто другой, занимаюсь скучнейшей и неблагодарной работой по организации всевозможных семинаров, совещаний, добыванием денег на оплату аренды помещения, разборками между группировками и отдельными членами СП. После распада СССР и раскола Союза писателей в организацию правдами и неправдами повалил малограмотный и малоодарённый, но агрессивный, что-то пишущий народ. Одни подались в крутые демократы, другие стали фарцевать квасным патриотизмом. Слава Богу, в эти же годы появилось много и по-настоящему талантливых людей вне творческих союзов.

Выживали кто как мог. Задумал и я заняться издательским делом. Поехал к министру по печати М. Федотову, получил лицензию. Издательство «Автограф» продержалось несколько лет. Был подготовлен первый одноимённый номер журнала, который так и не вышел. Не было для зачина денег. Пришлось готовить и издавать серию популярных «Лечебников». На вырученные деньги издавал книги молодых писателей. Как будто легче стало издаваться. Выхо-

дит несколько новых книг у меня: «Избранное для друзей», «Берестяная грамота», «Миасское время», «Сарайлич из Сараява». Правительство Челябинской области выдвигает на премию Президента РФ. А Президент присваивает звание «Заслуженный работник культуры России» (1996).

В 1993 году на восемьдесят третьем году жизни в Миассе умирает отец. Я перед ним непростительно виноват. Участник войны, он куковал в одиночестве в старой, из шпал слепленной когда-то развалюхе на болотистом берегу Ильменского озера. Миасские чиновники «футболили» напрочь глухого, немощного старика: мол, имеешь свой дом и т. п. А я, зная эту сволочную породу мелкотравчатых и вороватых, скоро подававших партийные билеты слуг народа, всё никак не мог преодолеть брезгливость и отвращение и похлопотать за родителя.

К трем внукам прибавляется внучка. Нарастает желание помочь своим миасским литературным питомцам. Готовлю и помогаю издать антологию «Стихи Миасской долины», несколько сборников членов литобъединения. Очень хочется написать что-то свое.

В свободное время, кроме садово-огородных дел, увлекаюсь минералами. Облазил, вооружившись кайлом, вместе с друзьями-товарищами окрестности Миасса, Златоуста, Пласта, пос. Ленинск. Рыл, копал, что-то находил. Теперь у меня в Челябинске компактная, но содержательная коллекция камней, которыми и сам люблюсь, и другим показываю.

До сих пор чтение — одно из самых любимых занятий. Перечитываю Бунина, Чехова, Гоголя. Наслаждаюсь Борхесом, Астафьевым, Конечким, Довлатовым. Интересны мемуары Вознесенского, Евтушенко, Ваншенкина. И все-таки словари народных говоров — лучшие из книг.

К сожалению, кирка для минералов давно заржавела. Все некогда да недосуг. Остается только лес, куда я сбегая при первой же возможности. Часто среди деревьев мне уютней, чем среди людей. Думаю, что это и по стихам видно.

Захотелось что-то добавить из последнего отрезка своей жизни. В 1998 году ушел, не доработав до положенного срока, из секретарей Союза писателей: бездарное, преступное ельцинское правительство довело Россию до ручки.

Ни «правые», ни «левые» меня не устраивали. В течение трех лет практически безмолвствовал, оглушённый, отравленный новоявленной литературой. Страницы газет и журналов заполонила «прикольная» пошлятина, разнузданная похабщина на каком-то тарабарском языке...

Много раз участвовал в «Литературных встречах в провинции», попросту в «Астафьевских чтениях», проходивших в п. Овсянка Красноярского края, на родине великого писателя. Тридцать шесть лет судьба позволяла общаться с Виктором Петровичем и Марией Семеновной. И главное: никакая расчётливость в нашей дружбе не ночевала, поскольку никогда ни с какой просьбой, связанной с литературой, я к ним не обращался, а они ко мне — тем более. На «Астафьевских чтениях» приумножилось мое богатство новыми товарищами и приятелями. А некоторые, как Валентин Курбатов и Михаил Кураев, стали, надеюсь, моими друзьями. Появились и многочисленные поклонники.

Одно время крепко задружил с областным Центром народного творчества. Пригодился сорокадвухлетний стаж руководителя миасским «Ильменитом»: с благословения дирекции создал литературную секцию. Более 17 лет ежеквартально собираются десятки самодеятельных поэтов и прозаиков на семинары. Проблема напечататься натолкнула на мысль создания своего журнала. И с начала 2010 года стал выходить «толстый» ежеквартальный альманах для любителей словесности «Графоман».

В 1999 году я был приглашён на Международный конгресс поэтов в Санкт-Петербург. Вместе с Ахмадулиной, Горбовским, Кушнером читал стихи в Таврическом дворце. Праздник — Александру Сергеевичу Пушкину 200 лет! В этом же году по итогам Всероссийского конкурса поэтов получил профсоюзную премию им. Ф. Т. Селянина. Написал «Царёнка», маленькую документальную повесть о детстве, чудиновском детстве. Снова пишутся стихи, жестковатые, эмоциональные. Выходит книга «Графоман». Через год — «Музыка легкого поведения». Администрация губернатора области выдвигает книгу на Всероссийскую литературную премию им. Д. Н. Мамина-Сибиряка, которую и вручают мне 6 ноября 2003 года в Висиме, родном городе классика. 11 ноября, в День города, мне присвоили звание почётного

гражданина муниципального образования «Город Миасс». Награждён знаком почёта «За заслуги перед Челябинской областью». Название длинное и мудрёное, но приятное. В 2005 году выходит двухтомник — стихи и проза. По рекомендации областной администрации включен в энциклопедию «Лучшие люди России». В январе 2006 года получил Всероссийскую литературную премию им. П. П. Бажова за книгу стихов «Человек похожий на меня». Подготовил и издал несколько книжек миасских литераторов.

Дочери давно выросли, выросли и их дети. Оксана учит ребятшек в миасской школе. Антон и Максим — офицеры. Младшая дочь Жанна и внук Митя живут с нами. Не всегда нас с Валентиной радуют внуки, но такова жизнь. Думаю, нашим родителям было с нами легче. Правда, жили мы тогда намного беднее, но чище и интересней. Может, даже естественней. Как-то я в запале написал: «Пора признать нам в двадцать первом веке: всё меньше человека в человеке». Очевидно, хоть и невероятно.

К стыду или к радости от мании стихописания так и не избавился — болезнь пожизненная. В 2014 году полномочный представитель Президента РФ Игорь Холманских вручил мне литературную премию Уральского федерального округа за стихи последних лет. А через неделю-другую получил Южноуральскую премию за книгу социальной лирики «i: новые стихи». Надеюсь, достаточно активно работаю в фонде им. академика В. П. Макеева «Миасская долина» и совете почётных граждан г. Миасса плечом к плечу со своими земляками. Когда-то Изет Сарайлич написал: «...Уж и твоё имя — Николай Година — мне очень нравится. С таким именем невозможно лишь прогуляться по литературе. Такие имена остаются. И очень хорошо знать, что через года у меня будет друг — Година». Не знаю, оправдал ли я надежды Изета? Останется ли хоть одна строка под моим именем? Вопросы...

Николай Година

2006—2020

**Стихотворения
(1963—2020)**

Гора

Возьмешь, бывало, этот пик,
Чуть схожий с обелиском, —
Тебе покажется на миг:
До неба близко-близко!
Поднимешь руку — облака
Упругие повиснут.
Сожмешь кулак — из кулака
В лицо дождейки брызнут.
А в тихий час, когда закат
Восходом станет где-то,
Дурачась, шальный звездопад
Зажжет в тебе поэта.
Туда, где мир шумлив и прост,
Сойдешь крылатым будто,
Неся в глазах соцветье звезд,
Чтоб подарить кому-то.

1963

* * *

Металась женщина, кричала.
В больших глазах стояла мгла.
Потом, уставшая, молчала.
Потом, счастливая, спала.
Вертелась медленно планета,
Прохладно было и темно.
Еще в садах росли букеты,
Еще готовились приветы.
Крутила ночь свое кино.

А в синий час, когда светало,
Дочурка с дедушкин носок,
Себя шумливо утверждала
И до смешного щекотала
Губами розовый сосок...

1963

Береза

Сухой и бесконечно старой
Береза век свой дожила.
В тиши гавайскою гитарой
Недолго плакала пила.
Медвежий треск вспугнул оленя,
Просторней стала синева...
Как атом, крепкие поленья
Я расщепляю на дрова.

1964

Взрыв

Скала подпрыгнула и села.
Прибоем пыль вошла в забой.
Горячий ветер ошалело
Кружил на месте, как слепой.
Гудело эхо у Горбатки,
Запахло порохом вокруг.
И вдруг почувствовал в лопатке
Осколки бывший политрук.

1964

Работа

От боли лопались мозоли,
Металл втирался в кожу рук.
Через года, как через поле,
Я зло тащил работы плуг.
Легко утрами — как с пригорка,
Как в гору — к ночи...

О труды!

Я пел мальчишкой от восторга
Над каждым метром борозды.
В жару и в снег, зимой и летом
Потел и зяб, под ливнем мок.
Да, я пахал, чтоб кто-то следом
Без передышки сеять мог!
Смывая соль седьмого пота,
Усталость нудную кляня,
Я делал трудную работу —
Работа делала меня.

1964

Усталость

Я с ног валяюсь,
Закрыв глаза, молчу.
Но просто так сдаваться не хочу.
Я не умру.
Я отдохну чуток.
Послушаю гуденье рук и ног...
О, как она кипела,
Кровь моя,
Когда рубил мерзляк
Лопатой я.
Когда закончив смену
Наконец,
Я нес домой
Усталости свинец!

Мне нравится
До жара уставать
И медленно, как солнце,
Остывать.

1964

Ужин в Габесе

С канделябром кактуса в руке,
Освещая путь закатным светом,
Пробирался вечер вдалеке
В мире том, точнее — в мире этом.
И расплющенная у горы
На песке сушилась тень феллаха.
Пахло хлебом со стола Аллаха
И вином из лавки Зухайры.

Тунис, 1965

* * *

Всё как будто ясно и понятно,
С виду старый мир предельно прост.
...Ночь глядит
Сквозь облачные пятна
Воспаленными глазами звезд.
Город спит,
Но свет в одной квартире,
Тень ложится на экран окна.
Нет, не все, наверно, просто в мире,
Если человеку не до сна.

1965

* * *

Утки прилетели на болото,
Весело шныряют по куге.
А в осоке терпеливый кто-то
Держит нервный палец на курке.
Я с собою не ношу двустволки,
В сапогах не прячу по ножу.
Я брожу вдоль берега без толку,
Просто захотелось — и брожу.
У меня забота небольшая:
Распеваю песни, как в лесу...
Может быть, кому-то помешаю,
Может быть, кого-нибудь спасу.
1965

* * *

Тускнела молния березы,
И таял медный гром сосны.
И тени, растекаясь косо,
Лоснились от голубизны.
Гнездилась тьма на ветках споро,
Грачами вскрикивала вдруг.
Я выбрал пень, присел и скоро
Легко забыл про все вокруг.
Меня раздумья обнимали,
И я был вроде как во сне...
Деревья это понимали —
Стояли тихо в стороне.
1965

Зазимок

Не жаль заснеженного лета,
Как дня вчерашнего не жаль,
Поляна с тайнописью следа
Передо мною как скрижаль.
Березы с явным интересом
Толпятся весело вокруг.

Я слушаю молчанье леса
И слышу приближенье вьюг.
Иду, желанью не переча,
Сквозь белый шорох сушняка,
Снежинки падают на плечи,
На землю падают снега.

1965

* * *

Я начинал свою карьеру
В забоях серного карьера.
Пустыня морем штормовала,
Бросала зло песок в глаза.
Пустыня яро штурмовала
Аул с названьем Дарваза.
Страшней, чем пресловутый стронций,
На той сковороде земной
Был зной под вертикальным солнцем,
Проклятый каракумский зной.
И только ватники спасали —
Те, что спасают от зимы.
И только чудом не скисали,
Не опускали руки мы,
Когда удушлив, как экватор,
Стоял тяжелый жар вокруг,
Когда послушный экскаватор
Не подчинялся воле рук.
А мы потели, мы хотели
Себя сильнее быть хоть раз.
И кровь перегревалась в теле,
И звезды сыпались из глаз.
Мы пробивались сквозь напасти,
От жажды сохли на ходу.
Мы добывали веру в счастье —
Такую ценную руду!

1966

* * *

Здесь, у воды, такая тишина,
Такая глушь, безмолвие такое,
Что, кажется, воочию видна
Во всем перенасыщенность покоя.
Затянут белым поясом берез,
Синеет пруд глубинами прохлады.
А мы с тобой взволнованы до слез.
А мы с тобою несказанно рады.
Уставшие от города вдвойне,
Отвыкшие от запаха и цвета...
Сидим в траве, запоминая лето
Подробно, как разведчик на войне.
1966

Дочь

Вопреки желанью Мальтуса,
Та, что вымечтал, точь-в-точь,
Чуть похожая на мальчика,
Появилась в доме дочь.
Я приветствовал осанною
День, хмельного пригубя.
Я назвал ее Оксаною,
Повторившую тебя.
Так пронзительно глазастая,
Так игрушечна на вид...
Пусть она, сопя и здравствуя,
Мир наивностью дивит.
А для нас излишня проповедь,
Нам детьми дано побыть:
Снова первый шаг опробовать,
Слово первое слепить.
1966

* * *

Транспортерной лентою, легка,
По камням бежала под ногами,
Облаками — белыми тюками —
Доверху груженная река.

Бабы шли сторонкою, пыля.
Лодка билась, к берегу прижата.
И сияли стрижено поля,
Как на первом смотре салажата...

Не припомню, хоть убей, когда
Вырезалось в памяти такое.
Та же речка, да не та вода,
Те поля, но что-то в них другое.

Оглянусь нечаянно назад,
Ахну изумленно, вспоминая:
Здесь когда-то был колхозный сад,
А в заборе дырка потайная.

И нетрезвый дед наверняка
Мял малину жесткими боками.
И бежала по камням река,
За кусты цепляясь облаками...
1966

Каланча

Хитрым памятником зодчества
Торчала каланча.
И была ее высочеству
Деревня до плеча.
Посередь дворов, нескладная,
Стояла не к добру.
Вечно, будь она неладная,
Скрипела на ветру.
Сквозняки скулили жалобно
Щенками по углам.

По-хозяйски не мешало бы
Спалить весь этот хлам.
Пацаны, совсем не ухари,
От страха горячи,
Мы взбирались, чуть не ухая,
К макушке каланчи.
Рисковали быть побитыми,
И больше — головой...
Грядки, тяпками забытые,
Щетинятся травой.
Журавель с ведром сутулится
У крайнего плетня.
Не признала, видно, улица
Нездешнего меня.
Не узнала, не услышала.
Но верить не хочу.
Шарю медленно над крышами
Глазами каланчу.
Только трубы, жерди разные,
Антенна как смычок.
Может, детство мне приблазнилось,
А я-то, дурачок...

1967

* * *

Я вино пока не очень,
Разве каплю иногда.
Испеки мне, мама, сочень,
Так приспичило — беда!

Не желание — истома.
Захотелось до конца
Ощутить себя, как дома,
В доме матери-отца.

Лезу в угол под божницу.
В кружке пенится питье,
Вспоминается ли, снится
Что-то давнее мое.

И ухваты, будто черти,
В печку прыгают...
Темна
Над избой, как над
мечетью,
Мусульманская луна...
1967

Ремонт

Расселась поперек пути скала,
Не сдвинешь с места ни на полсажени.
Не там, так здесь хрустит от напряженья
Чугун, ломаясь с легкостью стекла.

Шумит начальство. Но причем тут бог?!
За планом гибнут премия и слава.
Подходим слева, подползаем справа,
Ломами тычем экскаватор в бок.

Согнувшись в три погибели, в пыли
Катаемся, сердитые, как черти...
И все-таки хоть верьте, хоть не верьте,
Работой нашей правят не рубли.
1967

Мама

Мама чуточку горбится
Оттого, что стара.
Мама ходит по горнице,
Блеск наводит с утра.
Водит мокрою тряпкою
По кровати резной.
Руки мамины дряблые
Как картошка весной.
А в окно сивой мордою
Мягко тычет зима.

До чего ж мама гордая,
Все сама да сама!
У меня руки белые
И не мятая кость.
Ничего я не делаю.
Не положено — гость.
Оттираюсь бессовестно
Целый день у стола.
Мама смотрит так солнечно
На меня из угла.
Очень хочет не горбиться,
Мол, ничто не берет...
Пахнет ладаном горница,
Хвойный след от ворот.
1967

* * *

Хрустят суставами составы
На перегоне у Ильмен.
А я живу как по уставу,
Налажено, без перемен.
Вполне посильная работа.
Благоустроен вроде быт.
Но я все жду и жду чего-то,
Я ожиданьями набит.
И от рассвета до рассвета
В душе я лампу не гашу.
Со мною так слилось все это,
Что я им попросту дышу.
Живу.
И жду, как дом, солдата.
Боюсь лишь только одного:
А вдруг дождусь, а вдруг когда-то
Лишусь в единый миг всего.
1967

* * *

Устал, едва могу идти.
Усталость мне давно привычна.
В клуб после смены, как обычно,
Явлюсь чин чином к девяти.
Там разрываться будет хромка,
Вдыхая папиросный чад.
И я с братвою буду громко
Болтать в сторонке про девчат.
А дома снова до рассвета
Снам не управиться со мной.
И долго тяжесть всей планеты
Я буду чувствовать спиной.
1967

* * *

Как будто долго проболела,
И, наконец на ноги встав,
Береза так светло белела,
По солнцу ветви разметав.
Стояла тоненькой и слабой,
И каждый лист ее дрожал.
И кедр тактично крепкой лапой
Ее за талию держал.
Неповторимо, балериной
Она стояла, как плыла.
И тишина тайги звериной
Ей страстной музыкой была.
1967

* * *

Мои березы, как седые волосы
У старенькой планеты на виске.
Шарахаясь от собственного голоса,
Вчерашний день ищу в глухом леске.
Натянутую волейбольной сеткою,
Рву паутину поперек плечом.

И солнце, расцарапав щеки ветками,
Мне прямо в руки падает мячом.
Иду, кого-то зля, кого-то радуя,
Сам по себе миролюбив вполне.
Запрятанное в куст сорочье радио
Вещает торопливо обо мне.
Признаться, популярность мне до лампочки.
Пусть каркают, чирикают, мычат,
И пусть пеньки, как старики на лавочке,
Молчат и смотрят, смотрят и молчат.

1967

* * *

Кружится от браги травостоя
На тугих ладонях голова...
Лес пилить — занятие непростое,
Самого потом хоть на дрова.
Трудно начинать без подготовки,
Только вырос я не слабаком.
Топором помахиваю ловко,
Как в кино буденовец клинком.
Гладкие, похожие на свечи
Волоку поленья по листве...
Часиками тикает кузнечик,
Не пойму: в траве ли, в голове?

1967

* * *

Мне сирю одному и сыро
В пропахшей дождиком толпе.
С луною, как с огрызком сыра,
Молчит ворона на столбе.
И рыжий куст застыл по-лисьи,
Привстав на цыпочки внизю.
И не погоны я, а листья
На вымокших плечах несю.
Втыкая ноги в грязь, нескоро
Иду, куда глядят глаза.

С проворством фоторепортера
Пугает вспышками гроза.
И снова тихо дождик снится,
В огне дорожное кольцо.
И вдоль витрины лица, лица —
Как куклы, на одно лицо.
1967

* * *

С иконы пялится нахально
Небритый, как геолог, бог...
Я мыслю вроде эпохально,
А вот живу куда-то вбок.

Нельзя назвать болезнью роста
Мои грехи от дня до дня.
Но, что поделаешь, непросто
Все в этом мире для меня.

Довериться бы тайне слова
И низко кланяться судьбе.
А я с трудом пытаюсь снова
Открыть открытое себе.

Не любопытство.
Ради сути
Работа тяжкая моя...
Да, люди, вы, конечно, судьи,
И все ж я сам себе судья!
1967

Слово

Дано нам слово не для слова —
Для дела слово нам дано.
Беру тетрадь, перо, и снова
Мне нужно позарез оно.

Я шарю в памяти подолгу,
Ищу под коркой словаря.
И, откровенно говоря,
Нередко мучаюсь без толку.

Но — вот оно!
О чем-то новом
Заговорила вдруг строка.
Нет, не всегда бывает словом
То, что сорвалось с языка.

1967

* * *

Рисуем, вдохновенно мажем,
От нетерпения чумны...
Окно талантливым пейзажем
Висит в подрамнике стены.

Я вижу четкую прозрачность
Берез в натаявших прудах.
И озорную многозначность
Болтливых птиц на проводах.

Вот солнце на стекле двоится,
И улица почти пуста.
Здесь в каждом пятнышке таится
Неписанная простота.

И даже грязь, на утешенье,
Которую обходишь ты,
Не портит смелого решенья
Избитой темы — красоты.

1967

Гроза

В глазах короткой вспышкой гнева
Погасла молния, когда
Ломалось небо справа, слева
И дождь свисал, как провода.
Лицо закинув кверху гордо,
Весь — улиц радостный оскал
Щекотно каменное горло
Промокший город полоскал.
Он отдыхал душой и телом,
Квадратно в стороны глазел.
А я под липой грешным делом
На ручке зонтика висел!

1968

* * *

Берез полночное свечение.
Листва луной опалена.
И ты, совсем еще вечерняя,
Неясной утрости полна.

Дрожишь случайною осинкою
В чужом лесу, где не тепло.
Сквозь сумрак, выкрашенный синькою,
Мигает звездное табло.

Плывут веселые затмения
Любимых глаз передо мной.
И с каждым выдохом заметнее
Рассвет на кромочке земной.

Опять земля, бесспорно, плоская.
И солнышко в конце аллея.
Пусть будет вечна даль с березкою
И день вчерашнего светлей.

Вот все мое благополучие,
Где ты и я — одна судьба...
Попробуйте придумать лучшее
На этом свете для себя!

1968

* * *

Я перед вами на духу.
Всему, что говорю, поверьте.
Я не прибавлю, не солгу,
Как обреченный перед смертью.

Пусть субъективностью порой
Грешу я — нет добра без худа.
Пусть положительный герой
Не вышел из меня покуда.

Но жизнь по-своему любя,
Держу распахнутыми двери.
Я доверяю вам себя
За ваше полное доверье.

1968

* * *

Город ливнем заштрихован,
Молниями облучен.
Я от зла не застрахован,
От добра не отлучен.
Может быть, не так, как надо,
Так, как хочется, живу.
У меня своя Гренада.
Я люблю свою Москву.
Только все это не значит,
Что другим я не родня.
Жизнь не раз переиначит,
Переделает меня.
Буду я таким похожим,
Все возможное пройдя.

Будет вечер мой погожим,
Как сейчас, после дождя.

1968

* * *

Горящей веткою гроза
По окнам яростно хлестала.
Не очень смелые глаза
Под веки прятались устало.
Текла безмерная вода
Для наших мест без всякой пользы.
И зрела первая звезда
На голубой осине после.
И после тишь была во мне,
В тебе — слова, теплы и кротки.
И в каждой луже по луне,
Как по блину на сковородке.

1968

* * *

Верха благополучно сини.
Низы приятно зелены.
И как эстампы в магазине:
Река, дорога, три сосны.
Изображенное неверно
Пространство вспаханной земли,
Мне больше нравится, наверно,
Лесок, размазанный вдали.
По звонким камешкам ступая,
Несу туда свои слова,
Где, с каждым шагом проступая,
Меня предчувствует листва,
Где ветер в белую полоску,
Мастак на всякие дела,
Оставил юную березку
Почти в чем мама родила.

1968

* * *

В Миассе пыль до потолка.
Из улиц выпутавшись еле,
Ныряю в лес, как в подземелье,
Жарой пришибленный слегка.
Как обессилевший вдруг Вахх,
В траву заваливаюсь пьяно,
И тени, словно обезьяны,
Космато прячутся в ветвях.
Листок к листку и ствол к стволу,
А в общем, все живет, стареет.
В извечном небе птица реет,
Покинув скучную скалу.
Она глядит на странный век,
На шумный мир, что пыль глотает,
В котором бодро обитает
Мой соплеменник — человек.
Ей непонятно, что к чему,
Зачем я так спешу обратно
Туда, где по звезде на брата
И работенка по уму.
Добро творить себе добро
И бегать в лес без всякой блажи!
И Миассе лето — спрос на пляжи
И очереди за ситро.

1968

«У Калиха»

Не пьянство и не ремесло,
А любопытство азиата
В пивную Швейка занесло
На огонек меня когда-то.
Там шумно пенилась, текла,
Местами штормовала даже
Накуренная полумгла
Застольного ажиотажа.
Качались шляпками столы,
Где только пили, весла бросив.

висит, как и положено солнцу,
на самом видном месте.

1968, Польша

Море

Вертолет легко, как мышку,
Ветром в небо унесло.
Море, смятое в гармошку,
Потускнело как-то зло.
Посерело, постарело
И напомнило слегка
Допотопного карела,
Отставного рыбака.
Пена кружевом у мола...
Свет метнулся по воде.
Снова рыжиной у моря
Солнце в белой бороде.
Волны медленно и хлипко
Растеклись, подняв пыльцу,
Будто добрая улыбка
По сердитому лицу...

1968

* * *

Охотник до собак и лыв,
Батый незащищенных грядок,
Я был в том возрасте счастлив,
И был в душе моей порядок.
Я, в общем, зла не приносил,
Добра, сказать по правде, тоже.
А просто рос по мере сил,
Долги текущие итожа.
Изба стояла за углом.
Носились птицы в небе тесном...
И мир был крохотным селом,
И называлось время — детством.

1968

* * *

Неровно на плешивой горке,
Чудно окошками кося,
Изба в дырявой треуголке
Стояла, розовая вся.
А в конопле, где воздух сизо
Стоял заросшим озерцом,
Петух за курами носился,
И кот шпионил за скворцом.
И грустный мальчик с другом Пашкой
Мастачил бомбы из песка.
Ребрилась мелко под рубашкой
Грудь, как стиральная доска.
Царил матриархат в деревне.
Брела война, кровавая след...
Подумать страшно, как мы древни
С тобою, память, в тридцать лет!
1968

* * *

Все неулаженности давни,
А встречи радостно свежи.
Пестреют бабочками ставни,
На провод снизаны стрижи.
В окне знакомая девица.
Под пряслон пес, уставший выть.
Пройтись ли краем — удивиться,
Вбежать ли в избу — удивить?
Так и стою пока, не зная
В какую крайность лучше впасть,
Над головою высь сквозная,
В ногах земля, чтоб не упасть.
1968

* * *

Потянуло на природу,
Ближе к лесу и к воде,
Будто не был, бедный, сроду
Дальше улицы нигде.
Нет бессовестней заботы,
Чем у жэковской избы
Календарной ждать субботы,
Словно пряника судьбы.
Чтоб потом уйти, как сгинуть,
Не жалея, не ленясь.
На двоих шатер раскинуть
На опушке, будто князь.
Бросить леску в омут сонный
Ради спорта, так сказать.
Ненароком вынуть солнце —
Всем на свете показать.

1968

* * *

По муравьищам, городской разиня,
Шатаюсь, наживая пупыри.
В лесу, как в парфюмерном магазине,
Дыши бесплатно и домой бери.
День, будто парашют, висит на сучьях,
А я в плену, наверное, пока
У всяких там порхающе-ползучих
Аборигенов тихого мирка.
Приглядываюсь:
по траве белесо,
Загубленная в юности зазря,
Ручьями растекается береза,
Еще живыми листьями пестря.
Цивильный варвар знает дело туго.
Щепа рыбешкой плавает вокруг.
Бойтся дятел собственного стука,
И колокольчик падает из рук.
Ну много ли в случившемся изъяну!
Но боль тревожна, как пещерный зов,

Обидно за смешную обезьяну,
Что вывела нас в люди из лесов.
1968

* * *

На Бога нечего пенять,
У черта дел своих до черта —
Себя старательно понять,
Себя найти упрямо в чем-то!
Неорганичен и свинцов
От всяких дум осадок в теле.
Потратить век в конце концов,
Но разобраться в этом деле.
И умереть, убратся в срок,
Найти приют под тихой рощей,
Нагляден, как плохой урок,
Полезен, как пример хороший.
1968

* * *

Опять с погодой нелады.
Сосед грешит на космонавтов
И роет хитрые канавки,
Самоспасаясь от воды.
Леса туманом обросли,
И перепахли травы прелью.
Близки по внешности апрелю
Все несуразности земли.
На ровном месте упадешь.
Речушка мостик задевает.
А небо снова затевает
Из ничего, представьте, дождь.
Гроза вдали творит погром.
В кустах ворочаются грузди.
И тихо старятся от грусти
Две ивы за крутым бугром.
1968

* * *

Горизонт не очень прямо
Синь отчеркивал вдали.
Горизонт дразнил упрямо
Мнимым краешком земли.
Утки медленно летели
К югу, видимо, руля.
По степи ползли метели
Молодого ковыля.
День чернел от всякой смуты,
В дымке плавал, как в дыму.
Все готовилось к чему-то,
Все сводилось к одному.
1968

* * *

Может, все это неправда:
Воздух, солнце, дерева.
Может, Сороть и Непрядва —
Лишь красивые слова.
Может, не рассвет на листьях,
А совсем наоборот.
Может, не расцветкой лисьей
Грусть осенняя берет.
Может, ерунда поможет
Вызвать тайну старины.
Между прочим, нынче, может,
Кто-то свалится с луны.
Или в полночь нас разбудит
Сногшибательная весть...
Так и будет все, как будет,
Так и будет все, как есть.
1968

* * *

Кончается, кончается...
День дымчат, как топаз.
Смеяться ли, отчаяться,
Терпеть ли про запас?
Так ощутимо жжение
Последнего тепла
В огульном порыжении,
В сгорании дотла.
Листва в колодце бликами
Качается едва.
И мнят себя великими
Большие деревья.
Распухшее от сырости,
Свалившись в щель, на дно,
Мечтает чем-то вырасти
Случайное зерно.
И птицы окончательно
Настроились на юг.
И грозы опечатаны
На много-много вьюг.
1968

Герои

Героям возвращаем подвиги.
Динамики басистей втрое.
Великодушны — значит, подлинны —
Прощают молча нас герои.
На пьедесталы невысокие
Герои всходят, бронзовея.
И ветры песни им особые
Поют, над площадями вея.
А мир почти без изменения.
Опять чуть облачно, и осень...
По праздникам, как извинения,
Цветы героям мы приносим.
1968

* * *

Никакая там не знаменитость,
Я братве рабочей парень свой.
В парусине, как в доспехах, витязь,
Зарываюсь в землю с головой.
На педаль лопаты жму, купаюсь
В тесноте глухой, от пыли рус.
До Америки не докопаюсь,
До воды, как пить дать, доберусь.
Вылезу, отдавший все, что нужно,
Упаду у полдня на пути.
Будет солнце рисовать веснушки,
И трава сквозь волосы расти.
1968

Разведка

Ночь бесконечна и глубока,
Пропала без вести луна...
Пустыню не возьмешь на Бога,
Она достаточно сильна.
Песочными часами, вечна,
Шуршит стихийно и старо.
И вот решили узким вече
Мы заглянуть в ее нутро.
Лбы мокнут, бур в сторонке стынет,
И пахнет скважина Баку...
Как под наркозом, спит пустыня
С дымящей раною в боку.
1968

* * *

А снег пока не убывает,
Как манна сыплется с небес.
И настроенье убивает
Какой-то непонятный бес.
Березы, словно привиденья,
С утра под окнами торчат.

Их запорошенные тени
Голубоватый свет точат.
По мелкой тропке, мимо леса,
Туда, где белый сон тиши,
Несет меня неравновесье
Так называемой души.
А снег уже довольно гладко
Сошел на нет, и даль редка.
И для полнейшего порядка
Мне не хватает пустяка.

1968

* * *

Пожертвуем, адамы, по ребру,
Пусть станет Божий свет вдвойне прекрасным.
Высокая, как полдень, в чем-то красном,
Ты образно сгораешь на ветру.
Дымит сирень и клонится в кювет.
На солнце ни затмения, ни пятен.
И всякий воробей немного Фет,
И всякий жук по-своему приятен.
Трава просторно плещется — плыви!
Ветвятся руки гибко и сторожно.
И мы с тобой, как дерево любви —
По листику на каждую ладошку.

1968

Стеклянная женщина

В Дрезденском музее гигиены
и санитарии выставлена
стеклянная женщина.
Сознание воображало.
Пристойно любопытство жгло.
В углу поблескивало шало
Одушевленное стекло.
Краснел холодный провод резко,
К естественности приближен.

И нерв, натянутый, как леска,
Был откровенно обнажен.
А женщина, кружась, парила
В каком-то непробудном сне.
И что-то странное творила
На самом доньшке во мне.
Раскинув руки, удивленно
Навстречу голосу плыла.
То, безнадежно отдаленна,
Игрой фантазии была.
Стреляли кнопки где-то сбоку,
Внизу поскрипывала ось.
И видел я, подобно Богу,
Впервые женщину насквозь.
1968, Дрезден

* * *

Где сохнет по дождю Атлян
И даль в рисунках, будто книга,
В подолах ситцевых полян
Переспевает земляника.
Рву, обжигаясь краснотой,
По яголке и с интересом
Слежу за тихой красотой,
Условно названною лесом.
Легка симметрия стволов.
Уютны коридоры просек.
И воздух комнатно лилов,
И слова зря никто не бросит.
И хочется, как в дом, вбежать,
Под солнце сесть, как под икону,
И век хозяйку ублажать
И по любви, и по закону.
1968

* * *

Тень отрастала, словно ветка,
Вмещалась в улицу едва.
Потом всходили звезды редко,
Как всходит первая трава.
Бензином скверно пахли скверы.
Отстаивалась тишина.
На фоне сумрака Венера
Была так женственно бледна.
Тянуло далью от вокзала,
Дышали двери табаком.
И люстра с потолка свисала
Во тьме огромным пауком.
Все на земле перемешалось,
Меня краски и черты.
И легкомысленна, как шалость,
Была реальной только ты.
1968

* * *

С горячей пеной на губах
У ног подрагивало море.
День был в сиреневом миноре,
А ветер чем-то синим пах.
Дыряво тени кое-где
Темнели влажно, выгорая.
И рыбой блики шли, играя
В адриатической воде.
Тела бездушно на тропе
Лежали, как на поле брани.
Но я был жив, я был лишь ранен
Случайной мыслью о тебе.
1968, Дубровник

* * *

До добра не доведет, наверно,
Углями набитая башка.
Девочка, пугливая, как серна,
Смотрит на меня исподтишка.
Мне понятен взгляд, приятен крайне,
Нет в раздумьях места мелочам.
Я причастен к первой ее тайне,
От которой душно по ночам.
И себя иллюзией не теша,
Утверждаю, твердый в правоте,
Что с годами внутренне мы те же,
Внешне до обидного не те.
1968

Элегия

Та женщина, которую я бросил...
Заплаканное дождиком окно...
С красивою задумчивостью осень
Похоронил я в памяти давно.
Та женщина, которую я бросил...
А этот страшный холод рос и рос.
И восходила крохотная просинь
Над заревом неоновых берез.
Та женщина, которую я бросил...
Сквозь белый день смятение несую.
Я вырубил в душе десяток просек,
Но в том лесу все так же, как в лесу.
Та женщина, которую я бросил...
О Господи, к чему все это мне!
Никто не скажет и никто не спросит.
Никто не отзовется в тишине.
Та женщина, которую я бросил...
1968

* * *

У нас с тобой, как никогда,
Стоят такие холода!
У нас с тобой сейчас зима,
А всюду лето дразнится.
И можно запросто с ума
Сойти от этой разницы.
Пестреют празднично цветы,
Ершится травка нежная.
И холодно белеешь ты,
Почти как баба снежная.
Я дух растратил, душу сжег,
Терпение кончается...
А тюль на окнах, как снежок,
Качается, качается.
Уйду, послушаю в лесу
Ни песенку, ни шуточку.
Тебе немного принесу
И сам погреюсь чуточку.
1969

* * *

Уют далек от идеала
И все-таки уют вполне:
Два топчана, два одеяла,
Два женских фото на стене.
А за стеною, поостынув,
Насколько видит острый глаз,
Пустынна, как луна, пустыня
Вокруг просторно разлеглась.
И саксаул в огне заката,
Напомнив танец дикаря,
Белеет сучьями сохато,
Светясь вовсю, как бы горя.
И даль не видно из-за флёра,
И в красках явный диссонанс.
Мертво...
Вся фауна и флора —
То дерево и двое нас.
1969

* * *

Так вчера, сегодня, завтра...
Экскаватор сбоку ходит.
На какого-то там «...завра»
В темноте слегка походит.
Оторвавшись от металла,
Шелестя бушлатом старым,
Я домой иду устало,
Притворившись не усталым.
В небе тысяча пробоин.
Веселею, безмятежен,
Светом внешним успокоен,
Миром внутренним утешен.
1969

* * *

Городок подстрижен, словно пудель,
Хитроумно выряжен в самшит.
Я заботой личною опутан,
К городку причастен, как пришит.
Чтоб не стать подобием Кощея,
Чтобы дух рабочий не зачах,
Интенсивно наедаю шею
На казенных дармовых харчах.
Не ругаюсь, сажу не глотаю,
Не потею — жизнь моя легка.
С дураками время коротаю,
С умными валяю дурака.
Так и жить помахоньку б, не скоро
До того назначенного дня.
Только руки подло, как у вора,
Чешутся без дела у меня.
1969

Библос

Легенды утверждают, что Библос
был первым городом на земле.
Докопались до первого города:
Храмы, торжища, камень витой...
Тишина, как ножом, остро вспорота
Криком чайки над мертвой водой.
Воздух пахнет дождем и оливами.
От жары не осталось следа.
В первом городе люди счастливыми
Были тоже, видать, не всегда.
Жутковато ступать на развалины.
Любопытно копать в пыли.
Чьи-то кости бессовестно свалены
В угол, где никогда не мели.
Может, все это смотрится здорово,
Только тяжело от затхлых камней,
Схоронивших когда-то историю,
Заодно и историков с ней.
Оглушенный зловещим молчанием,
Прохожу от угла до угла,
Где худая скотина мычанием
Темных стен оживить не смогла.
Не обманут игрою фантазии,
С болью чувствую, как, семена,
Вместе с улицей в зыбкую Азию
Время втаптывает и меня.

1969, Ливан

* * *

День и ночь вода текла
Ручейками рыжими.
Пузырятся купола
Высоко над крышами.

Но земля еще суха.
Лес лишился облика.
Ранний месяц, как соха,
Мелко пашет облако.

Пыль у мельницы стеной,
Суетня хозяйств иных...
Срок сенной и дровяной
У людей хозяйственных.
1969

Церковь

Беззубым гребнем старого забора
Не расчесать сваявшейся травы.
Церквушка с импозантностью собора
Позирует на фоне синевы.
Как кладбище, заставлена крестами,
Купавами раскрылись купола.
В тени под худосочными кустами
Щенят хромая сука навела.
Последний поп от водки умер, что ли,
А попадья в технички подалась.
В то время я еще учился в школе,
Когда пришла в упадок божья власть.
Старухи, потрясая рогачами,
И крестные знамения творя,
Несли охрану бдительно ночами
Обросшего грехами алтаря.
Потом селянки привозили с поля
Сюда зерно — колхоз богато жил!
И чем еще, не по всевышней воле,
Облезший храм народу ни служил!
А дни идут.
Домам в проулке тесно,
Где церковь руки к небу вознесла,
Теперь уж не нужна и лишь уместна,
Как достопримечательность села.
1970

* * *

Погода делает не то.
Старик на печке, как Емеля.
Азартно бочками в лото
Играют грузчики с похмелья.
Какой-то розовый народ,
Здесь оказавшись не случайно,
Свое старательно берет,
Живет тепло, светло и чайно.
Герани, пиво на ура,
Дымки над столиками едки.
И полтора на полтора
Буфетчица в стеклянной клетке.
И мне не то чтоб дорога
Вот эта сельская харчевня,
А просто падают снега
И доля путника плачевна.
Сижу. Смотрю на старика,
А он клюет спокойно носом,
Как будто кровь его легка,
И жизнь еще не под вопросом.
1970

* * *

Скатилось солнце в черную яругу,
Взорвавшись, обагрило окоем.
Дома, прищутив окна близоруко,
Задумались о чем-то о своем.
Волшебствует луна, вчерашним светом
Коснувшись грани звездного венца...
То новый день идет, а я и в этом
Еще не разобрался до конца.
1970

* * *

Не бездарная мазня
Черно-белого пейзажа —
В рамках сельского пассажа
Виды мартовского дня.
Шумно празднуют грачи,
В небо шапками взлетая.
Дело делают, витая,
Чудотворные лучи.
Едет снег на пустыри.
Лед кончается у дома...
День работает, как домна:
Жжет и плавится внутри!
1970

Вечер

Закат похож на петуха,
Еще горячего от драки.
Тайга доверчиво тиха,
И фантастичен облик драги.
И мы обыденно земны.
Река по-штормовому пенна.
И в мутном зеркале волны
Светлеют лица постепенно.
Свершив прекрасный ритуал,
Порадуемся молча долго
Кусту, что безнадежно ал,
Звезде, проклюнувшейся только.
А дома ужин пропадет
И будут всяко думать жены.
И свет к окошкам припадет
Зазывно и замороженно.
1970

Сирень

А мне запомнилась сирень
Так неожиданно и юно
Среди железа и сирен
Магнитогорского июня.
Качались рыжие дымы,
Как дирижабли, вдоль Урала.
И тихо радовались мы
Всему, что пело и орало.
Жара из лужицы пила.
И солнце воском оплывало.
И блажь такое нам плела,
Чего и сроду не бывало.
Но был вполне приличный сад,
На тропах веточки сухие.
И тот, лилов и полосат,
Разгул дымящейся стихии.
Она затмила все, как мгла.
Она сиренью называлась.
На ней у бойкого угла
Безбожно тетка наживалась.
Ее ломал, по-детски рад,
Какой-то пьяненький дурила.
Ее дарили всем подряд,
И всем себя она дарила.
Букет в руке, цветок в губах...
А город, представая зрению,
Железом мужественно пах
И очень женственно — сиренью.

1970

* * *

С непривычки так белеет
Неестественно кругом,
Будто бы душа болеет,
Непонятно лишь — о ком.
Стилизованы и наги,
Проступают вдруг вразброс
Чуть не водяные знаки
Заблудившихся берез...

1970

* * *

Не верь пророчеству поэта,
Над тайной слова не дрожи,
В котором выдан запах цвета
За неожиданность души.
Себя заботами утешь ты,
Живи и торопись, пока
Последняя звезда надежды
Недосягаемо близка.

1970

* * *

Александрю Кушнеру

Расплывается дубрава.
Не работает луна.
Ночь налево и направо
Темных шорохов полна.
Все вокруг — сплошная тайна,
За которой где-то ты,
Потерявший очертанья,
Но обретший вдруг черты.

1970

* * *

Облака, расплывчаты, как пятна,
Панораму портили слегка.
Но читалась складно и понятно
Топография материка.
Сохло, лесом взятое в кавычки,
Озеро, стекольшком слепя.
Как-то странно было без привычки
В небе птицей чувствовать себя.
Не трясло и не бросало в холод,
А внизу, у Азии на дне,
Выкристаллизовывался город,
Обещая все на свете мне.
Только ничего не захотела
Женщина — капризная душа.
С ветерком как будто в рай летела,
Крыльшками весело шурша.
1970

* * *

Дождь беспросветен, как запой,
И на душе такая нуда.
И ничегошеньки покуда
У нас не клеится с тобой.
Блажим, рискованно глупя,
Смешим людей...
Ах, как шикарно
В любви мухлюем мы, как в картах,
Выигрывая у себя.
И не причем здесь этот дождь,
Он завтра кончится, наверно.
И не простясь, уйду я первым,
А может, первой ты уйдешь.
1970

* * *

Это красное на синем
Ни о чем не говорит.
Просто кажется осинам,
Что листва на них горит.
Ветер яблоками сладко
Подышал из-за дерев.
Растворился без осадка
В кущах пьяный, задурев.
Капли, время понимая,
Застучали не к добру.
Дождь, который снился маю,
Не приснился сентябрю.
От луны осталась долька.
Вот и дольки нет уже.
От тебя осталась только
Осень тихая в душе.

1970

* * *

Изнапастили дожди
Этот лес и ту дорогу,
По которой, слава Богу,
Нам с тобою не идти.
Грусть, прохлада, облака,
Пустота лесных ристалищ,
Где с тобой мы не расстались,
Где не встретились пока.

1970

* * *

Снег на пне, на птичьем ложе,
Снег на веточке сосны...
Не событие, и все же
Светлый праздник новизны.
Как от скрипки Страдивари,
Ниткой звук наискосок.

Хитрый след какой-то твари
Заманил меня в лесок.
Будто брошенный тобою,
По колено в холод врос,
Я стою перед толпою
Обезличенных берез.
И ружье, как наказанье,
За спиной поверх сумы.
А вокруг меня сказанье
Наступающей зимы.
1970

* * *

Белый свет не бел, не светел,
А скорее — синеват.
За углом наждачный ветер,
И у солнца мало ватт.
Гольй в шубу спрятал тушу.
Босый в валенках увяз.
Ну а душу? Как же душу
Спрятать? — спрашиваю вас.
Закатился безнадежно
Шарик ртутного столба.
Беззащитно, безодежно
Как-то чувствую себя.
Снишься ты, близка, упряма.
Взгляд дремучей, чем леса.
И ладошки, будто пламя,
Возле белого лица...
Я приду к тебе до срока,
Если не сведет с ума
Эта длинная дорога,
Эта долгая зима.
1970

* * *

Удивись, прими сполна,
Интерес яви!..
Край апреля и луна
На предмет любви.
Известью озарены
Вежи, где в обрез
Две березы, три сосны
Сочинили лес.
Подозрительно сопя,
Что-то ночь темнит.
И выходит из себя
Речка на гранит.
Мост скрипит, как колесо.
Слышится гобой...
Ветер пахнет хорошо,
Родина, тобой.
1971

* * *

Ни стен, ни улиц душных,
Покой за много лет...
Берез, почти воздушных,
Классический балет.
Светло и неподдельно
В лесу, затмившем даль.
Здесь каждый лист отдельно
Прицеплен, как медаль.
И звездно, и весенне
Во все края земли.
И больше, чем везенье,
Два высверка вдали,
Где, отсырев, бетонка
Лежит в траве гульной,
Подмеченная тонко
На выгибе луной.
1971

* * *

Вода упала до межени.
Играет рыба, и круги,
Как пораженные мишени
Тугими стрелами куги.
Замаскированные еле,
Ржавеют дружно, в три лица,
Многоступенчатые ели
Космического образца.
Закат. Фонтан с фигурой вазы,
Сады. Здоровый цвет плодов.
И никакой заметной связи
Меж ними, кроме... проводов.
1971

Глаза этруска

На каменном лице этруска,
Сквозь терракотовую пыль,
Смотрели так тепло и русско
Глаза старинные, как быть.

Они почти не отражали
Эпох, молчанием дразня.
Но незаметно отрешали
От дум сегодняшнего дня.

Смотрели тихо и устало
Куда-то в сторону окна,
Где жизнь не то чтоб клокотала,
А хорошо была видна.

Мелькали ноги и колеса.
Бульдозер выл, бетон гложа.
И восходили у колосса
Совсем загадочно глаза.

Вот-вот, казалось, что-то выйдет,
Казалось, не умея скрыть,
Им мало было только видеть,
Им надо было говорить.

1971

* * *

Вокруг творилось разное
В зеленом, в голубом.
Но главным было красное,
Как в празднике любом.

Мы прятались под лапами
У елок, где свежей.
А небо поцарапанным
Казалось от стрижей.

Мошка зудела нежная,
Обсыпав, будто сыпь.
И сквознячок подснежники
Пытался погасить.

Какие надо именно,
Лес песни пел двоим.
Я, как паролем, именем
Волшебствовал твоим.

1971

* * *

Облако, как лед в стакане,
Тихо плавает в окне...
Помню, белыми стихами
Лебеди являлись мне.
Было лето, гром над лугом.
Мама рядышком была.
И вот так же кругом, кругом
Поднебесная плыла.

1972

* * *

Еще цветы, в слезах спросонок,
Всего боялись, и для нас
Торшером тоненький подсолнух
Светил, удобно наклонясь.
И в чем-то искренне изверясь,
На весь дырявый сеновал
Нес воробей такую ересь,
Что сам себя не узнавал.
А пес, избавясь от аркана,
Не слушал, а внимал тому,
Как органично и органно
Осинник пел, раздвинув тьму.
И ты, приглашенно и мило
Неся в глазах теплинку дня,
Ко мне с крылечка не сходила,
А снисходила до меня!

1972

* * *

Мне кажется, что я тебя леплю:
Спина, живот, плеча округлость эта.
Я каждый переход в тебе люблю
От линии к расплывчатости света.
Еще пока сама собой, одна.
Еще в глазах твоих темно и сухо.
Но зябко в зыбь свою погружена,
Вдруг тайным криком достигаешь слуха.
И вот уже объявшее вокруг,
Чудовищней, чем боль, нежней, чем слово,
Сомкнулось надо мною пламя рук
И, угасая, возгорелось снова.

1972

* * *

Отыскивая лучшие слова,
Подчеркивая жестами для прока,
Я выгляжу смешно, и ты права,
Молчанием наказывая строго.
Хочу сказать, смешав добро и зло,
Такое, чтоб огонь, как от кресала...
А ты молчишь устало, но светло.
Ты — женщина.
И этим все сказала.

1972

* * *

Слепое небо Уч-Арала.
Зима на склонах умирала,
Буквально тая на глазах.
Пылила в сторону Отрара
Вне троп и времени отара.
Огуз кричал или казах?
За мостиком, у поворота,
Едва ходить училась рота,
Зеленая под деревцо.
В противогазах шли, глазасты,
Как марсиане у фантаста,
Солдаты на одно лицо.
Их сапоги стучали дробно.
Потом им лейтенант подробно
Рассказывал про то, что знал.
И снова каждый индивидуум
Внушал мне мир военным видом
И о весне напоминал.
Я думал: вот пример геройства
Иной цены, иного свойства,
Иных времен, в конце концов.
Я верил: выросшие эти,
Одетые в бушлаты дети
Достойны имени отцов.
И потому спокойно было
От гор, теней, автомобиля,

Который путь свой превозмог.
Уже отбой сыграли в ротах,
И на Джунгарских на воротах
Висел серебряный замок.

1972

Надпись на книге стихов

А родина (земля, страна)
Вне всяких измерений века.
Тем и единственна она,
Что лишь одна на человека.
И выйдет из таланта прок,
И будет от работы польза,
Когда у слова — не порок,
А у позиции — не поза.
Когда от сердца до строки
Вся жизнь, не знающая лада.
Поэзия, ты сбереги
Простую истину, что надо
Не только родину любить,
Не только говорить об этом,
Но в самом высшем смысле быть
И гражданином, и поэтом.

1972

Старая крепость

К небу галки вихрем взметены.
Тополя в ряды сплотились ратно.
Тесный ворот каменной стены
На крючки застегнут аккуратно.

1972

Этюд

Владимиру Соколову

Не хочется тратить напрасно
Ни слов, ни минут, ни души.
Снежинки садятся на прясло,
И хрупко все, хоть не дыши.
Еще не светает, а только
Намек розоватый на свет.
И долго, мучительно долго
Ответа на тишь эту нет.

1972

Март

Не снег — одно название.
Тепличный дух жилья.
На окнах замша инея,
Протертая до дыр.
Почти мороз, но кажется,
Что даже лампы вдруг
Готовы с первым солнышком
Закапать с потолка.

1972

Поэт

Любой поэт — немножко бог.

В. Уидобро

Наивен — да, но
не убог,
Невинно в детство впавший снова,
Любой поэт — немножко бог,
Когда он произносит слово.

Когда он произносит слово,
Воспользовавшись тишиной,

Мир предстает настолько ново,
Как будто этот мир иной.

Как будто этот мир — иной,
Взаправду сотворенный богом,
И к нам повернутый не боком,
И уж, конечно, не спиной!

1972

Импровизация

Все, как в первый день после сотворения мира:
тихо вздрагивая,
деревья привыкают к разноцветным птицам,
а птицы,
вопя не то от страха, не то от восторга,
привыкают к деревьям.
На сократовском лбу мореного валуна
от тщетных попыток осмыслить окружающее
выступили крупные капли
росы.

Ты — еще восставшая, но уже усмиренная.
Я — уже победивший, но еще плененный.
И перед нашими глазами маячит
похожая на бельмо
миасская сорока.

А может быть, Поэзия потеряла
представление о своей
сути?

1973

* * *

Неразвитым чувством земли
Понять нелегко эти дали...
Как дружно деревья взошли
На гору и рядышком встали!
Я к ним с ерундой не суюсь.
Молчу, благодарен стократно

За то, что привез профсоюз
Сюда, увезет и обратно.
Стою вне событий и дат.
И дерево с гордым уделом
Прямое стоит, как солдат,
Здоровое духом и телом.
И все, чем я жил, — пустяки.
А критик стило выбрав тоньше,
— О чем, — грозно спросит, — стихи?
— О том же, — скажу, — все о том же.
1973

* * *

Я трижды нарисовал одно и то же:
красками, звуками, словами.
— Это мазня, — посторонился первый.
— Это какофония, — отошел второй.
— Это бессмыслица, — отвернулся третий.
— Это живопись, — взгляделся четвертый.
— Это музыка, — вслушался пятый.
— Это поэзия, — вдумался шестой.
Я благодарен всем, потому что
тоже не люблю середины.
1973

Последняя встреча

Памяти А. Еранцева

У вечности есть время и терпенье.
И ты с ней говоришь и говоришь...
А притобольский день оглох от пенья
Стрижей, легко скользящих из-под крыш.
Тебе удобно солнце видеть лежа.
Ах, как оно, висящее в углу,
Старается из глаз твоих, Алеша,
Изгнать вчера вселившуюся мглу.
Вокруг шиповник источает алость.
О чем он? И опять эти стрижи...

Глухой приют, где тайно состоялось
Освобождение твоей души.
Я вижу воздух, как стекло, блестящий.
Я вижу день — он весь в веснушках ос.
Над нами ради неба, бездны вящей,
О Боже, сколько синевы нашлось!
Под глянцем ходовой открытки лета
Корявою грачиною строкой
Уютно даль написана и эта
Прямая роща в стороне другой.
Уже давно все краски на пределе,
Но сладко зреют новые в тиши.
Россия, ты прекрасна, в самом деле,
Такой и будешь, как там ни пиши.
И слава человеческого рода
Совет гнездо здесь, и поверит вдруг
Больная гениальностью природа
В сыновнюю надежность наших рук.
И может, этот час — всему порука.
...Могила. Рядом плачут, но не те.
И траурная тихая старуха —
Родная тень на мраморной плите.
1973

Пейзаж

Голубых стволов смешенье.
Индустрии — никакой!
Беззащитнее мишени
Над водой висит покой.
Камыши стареют рано.
В дрейфе селезень, носат.
Голова чуть театрально
Взведена курком назад.
Ближний куст на дальнем плане,
Лог с ручьем наперерез...
На душе, как на поляне,
Свет, цветы и сбоку лес.
1973

* * *

Зеркала не в меру льстивы...
Птицы хором про уют —
Социальные мотивы
Им покоя не дают.
Неживая, как на фото,
Даль с откусанной луной.
И за ней, в грядущем, что-то,
Не разгаданное мной.
Дебри — с бору по сосенке.
Смутно, холодно плечам...
Безутешные в поселке
Ходят парни по ночам.
Потому и не спокойны
Створки и калитки здесь,
Где девчонки — не иконы,
Но красивей стюардесс.
Спрячу огонек в ладони,
Прoberусь по этажу.
Напишу письмо Алдоне,
Обстановку расскажу.
Мир загадочно реален,
Как Чюрленис рисовал.
Звездами затон завален —
Пароходик рисковал.
Справа — клуб, подобный рифу.
Ну а он чуть-чуть левей,
Философствующий в рифму
Ферт, разбойник-соловей!

1973

Экскурсия

...И город пал, подобно Трое.
Смеясь, в сиреновом дыму
Мы шли толпою вроде строя
Легко и гордо по нему.
Нас где-то ждал терпимый ужин,
Манил гостиничный огонь.

А за углом темнел, не нужен,
Автобус, как троянский конь.
1973

* * *

Там, где папоротник древне
Век из кожи к свету лез,
Плачут птицами деревья...
Кто тебя, прекрасный лес?
Там, где виться тропка лисья
Отказалась наотрез,
Растеряли вербы листья...
Кто тебя, прекрасный лес?
Там, где жил неандерталец,
Радуясь клочку небес,
Пни надгробные остались...
Кто тебя, прекрасный лес?
Это пострашней болезни.
Как смутивший душу бес —
Строчка из какой-то песни:
«Кто тебя, прекрасный лес?»
1973

Постфактум

Что Бог!
Он выше этажом.
Грешим, но, каясь, снова лжем —
Здесь от души, там от природы.
И нету видимых границ,
Где нам вставать, где падать ниц
Не только ради физкультуры.
1973

* * *

Горизонт как ватерлиния,
Дали близкие видны.
А за ними — степь орлиная
Неизмеренной длины.
На заборе птицы наглые.
Тополь к тополю — подряд.
Санитары, будто ангелы,
В синем воздухе парят.
Пахнет манною столовая,
Хлоркою — душа слегка...
Обстановка нездоровая,
Но терпимая пока.
Деревянная, вечерняя
Надо мной стоит звезда.
Ливень местного значения
Был приятен, как всегда.
Рву полынь, цикаду слушаю,
От цветов навеселе.
Радуюсь любому случаю
Задержаться на земле.
1973

Стихи, написанные по просьбе Жанны

Полдень лета — сенокос.
Дождиком пугает небо.
Под забором стадо коз
Спит, раскинувшись нелепо.
Пугало над парником
В духе лучшего поп-арта.
Через речку напрямиком
Двигается корова Марта.
У коровы молоко
Для моей трехлетней сплюхи,
Что сменяла нелегко
Ясли на гнездо в малухе.
Бабка, кажется, слегла
За трубой на печке русской.

Видно, сладить не смогла
Бабка с новой нагрузкой.
Мама ездит по югам.
Дочь — с характером девица —
Не дает моим ногам
Ни на миг остановиться.
Дочь зовет кукленка пить,
Мыслью заболев упрямой:
Очень трудно папой быть,
Лучше быть, конечно, мамой!
1973

* * *

Гроза село бомбит. Отчаянно
Несутся с брызгами, легки,
Машины наперегонки.
Приговоренные, под чайною
Плечом к плечу, пестря заплатами,
Стоим у каменной стены.
Глаза шальных огней полны,
И щеки дождиком заплаканы...
1973

* * *

Не люблю
восклицательные знаки.
Зачем кричать?
Давай поговорим
спокойно.
Люблю точки.
Вот и сейчас
я жду подходящего момента,
чтобы поставить одну из них
раз и навсегда.
1973

Язык любви

Стал понемногу забываться
таинственный язык любви.
Я шепчу тебе про звезды,
но ты не понимаешь.
Я дарю тебе цветы,
но ты не радуешься.
Я хочу поцеловать тебя,
но ты: «Отстань,
я так устала сегодня,
что не до этого...»
А когда-то это был единственный язык,
на котором мы могли разговаривать.
1973

* * *

Люби меня таким, какой я есть.
А в свободное время
можешь мечтать о своем принце,
который больше никогда
не придет к тебе.
Люблю тебя такой, какая ты есть.
А в свободное время
штопаю старую одежду,
в которой тем самым принцем
я некогда являлся тебе.
1973

* * *

Как мины, пряча грузди,
Безмолвствуют леса.
От чувства тихой грусти
Отделаться нельзя.
У станции машина
Палит из труб, как дот.
Моя матриархия
По улице идет.

Сейчас с порога скажет:
«Вот сумка, поспеши!»
Одним моментом смажет
Все тонкости души.
Заглянет в завтра просто,
Реальней, чем фантаст.
Она от философия
С ума сойти не даст!
1973

* * *

Челябинск елками торгует,
Венгерским яблоком дразня...
Я выбрал бы судьбу другую,
Но эта выбрала меня.
Смотрю в окно, где все — дорога
И трижды купольный вокзал.
Я не уеду в полвторого,
Как сгоряча себе сказал.
Еще есть время, хоть суббота
Заметна в уличной толпе...
Какая светлая забота —
Сидеть и думать о тебе!
Сорит рабочий класс получкой.
Цветасто детский сад шумит.
А я — такой благополучный
И тихий, будто динамит.
Смотрю в окно, где ходит ветер
И облик города не тот,
Где у афиши юный Вертер
Страдает, вздрагивает, ждет...
1973

Приглашение Изета Сарайлича на лыжное катание

Отложи свою поэму,
которой хочешь потрясти мир.
Загляни в сквер Вильсона,
где заняты все скамейки, как прежде.
Дай знать той, которую и на тысячном
километре любви
ты любишь так же, как и на первом...
А у подножия Ильмен
звонят окрепшие снега.
И справа от меня
дымятся желтые цветы,
торопливо нарисованные мальчишками
своеобразным граффито...
И эти хорошенькие девушки,
которые громко смеются лишь потому,
что молоды,
могли бы быть нашими девушками.
Но стоит ли жалеть о том,
что будущие поэты посвящают
свои первые элегии нашим тонконогим дочерям?
Итак, я приглашаю тебя
на лыжное катание сюда,
где небо пахнет землей, а земля пахнет небом;
где свет, тайга и снег наискосок...
Представляю, что будет с твоим Сараевом
без тебя!

1974

* * *

Будто сырость, на дороге тени.
Немота значения полна.
Задевая трубы и антенны,
Одиноко плавает луна.

Город спит, будильникам доверя
Трудную работу часовых.

Скрипнули грешно напротив двери,
Звякнул ключ нахальной чаевых.

Смех царапнул не больней, чем ножик.
Кто-то резко сдернул свет с окна...
«Делай только то, чего не можешь», —
Сочинила женщина одна.

Делаю. Решительное. Нечто.
Запыхавшийся, как на бегу,
Забываю напрочь и, конечно,
Позабить тебя я не могу.

Типовая маленькая драма.
И цена ей меньше, чем пятак.
Чей-то плач преследует упрямо...
В мире вечно что-нибудь не так.
1974

* * *

Уже мороз не проникает,
Однажды до нуля дойдя.
Душа легко воспринимает
Простую музыку дождя.
Залив, как блюдечко с каймою.
Сосны размытый габарит.
Глухонемой с глухоневою
Высоким слогом говорит.
В его глазах ни звезд, ни дыма.
Но верю, сердцем заручась,
Что говорить необходимо
Сейчас ему, как ей сейчас
Необходимо быть красивой,
Когда красивые кругом.
И дождь, написанный курсивом,
Об этом, а не о другом.
1974

* * *

А снег, не первой свежестью искрясь,
Еще способен быть хотя бы фоном.
Но тротуар у будки с телефоном
Уже разводит мартовскую грязь.
Уткнувшись в тишину, за лозняком
Ржавеет трактор, Богом позабытый.
И грач, разволновавшись от событий,
Заговорил французским языком.
Тайга на самом доньшке окна
Осадком мутно отстоялась к полдню.
Я шум ее забыл и цвет не помню.
Как материк, лежит вдали она.
Забор. Совой глядит с афиши «ё».
Сложив ладони гнездышком, за сквером
С приплясом ловит дождик кукла в сером,
Привлекшая внимание мое.
Игрушечно смеется над собой,
Смешно платком покрытая по-женски.
Какое бесподобное блаженство
Быть настоящей, крохотной, рябой!
А март, глазами детскими кося,
Еще сойдет за выдумку поэта.
Но кто, скажите, не поверит в это,
Когда и верить-то никак нельзя.

1974

* * *

«Учитесь любить у цветов», —
написал я на клумбе.
Шевельнулся ветерок,
и показалось, будто ты прошла мимо.
И этот солнечный запах полян
от твоего разноцветного платья.
Нет, что ни говорите,
а фиалки с подснежниками
в выщербленном стакане на подоконнике —
лучший вариант весны.

1974

* * *

Г. Терехову

Ездите по свету все,
Ездите, хоть в гости к тете.
И в какой-нибудь Кусе
Интересное найдете.
Беспризорная душа
Не дает сидеть на месте.
И какая-то Аша
Поманила верст за двести.
Необычен, как коллаж,
Мир в полузастывшей массе.
Поваляйся — сон не блажь,
Но успеи сойти в Миассе.
То-то удивишь друзей
Всячиной провинциальной.
Не обнять, наверно, всей
Родины дорогой дальней.
Все же, чтоб не обижать
Незаслуженное счастье,
Нравится мне уезжать,
Даже больше — возвращаться!
1974

Родина

Взглянул, будто вынул занозу.
Серебряной рощи кольцо,
Где каждую с детства березу
Я знаю не только лицо.
Колодец у бани. Как буки
Два пугала по-над межой...
Здесь родина с маленькой буквы,
Здесь Родина с буквы большой.
1974

* * *

Художник красками живет
И красками переживает.
Вот голубою ниткой вод
Он степь легко перешивает.
Тропа в зеленых узелках,
Межа у поля за плечами,
Где заблудились в васильках
Глаза его ржаной печали.
Всполохи брезжат вдалеке,
Лилово линии ломая, —
Не то рассвет в березняке,
Не то гроза в начале мая.
1974—1980

* * *

Сладкий запах скошенной травы...
Я давно забыл его, а вы?
Господи, скажи, каким циклоном
Это чудо в город занесло,
Где июнь, двадцатое число,
И спасительная тень под кленом?
Галки выются сажей над трубой.
Дальний взрыв — почти как дальний бой.
Вертолет с панелью в цепких лапах.
Там и тут растекшийся бетон,
Явно задающий веку тон...
Все обычно, если бы не запах.
Я дышу, и жажде нет конца.
Вкус вербены, привкус чабреца,
Шорох вейника с опушки, как вначале...
Встречные хмельны и не хмельны.
В их глазах ромашек светлых сны,
Васильков задумчивых печали.
Может, это боль по временам,
Когда детство приходило к нам,

Сенокосы — целая система...
Впрочем, никаких событий нет.
Все это не больше, чем сюжет,
И конечно, далеко не тема.

1974

* * *

Пока любишь — не стареешь...
Голубой рисунок дня.
Запах трав вдохнешь — сдуреешь.
Не старей, люби меня.
Интересен штрих в пейзаже
И конструкция жука...
Где они, семнадцать наши?
Может, грустно, но слегка.
Не умели прибедняться:
Раздавали, жили, жгли.
Над собою приподняться —
Вот что главное! — смогли.
Годы... Никуда не денусь.
Годы... Лучше оглянись...
Муравейник. Ходит демос.
Что-то носит сверху вниз.
Снова ты, как птица, решишь
Над моим лицом, звеня.
Пока любишь — не стареешь...
Не старей, люби меня.

1974

* * *

Толпа, в которой нет тебя,
Толпа, спешащая немножко,
Потешно, как сороконожка,
Ползет, суставами скрипя.
На ветер пущена гроза.
Предощущение покоя.
И что-то вдруг узрев такое,

Пугают радостью глаза.
Но это только над плечом
Полет чужого силуэта.
Игра воображенья это.
И ты здесь вовсе ни при чем.

1974

Они

Она мыла ему ноги,
а он носил ее на руках.
Она безутешно плакала,
проводя его на неделю в командировку,
а он, как мавр, ревновал ее
чуть не к телеграфному столбу.

Она...

Он...

Она...

Он...

Теперь они,
случайно встретясь на улице,
изо всех сил стараются
не узнать друг друга.

1974

* * *

И слово, как реликвия.
Святая бледность лбов...
Да здравствует религия,
Исповедующая любовь!

1974

* * *

«Вспомни обо мне!» —
Я повторял за Фетом.
Кактус на окне,
А рядом кот с приветом.
Славное мурло,
Усы, как у гусара...
Книжка, где Монро
В улыбке угасала.
В книжке, в глубине —
Портретик, снятый ФЭДом.
«Вспомни обо мне!» —
Написано не Фетом.
Странный мир древес.
И взгляд с испугом вроде,
Будто ужас весь
За ним, на обороте.
Счастливы вполне,
Живем, года итожа.
«Вспомни обо мне!»
Я вспомнил. Вспомни тоже.
1975

Лиссабонская стенгазета

Белая, в районе Белема, стена.
Детские, в духе примитивизма, рисунки:
звезда, свастика, череп, гвоздика в дуле винтовки.
«Долой к чертям собачьим все!»
«Наконец-то свобода — наша!»
«Упаси нас, Господи, от коммунизма».
«Грандула, моя смуглянка».
«Мануэла, с пяти до шести на старом месте».
«По домам, парни! Революция откладывается».
Белая, в районе Белема, стена.
Голубая nonpareil, черный петит, красное цицеро...
1975, Португалия

* * *

В музее мадам Тюссо
среди состарившихся футболистов
и спившихся певиц,
среди детективных душегубов
и поэтических героев,
среди царей, премьеров и куртизанок
стоит,
поблескивая крестами на продырявленной молью
суконной шкуре,
Гитлер.
И люди,
забыв про воров и императоров,
не замечая кинозвезд и президентов,
немного с испугом, немного с любопытством
разглядывают это фантастическое чудовище,
некогда обитавшее в Европе.
1975, Лондон

Автобус № 85

Олжасу Сулейменову

Витрины вспять и переулки вспять.
Автобус № 85.
Спиралью за окном горит латынь.
В углу старушки делают балет.
Мы вниз по каменной трубе летим,
Не в преисподнюю купив билет.
Грозит ажан, играя кулаком,
Но, чтоб не быть последним дураком,
Смывается по-чаплински из кадра.
А я покуда в прошлом, как во сне,
Где смуглая сивилла шепчет мне
О странных обитателях Монмартра.
Ее лицо, оно уже так близко,
Что видно родники апрельских глаз.
В кафе гармонь работает до визга
И барабан показывает класс.

Пропитанная синевой стена,
Реальный мир воздушного пленэра.
— Люблю Шагала, — говорит она,
Оглядывая небо для примера.
Присутствует незримо скипидар.
В руке ее не кисть, а божий дар.
Смеется хорошо, любима всеми
Платанами на светлой стороне...
И прорастает нежность, будто семя,
И стебельком щекочет душу мне.
Опять витрины и латынь опять.
Автобус № 85.

Калейдоскоп светильников и фар
Абстрактный лес, реальный цвет травы.
Подмята улица, пробит насквозь бульвар,
Разогнаны египетские львы.
Машина — зверь, я знаю в этом толк.
Шофер — душевный парень, видно сразу.
Я попросил его прибавить газу,
И он исполнил просьбу, яко долг.
Вот-вот та улица, название ее
Не то от сентября, не то от марта.
Но я еще у самого Монмартра,
Где на балконах сушится белье.
Без времени, само собой, без денег,
По роду дела временный бездельник,
Сложив реченье, Господи прости,
Я им потряс тепличное создание:
— Мадам, покуда вы еще в сознание,
Скажите, что ли, где отель «Мальти»?
Создание встало к городу лицом
И зонтиком, верней, его концом
Размешивает в переулке узком
Названия, маршруты, номера.
И все это картаво, как игра,
И все это, конечно, на французском.
А я молчу, и мне понятно только,
Что не тому меня учили столько.
В такой момент премудрые перфекты
Имеют смысл не больший, чем префекты.

Создание раскусило, что к чему!
И общим смехом увенчалась сцена.
И вот оно ведет меня во тьму,
Рассказывая про Жискар д'Эстэна,
Который улетел в Москву недавно,
А это, судя по улыбке, славно...
Как «пятью пять» звучит: за пядью пядь.
Автобус № 85.
Шофер, смешно вытягивая рот,
Мне что-то в ухо вежливо орет,
Едва не наскочив на пьедестал...
Я рад, маршрут мой до конца продуман.
И потому, что город не придуман,
Я ничего придумывать не стал.
1975, Париж

* * *

Давно изящная словесность
Пылится в папках по углам.
И не пытается неизвестность,
И Божий дар пошел на хлам.
А было славное начало,
Которому не быть концом.
И помнится, как звезды мчало
Над опрокинутым лицом.
И жизнь не требовала сути,
Являя суть. Цвел огонек...
Я землю рыл, ходил в мазуте
И засыпал без задних ног.
1975

* * *

О чем тот дождик за окном?
Судьба его светла, но пресна.
Смотри, как преломляясь в нем,
Живут деревья интересно.
С утра в глазах твоих, сквозь цвет,
Сентиментальность моросила.

И вот нас в даль на синий свет
Мчит механическая сила.
А дождь украдкой перестал,
Заметив нашу безучастность.
Киоск, похожий на кристалл,
Блеснул, подчеркивая частность.
Пошли примерные поля
Тетрадкой по чистописанью.
И нежность, тело веселя,
Привыкла к твоему касанью.
Вдруг потянуло на слова.
Сам говорю себе и внемлю:
— Запомни, где растет трава,
Сойди хозяином на землю.
И руки к небесам воздень,
Сознай, что не во время оно
Творец, задумав этот день,
Счастливо избежал шаблона!
1975

* * *

Сквозь дым мелькнет вдали село,
Вверху — зенит.
Последний лист сгорит светло,
Как осенит.
На грусть потянет, на вино —
Плохой симптом.
Бездомным быть почти смешно,
Когда есть дом.
И солнце клонится, скользя,
К плечу земли.
И удержать его нельзя,
Хоть расколи.
И провернулась шестерня
В моей судьбе.
А все напасти от меня —
Одной тебе.
1975

* * *

Сад, как последняя мера
Против застоя души...
Холод большого размера
Зреет за далью в тиши.
И незаметная очень,
Здесь, на кленовом листке,
Чуть обозначена осень,
Будто ожог на руке.
Ветер настроен на гимны.
А на веранде у вас
Розы страшней, чем ангины,
В горлах пластмассовых ваз.
1975

* * *

Пора насущных обновлений.
Проруб опятами порос.
И дятлы, как у объявлений,
Торчат подолгу у берез.
И ты не прямо, и не криво,
А просто по земле идешь.
И над тобой судьба игриво
Соображает тихий дождь.
1975

Осенины

Фрагмент осеннего мотива
Включила смело перспектива,
Не разорвав троллейных уз.
На фоне озера и леса
Абстрактный идол из железа
Несет восторг стеклянных бус.
Завидуя чужой сноровке,
Паук на тоненькой веревке
Повесился, а может, врет.
Забор решетчатей, чем сито.

И гипсовый Филл Эспозито
У наших топчется ворот.
Пора хоккея и собраний.
Еще не ясен холод ранний
И не готов проект зимы.
Но черный замысел сугроба
Уже в том облаке, что оба
Отметили над полем мы.
Кусты, как проволока, голы.
«Он + она» идут из школы,
Соседка едет в Теберду.
Спокойно небо и серьезно.
Пшеницу косят, хоть и поздно,
Читают книжки на ходу.
Коньки готовят, хоть и рано.
В автобусе два ветерана
Воспитывают наглеца.
А ты мне все про то, про это,
Мол, сорок лет... Что ж — бабье лето!
Жизнь без начала и конца...

1975

Снег

Невероятный случай снега
О вероятном говорил,
Когда известку сыпал с неба
И чистоту вокруг творил.
И было чисто в самом деле.
Не выглядели, а глядели
Скворечни весело назад,
Где рос примкнувший к дому сад.
Шел снег, изобразив с налету
Явление зимы народу.
Лес обнажал, скрывал кювет
Его почти астральный свет.
Сквозь марлевою пелену
Индустриальные пейзажи

Вдруг раскрывали глубину
И очаровывали даже.
Законам статики подвластна,
Обозначалась тишина.
И с точки зрения Миасса
Была событием она.
Сосной края ее горчили,
Как будто пасека в гречихе,
Внизу поселок утопал.
Шел снег красиво и... упал.
Боялся пропасти автобус,
Объятый краской, как огнем.
Я нес в редакцию свой опус
И думал с нежностью о нем.
Никто надежды не лишал.
Кустодиевский снег лежал.
Летели, а точнее, летали
Снежинки, но они — детали...
1975

Прогулка

Леониду Григорьяну

...Выявленный интерес...
Краски на воле свежэй.
Небом возвышенный лес.
Свет голубых витражей.
Шелест поземки шершав,
Как шелестенье страниц
В книге зеленых держав.
И музыкальных синиц
Выдавленные следы.
Пласт, образующий дно,
Где содержанье слюды
Зимнему солнцу равно.
1975

Карьер

Дорога хуже фронтовой.
И плотник — деревянный слесарь —
С борта ножовкой планку срезал,
Чтобы не биться головой.

Жует колеса известняк.
Здесь меловой период вроде.
И солнышко на повороте
Яснее, чем дорожный знак.

Архитектура серых стен
Не уступает древнеримской.
Внизу, под минусовой рисккой, —
Одна из современных сцен.

Сейчас шарахнет в небо тот
Дымок, ползущий над откосом.
И пыль, пугая силикозом,
С попутным облаком уйдет.
1975

* * *

Стволы берез как просветленье,
Маячащее впереди.
Насыщенные грустной ленью
Не для того идут дожди,
Чтоб сладко елось и спалось,
А для того, чтоб тишью рыжей
И над моею тесной крышей
Однажды солнышко сбылось.
1975

* * *

В саду ручей завелся, липко
Смола по веточке течет.
Вдруг разорился на улыбку
Отец, скупой на этот счет.
И чистокровная дворянка
Поддерживает куст ногой.
Худа, но счастлива, однако,
Сегодня, как никто другой.
Звенит от собственного веса
Сиреневая благодать.
Река наметилась, и леса
Из-за деревьев не видать.
1976

* * *

Тарелка золотых плодов.
Вот реализм моих трудов!
В июль прорублено окно.
В углу сидит одна из муз,
Ворчит, само собой, что муж
Не целовал ее давно.
Она банальна, но права,
Права, поскольку такова
Архитектоника души.
Шумерка, божество, Иштар.
Как видишь, я еще не стар,
Но буду юным, прикажи!
Ты — мой лирический герой...
Завод химичит под горой.
Труба, как кисть, рисует дым.
Подался за город народ.
Там есть вода и кислород,
И лес, на случай, молодым.
Скажи, какая благодать!
Не роскошь ли, чтоб увядать
В пустынной тишине пенат,
Где кактус больше не кумир

И зеркало не антимир,
И вздор на скуке не женат?
1976

Баллада о птицах

*Особенно один из них так и надсажс-
вал бочком, бочком, выпуча зоб и дерзко
чирикавая, словно и черт ему не брат!
Завоеватель — и полно!*

И. Тургенев

Они вернулись с берегов Оманского залива.
Похудевшие, но счастливые, они сидели на телефонном
проводе и весело щебетали.
Они были молоды. Они целовались. И старый соловей,
давно позабывший свои лучшие песни, смотрел на них
сквозь розовое стеклышко рассвета и выводил что-то
грустное, безответное.
А потом они, обгоняя друг друга, носили теплую землю
из придорожной канавы и строили первый в жизни дом.
В архитектуре его не было ничего оригинального, хотя
безупречный овал фасада был явно восточного проис-
хождения.
Вскоре на донышко гнезда, примостившегося крошечным
балкончиком у самого верха кирпичной стены, лег пер-
вый стебелек.
Однажды утром, возвратившись с речки, прятанной в
беспросветном тальнике, они с удивлением обнаружили
незваного гостя, удобно устроившегося под чужой кры-
шей.
Они были оскорблены, наконец, возмущены. Вы-
крикивая обидные слова, они рискованно пикировали
на захватчика. А воробей сидел себе, изредка поворачи-
вая голову то вправо, то влево, точно миниатюрный
танк. Вдруг ласточки улетели. Воробей поднялся на ноги,
расправил крылья и нагло чирикнул. Но, услышав подо-
зрительный писк, поспешил занять прежнее положение.
Через минуту из-за распушенных тополей вылетела мно-
гочисленная эскадрилья и с криком начала атаку. Кошка,

дремавшая у ворот, с испугом нырнула в крапиву. Ласточки, пошумев, улетели. Рыжая головка снова покрутилась и замерла. Появилась первая ласточка. Подлетев к гнезду, она ловко прилепила кусочек земли. Появилась вторая, третья... Из маленького окошечка изредка высовывался короткий клюв, но быстро исчезал. Гнездо приобретало форму шара. Теперь оно — достопримечательность Лесной улицы.

1976

* * *

Помолимся господу Баху,
В транзистор воткнув стебелек,
Пока ветер сушит рубаху
И ковш на бульжник прилег.
Кювет предусмотрен нарядом,
Татарником взгорок порос.
И действует музыка рядом
Так славно, как облик берез.
Исполненный высшего смысла,
Поднялся над пропастью лес.
Помощник не выдержал — смылся,
В колючие дебри залез.
К щеке прилепив рукавицу,
Он, руки раскинув крестом,
Не ватник, а черную птицу
Поймал на заре под кустом.
Он спит тяжело, но не праздну,
Дыша по-борцовски во тьму.
И голос органа прекрасно
Способствует в этом ему.

1976

* * *

Дальний угол земли,
но с российским до кустика видом,
Тесно архитектурные штампы построены в ряд.
Хорошо, что ты есть в этом городе незнаменитом,
Где на клумбах осенние астры, как свечи, горят.
Бороздит синеву разукрашенный парусник сада.
На приборах души — упоенье и добрая весть.
Ни сейчас, ни потом ничего от тебя мне не надо,
Лишь бы ныне и присно безраздельно я знал,
что ты есть!

1976

* * *

Висит пушинкой паровозный крик.
В карьере, будто в кратере, тревожно.
А здесь, где ель с ракетой спутать
можно,
Волнует шмель не менее, чем Григ.
В колонку птицы набраны петитом.
Кустарником обставлен интерьер...
Колхозный самолетик, вот летит он,
Железный птеродактиль НТР.
И деревянной азбукой опор
На линиях электропередачи
Написаны, большие до сих пор,
Слова, в которых все мои удачи.
«В деянии начало бытия», —
Совсем неплохо высказался Гёте.
Скучает биография моя
О самом первом, каракумском, годе.
Пьянит зеленый цвет, преобладая.
Вдали, у края будничного дня,
Судьба стоит, сурово молодая,
И кто-то с ней счастливее меня.

1977

* * *

Черное море пашни,
Два балла волны.
Слева — пейзаж пропащий
На тему войны.
Божьей искрою меткой
Лог выжжен дотла.
И вывихнутой веткой
Пугает ветла.
В старый окоп, от зноя
Спасаясь, прилег.
Бдительное лесное
Вниманье привлек.
Очередью прошла
Сорока былье.
Долго душа просила
Отпустить ее.
1977

Четыре вариации на одну тему

Когда я выдумывал ее,
отгородившись от мира стеной,
она ругалась в подъезде с соседкой,
дымила бензином на перекрестке,
купала ребятишек в Атляне...
И мне нужно было лишь приглядеться,
прислушаться и переписать ее в тетрадку,
оставив ей старое и не совсем понятное
название — Жизнь.
Когда я мечтал о ней,
щечочка былинкой душу и вглядываясь
в детские глаза неба,
она гремела посудой на кухне,
бежала с авоськой в магазин,
рассказывала сказки моим дочерям...
И мне нужно было лишь взять ее за руки,
заглянуть в лицо и назвать банальным
и бесконечно красивым именем — Любовь.

Когда я представлял ее,
ломаю голову затейливой архитектурой,
она стояла рядом, многоэтажно сияла окнами,
прекрасно вписывалась в миасский пейзаж...
И мне нужно было лишь отойти назад,
взглянуть на нее со стороны
и порадоваться тому, что у меня тоже
не хуже, чем у людей, — Судьба.
Когда я любовался ею,
сравнивая ее дали с итальянскими берегами
и шведскими горизонтами,
она застенчиво стряхивала с себя пожелтевшие
листья, мило хмурилась незнаменитой речкой...
И мне нужно было лишь раскинуть руки,
вернуться на триста шестьдесят градусов
и убедиться, что все это — Родина.
1977

* * *

Каплет мартовская проза
С воробьиного пера.
Озонирует береза,
Даже если не пора.
Гаснет роща без метафор
В измерении ином.
Кто задумал в виде амфор
Этих женщин за окном?
Миром тайно правит Эрос,
Алебастровый божок.
Сколько душ он, как за ересь,
На костре своем пожег!
Но с любовью, с тихой песней
Восходили, свет — в очах...
Синева открылась бездной,
Будто полночь при свечах.
Радуют рисунком сочным
Дали памяти, свежи,
Где твой образ вешним солнцем
Над пейзажами души.
1977

Февраль

Стынью,
    в недужную пору,
Снятся,
    к весне — горячей,
Белому до смерти полю
Черные звезды грачей.
1977

* * *

У неба жар, у труб — гипертония,
Антенной струйка поднялась над швом...
Стволы берез, как знаки водяные,
На сером и бумажном, но живом.
1977

* * *

Не каприз и не досада,
В васильках, как поле ржи,
Хилое дитя детсада, —
С боку бантик для души.
Вот сидишь ты на диване
С куклой, крохотная мать,
Не давая деду Ване
Между делом подремать.
Дед валяет ваньку долго,
Рядом ползает, рыча,
Превратясь в большого волка
Из Ивана Кузьмича.
А потом щекотно очень
Ветром и теплом сопя,
Сонной сказкой заморочен,
Видит маленьким себя.
И над ним у края парка,
Как прищепки, за бока
Держат ласточки попарно
В мокрых пятнах облака.
1977

* * *

Лес именем своим пропах,
Развел цветы на серой ткани,
Горча смолою на губах
И каплей вермута в стакане.

Фальшивит мутное стекло.
Ползут, поскольку припекло,
Живые буквы по газете:
О вспашке те, о севе эти.

Ты ос изводишь свитерком,
В котором дух и плоть зарплаты.
Два аполлона с ветерком
Примчались, сели, как заплаты.

Какая радость нас свела
Здесь, за спиною у села,
Больших и малых под сосною
И — главное! — тебя со мною?

Непостижимые глаза,
В них старый лес красив и строен.
И дятел, снизу вверх скользя,
Из разноцветных перьев скроен.

И земляничные цветы,
Совсем как зимние следы,
Шмели берут собачьим нюхом.
И леший водится, по слухам...

1977

Лес

Он весь из междометий,
Тот акварельный лес,
Что в сказочный не метил
И в мачтовый не лез.
Он не стоял, а плавал
В аквариуме дня
Без цели и без правил,
Со мной и без меня.

1978

* * *

А здесь натюрморт гениальной хозяйки:
Бокалы, вино и немного примера.
Сквозь щелки подглядывают, как казахи,
Чеканные боги стенного размера.
Кипящая влага нутро облизала,
Рисуя по памяти тот виноградник,
Который веселыми плакал слезами,
Что не был растоптан и даже украден.
Еще не ослепло в ней южное солнце,
И запах долин не развеяли годы...
Налейте Сарьяну, пусть выразит сочно
Затейливым колером душу природы!

1978

Математический этюд

$1 + 1 = 3$.
Никакая высшая математика
не в состоянии подтвердить это.
Но у тебя на руках
сладко посапывает тот,
который упорно настаивает, что
 $1 + 1 = 3$.

1978

* * *

Нужно ли весной писать стихи?
Весна сама стихотворение,
в котором лес — гениальная метафора,
а небо над ним
выше всякого сравнения.
Слышишь, как старается соловей
и не уступает ему зорянка,
может быть, лучшая рифма сезона?
И только лирическому герою,
как всегда, не хватает маленького
штриха,
чтобы быть достойным
произведения.
1979

Романс

И трава, и цвет травы,
И рассвет в том юном годе,
Где мы вежливо — на вы,
Где мы скромно — о погоде.
Незабвенный свет очей
Как явление природы...
Звезды были горячей
И торжественнее оды.
Так недавно и давно!
Снег то кружит, то вращает,
С тополей летит в окно,
Будто снова возвращает
В свет листвы и в цвет травы
В юном том, рассветном годе,
Где мы вежливо — на вы,
Где мы скромно — о погоде.
1979

* * *

Шифры генетического кода...
С дочками не легче год от года.
Смою, не последнюю, с лица
Соль педагогической науки.
Тяжек труд, но славна роль отца,
Ибо принял, как Христос, все муки.
Прыгают кузнечиками дочки.
Тешся, говорят, пока цветочки...
То-то будет! — надо понимать.
Та, что старше, с улицы влетела,
Жарко шепчет, обнимая мать.
Мать — это совсем иное дело...
1979

* * *

Помните, у Соколова:
«Время писать о любви...»
Слово помножив на слово,
Муза, душой не криви.
Девственный привкус озона,
Детский стишок воробья.
Может быть, нету сезона
Лучше, чем юность твоя.
На голубой парусине
Вышиты гуси крестом...
Время ли думать о сыне,
Время ли плакать о том,
Что незаметно и скудно
В полночь души, может быть,
Искрой последней секунды
Кончилось время любить?
1979

* * *

Зачем тебе такое лихо,
Такая каторга, как я?
Люби кого-нибудь и тихо
Молись во славу бытия.
Зачем? Суровее, чем тундра, —
Пора... Костров осенний дым...
Уже сомнительно и трудно
Мне оставаться молодым.
Начни, не торопясь, с начала,
А я, спеша, начну с конца.
Живи, чтоб счастье не мешало
Мне видеть твоего лица.
1979

Зависть

Завидую младенцам и старикам:
первые не лгут, потому что
еще не умеют,
вторые — потому что
это им уже ни к чему.
1979

* * *

Вначале было слово,
Потом уже кулак,
Зачинщик и основа
Всех деревенских драк.
Проблемные вопросы
От ссоры до любви
Решались очень просто,
Как встарь: «Иду на вы».
И шли за угол грозно.
Сопела вслед толпа.
И осыпались звезды
С ночного потолка.

На кровь врага не падки,
Мирились тот же час.
Опухшие сопатки
Сигналили, лучась.
Пусть боль — уж это точно.
Зато у всех свои
Надолго были точки
Поставлены над «і».
1979

Будни

Не без соли, не без пота,
Не без праздника души,
Не романтика — работа,
Как ее ни опиши.
Пыль с ковша слетает роем...
Каждый день иду в забой
Не лирическим героем,
А вот так, самим собой.
1979

* * *

Похвально режет солончак
Ножом прямая смехлопата:
Пока надавишь на рычаг —
Пиджак промокнет на плечах.
Грядет зарплата, как расплата.
А слева падает, края
Спалив, звезда за той сосною.
Но, слава богу, не моя!
Моя, фонарный свет струя,
Висит надежно надо мною.
И глухо стонет кайнозой,
Давно страдая отложением
Солей под галечной косой...
Искрится даль перед грозой
Моим высоким напряженьем.
1979

* * *

— Лес мыслит, как поэт, — сказал бы мудрый критик,
Стук дятла к зыбкой роще эпиграфом я взял.
Верху сто куполов, зеленой медью крытых,
А прямо, до опушки, почти Колонный зал.
Предельно совершенна акустика лесная.
Поляна, где ограда для мебели скорей.
Подсолнухи цветут, иных забот не зная,
И пугало распято вчера, как назорей.
Козленок, веселясь, пружиной пляшет сбоку,
На юного сатира похожий по всему,
Картаво и обидно дразнясь, и только богу
Известно, чем сумел я не угодить ему.
Не вымысел, а свет, стоящий испареньем.
Уводит речку влево сознание правоты.
Не спутать бы ветлу вон с тем стихотвореньем,
Что низко наклонилось над зеркалом воды.
Пасется тихо взгляд в кустарнике окрестном,
Где складно и печально, на уровне души,
Давно звучит концерт для овода с оркестром
И загорел шиповник — попробуй потуши...
Наверно, неспроста приснилась мне дорога
И привела обратно под отчий край небес.
Пора озреть с высот семейного порога
Путь через жизнь

и эту

тропинку через лес.

1979

* * *

Тропа легка, душа вакантна,
И осень ветренно юна.
И голова, как у ваганта,
Веселых замыслов полна.
А между тем тепло и чисто.
И можно, поубавив прыть,
Открыть петроглифы туриста
И склянку с кильками открыть,

Пофилософствовать о пользе
Зеленой веточки в горсти
И не в позиции, а в позе
Себе удобство обрести.

1979

* * *

Сиятельная осень над хлебами
Была венцом крестьянского труда.
Свободные, сверкая влажно лбами,
Курортники спешили кто куда.
Проглядывал порок в цветах истощных.
Ни к городу стояла, ни к селу
Гора над лесом, истекал источник
Сквозь ржавый вентиль в мраморном полу.
В кустах, грозой заряжена, как пушка,
Сидела крепко тетка у ворот.
Но мне уже понравилась избушка,
А тетке, может, деньги — наперед.
Внутри лежал на самой южной точке,
На русской печке, рядышком с трубой,
Фольклорный дед, росли вовсю листочки
По краю занавески голубой.
В окошко любознательной соседкой
Заглядывала яблоня, дразня
Тяжелой веткой, будто полной сеткой
С плодами, искушавшими меня.
— О, боже, упаси от женщин юга! —
Шептал не раз я в потолок с мольбой,
Прервав психоанализами Юнга
Телепатическую связь с тобой.
А за стеной текла безбрежно плазма
Вечерней мглы в бензиновых парах,
И, как печать великого соблазна,
Луна стояла высоко в горах.

1979

* * *

Облака
крахмальных кружев,
пронизанных спицами...
И только
тихо позванивают
на железобетонном дереве
алюминиевые ветки
с фарфоровыми птицами.
1979

* * *

Рисунок характера леса
Так четок на фоне зимы.
Представь себе, не из железа
Деревья, почти как и мы.
Бывают моменты, наверно,
Нелегкой житейской порой,
Когда их прекрасные нервы
Чертовски шалят под корой.
Приходит волна потрясений,
Древесную душу губя, —
Пусть это всего-то осенний
Озноб, колотивший тебя...
Свела нас тропинка кривая.
Лес обнял, родства не тая,
Лишь, может быть, лучше скрывая
Волнение встречи, чем я.
1979

* * *

Если дело так пойдет и дальше,
Если дальше так пойдет оно,
Горстки снега не оставит даже
Солнце — только мокрое пятно.
Если дело так пойдет и дальше,
Если дальше так пойдет оно,

Яро кровь погонит сила та же,
Что таит хорошее вино.
Если дело так пойдет и дальше,
Если дальше так пойдет оно,
Пожелайте, люди, мне удачи,
Не было какой уже давно!

1979

* * *

Снежок тонул в реке сталистой,
А рядом тополь в глине вяз.
Случилось так, своей столицей
Я выбрал сторяча Миасс.
Пришел в забой матрос Година.
Карьер гремел вовсю до дна...
С тех пор судьба у нас едина
И биография одна.

1980

* * *

Апрель расплакался, не веря
Своим целительным слезам.
Сосед, ворча, колотит в двери,
Где вдруг испортился сезам.
Во двор спускаюсь с небоскреба.
По пояс сумерки на дне.
И мокрым местом от сугроба
Чернеет клумба в стороне.
Хочу, рифмуя по старинке,
Звездою слово облучить.
Мешают птицы, как соринки,
От неба космос отличить.

1980

Орех

Под кроманьонским черепом,
в лабиринте извилин
живет маленькая мысль
о большом дереве.

1980

* * *

Я шеф веселого совхоза.
Вокруг морковная стерня.
Справляет свадьбу у завхоза
Село, надеясь на меня.
Я это очень понимаю,
Конечно, я не подведу.
И, как присягу, принимаю
Такую щедрую грядку.
Скачу на новенькой лопате.
Рычаг удобен и педаль.
Как в красный праздник, на закате
Сойдет мне солнце за медаль.
И голос тульского баяна
Совсем погаснет в тишине,
Когда не трезво и не пьяно
Село забудет обо мне.

1980

* * *

Трассирует пчела, а за рекой
Таится дот, уменьшенный до улья.
Пейзаж с мостом, томительный покой
Уставших красок знойного июля.
Стою, предавшись лирике, в углу
Миасской промежуточной платформы.
Вверху, затеяв странную игру,
Два облака легко меняют формы.

Ложится навзничь тень под колесо.
Троллей, искрясь, трещит, как прядь каната.
Мелькает застекленное лицо.
Хорошее лицо. Запомнить надо.
1980

* * *

Сквозь облако, сквозь марево, сквозь сон —
Твой лик в карандаше.
Рисунок этот портить не резон,
Он мил моей душе.
Графическая линия тонка,
Исполнена легко.
Вела ее любовь, а не рука,
Далеко-далеко.
Боюсь открыть, боюсь закрыть глаза,
Мне даль твоя видна.
Там, плаваясь, солнце крупно, как слеза,
Висит в углу окна.
Там синь росу соломинкою пьет,
Висок твой оттеня.
И маленькое радио поет
Внутри, здесь, у меня.
1980

Река

Река устала быть рекой,
Взошла на берег, отдышалась.
Еще жила в глубинах шалость
И был поверхностным покой.
Уже вдоль рощи не текла,
И вдоль ущелья не бежала,
А добросовестней стекла
Река пейзаж отображала.
Вдали от горного пути
Ее расплывшееся тело

Травую зарости хотело
И облаками зацвести.
Река с подкрашенной водой
Прудом под вербой притворилась,
В котором на жаре варилась
Уха из рыбки золотой.

1980

* * *

С полей, где травами исколот,
С озер, где красками облит,
Я возвращаюсь в поздний город,
Как будто в ранний неолит.
Примат, читающий Платона
И обожающий балет,
На обнажениях бетона
Неясный оставляю след.
Еще я логике перечу
И бога нету у меня,
Хотя давно владею речью
И тайной силою огня.
И где-то в каменном уюте,
Путь эволюции верша,
Потомки — будущие люди —
Растут на радость, не спеша.
Встают легко, уходят рано,
Не спят, наверно, до утра,
Собравшись у телеэкрана,
Как у общинного костра.
Сейчас они, играя мною,
Всего обнюхают кругом
И что-то древнее, земное
Переживут в себе тайком.
Им синевой глаза наполняют,
От слепоты вдруг исцеляя,
Им тонко запахи напомнят,
Как молода была земля!

1980

* * *

Покаплет. Побрызжет. Польет.
Покой. Потепление. Просинь.
Душа повторит свой полет,
Но этим не кончится осень.
Еще будут птицы кричать,
Отдав предпочтение югу,
О том, что нам нужно начать
Оказывать милость друг другу.
Еще станут звездными дни
Вокруг коммунального клена,
Когда среди всех мы — одни,
А лирика к эпике склонна.
Еще тонкий лед поутру
Сломает октябрь, похоже...
Дай, бог, совершиться добру,
Злу не совершиться дай, боже!
1980

Ноябрь

Пилили зубчатые ели
Изгиб опаловых небес.
Опилки по ветру летели
И освещали слабо лес.
Внизу работала машина
Под синим вымпелом дымка.
Канавы землю, как морщина,
Прорезав, старила слегка.
Недолговечны и капризны
Шли облака, река текла...
И высшим результатом жизни
Любовь к отечеству была.
1980

* * *

Как она кричала,
как молила о помощи!
Но никто не зажег света,
никто не вышел,
никто не позвонил в милицию,
пока пьяная компания
в темном переулке
мучила песню.

1980

* * *

Беру мыло, смываю с рук
случайную и неслучайную грязь.
А потом записываю в тетрадь
все, что мне диктует сердце.
В этом случае
я тоже за чистое искусство.

1980

* * *

По эту сторону окна
Покой, мудреный Авиценна...
По ту — нечетко, но видна
Привычно будничная сцена:
Старуха с тряпкой у крыльца,
Два воробья в тазу, как в ванне...
Тут мысли нить, повествованье,
Там — жизнь от первого лица.

1980

* * *

Тетрадь последнюю достану,
Впишу в итог слова усердно.
Уже мне шлет, как ни досадно,
Сигналы собственное сердце.
И будет так — ни дня отсрочки,
Не примет высший суд кассаций...
Не трудно в столбик втиснуть строчки,
Трудней под ними подписаться.
1981

* * *

Осеневали гуси
Недавно на стерне...
В искусстве, не в искусе,
Зима открылась мне.
Художник, равный богу,
В работу погружен.
Вот лес, тропинка сбоку,
Вот я изображен...
1981

Шахматный этюд

Е-2 — Е-4,
Е-7 — Е-5.
— Давай брататься, — сказали белые.
— Давай, — согласились черные.
Действительно, зачем терять головы
только потому,
что так хочется королям!
«Мир» — записали белые,
«Мир» — записали черные.
«Ничья» — зафиксировал судья.
1981

* * *

В селе, как в городе, живут.
Бетон и здесь основа,
Навоз органикой зовут:
Стесняться стали слова.
В селе, как в городе, поют,
И песни те же вроде.
Пораньше, может быть, встают,
Бывают на природе.
В селе, как в городе, томясь
По фирменной сермяге,
Бушует в клубе Фантомас,
Шумит народ в сельмаге.
1981

* * *

Заглавно ель стояла у высот
Осинника, река мерцала сине
Короткой строчкой об отце и сыне,
Поваленных усталостью в осот.
Блестели косы, тоненько звеня.
Валки волнами шли до края лета,
Где поезд ждал и даже без билета
Готов был в город увезти меня.
Мы думали по-разному о том,
Что облаком над крышами курилось,
Мычало где-то, в чугулке варилось
И значилось единым словом — дом.
А рядом ветер ползал по траве,
Как веником, размахивал крушиной,
Листал березку и давил пружиной
На все вокруг, живое в большинстве.
— Нагонит хмар, — посетовал отец,
Тройчатки взял, с тревогой постепенной
Вброд перешел поляну до ступеней
Бугра под баней, дымною, как ТЭЦ.
С тех пор текли столетьями года.
Я помню лес, телегу с рыжей клячей,

Птенца в кустах, который что-то клянчил,
Потом нелепо выпал из гнезда...

1981

* * *

Постой внизу, не умирай,
Сосновый реднячок.
Кипит и льется через край
Забывтый родничок.
Погасшею звездой на дне,
Щелинку затеня,
Давно не по моей вине
Ржавеет шестерня.
Играет синева, слепя.
Слегка повышен пульс.
Дай поцелую я тебя
И заодно напьюсь.
Пусть охладит меня вода,
Немного отрезвит.
Не уходил я никуда,
А только делал вид.

1981

* * *

Каприз души, который — высота.
Порывно мягкий ветер тычет в спину.
Зажмурюсь, руки широко раскину,
Но не взлечу — конструкция не та.
Мне свыше по земле ходить дано,
Ступать по разноцветному настилу,
Глаза от леса отрывать насилиу
И с речкою сливаться заодно.
А выйдет срок — переступлю между.
Взойдет звезда, пылая красной тушью.
Я голубем подброшу в небо душу
И долгим-долгим свистом провожу.

1981

* * *

Извлекаю корень.
Не извлекается:
земля твердая, а дерево старое.
Вытирая пот,
вспоминаю школьного математика,
который учил извлекать корень.
Но я, к сожалению,
в то время был занят
поисками новой рифмы
к слову «любовь».
1981

Берестяная грамота

По строчкам дятел быстро пробегая,
Исправит несерьезные ошибки,
Потом на ветке просто посидит;
Знать, удивлен собственной работой,
Которая, как всякого другого,
Вполне терпимо кормит и его.
Берестяную грамоту —
Официальное издание леса —
Читать я начал много раньше, чем
«Октябрьский колхозник», тетя Шура
С брезентовой сумой через плечо
Три раза приносила нам в неделю
Газету, сунув ловко в щель ворот.
Берестяную грамоту
Найти на книжных полках невозможно.
Здесь первое мое стихотвореньё
«Я + ты = Любовь»
Однажды прочитала вся деревня.
И может быть, корявые те строки
Она поныне помнит наизусть.
1981

Стихи по поводу

Дождь по поводу весны.
Дрожь по поводу смущенья
От игры, от ощущенья,
Что нам возрасты тесны.
Шум по поводу меня
Из щелей твоей квартиры,
Где без повода мортиры
Тащит на рубеж родня.
Лампа вспыхивает вдруг.
Луч похож на медный провод.
Трезвый дворник ищет повод —
Смотрит суетно вокруг.
А вокруг зима и свет.
Эта встреча на аллее.
Надо бы повеселее,
Повод есть — чего-то нет...
1981

* * *

Любовь ворованной была,
А мы с тобою вне закона.
Луна над городом плыла
Таинственна и незнакома.
Песком посыпанной тропой,
Тропою звездной в кущи рая
Ночь увлекала нас, играя
Твоей судьбой, моей судьбой.
Была рискованной игра,
А ты как милость мне Господня.
И это было лишь вчера,
Но было это, как сегодня.
1981

В музее

Бюргер из города Брюгге
Не для того рисовал
Женщин, чтоб я, руки в брюки,
От равнодушья зевал.
Та, с голубиною грудью,
Та, с безнадежностью лет,
И не задетая грустью
Эта, которой здесь нет.

1981

* * *

Вот жизнь: письмо, дорога,
Зарплата, осень, грязь...
На одного бы много,
А на двоих — как раз!
Бредет уныло стадо
За призраком травы.
Потребности — что надо,
Возможности — увы.
Пастух с ордою — в гору,
А мы наискосок.
И возраст прямо впору,
И к случаю лесок.
Явленье листопада.
Отходит не спеша
Привычная измлада
К смятению душа.
Вот счастье: в землю вмяло,
Засыпало листвой...
Прикинешь — вроде мало,
Попробуешь — с лихвой!

1981

Осенница

Повторяясь, как рефрен,
Дождик делает погоду.
Если наблюдать по ходу
Солнца — у планеты крен.
Первый снег на Колыме.
Вот кренимся мы к зиме.
День состарился давно,
Ходит сумрак по квартире.
Зябко и неясно в мире.
Ветер ломится в окно.
Огонек вдали живет...
Слушай, не пойти ли в гости? —
Разомнем немного кости,
Поразгладим шевиот.
Все же веселей, чем тут.
Помычим о стиле «ретро».
Помолчим о силе ветра.
Выпьем, если подадут.
Что прекрасней в наши годы
Может быть плохой погоды!

1981

* * *

Чем больше сверху вниз течет,
Тем выше осень держит пламя.
Тепло метафоры не в счет.
Туман холодный над полями.
Свеченье белых пирамид:
Апофеоз труда — капуста.
Как слава, самосвал гремит,
Еще сильнее, когда в нем пусто.
Сбежались к озеру дома,
Раскрыли зонтиками крыши.
И только утки без ума
От бодро хлюпающей жижи.
Шагнул с крыльца и — был таков...
А пугало, раскинув руки,

Изводит местных рыбаков,
Поскольку любит эти трюки.
Автобус до Кисегача.
Старушка в черном — Божья дочка,
В ладонях ветка, как свеча
С дрожащим пламенем листочка...
1981

Комплимент Эйфелевой башне

Пусть
ветер в голове,
зато — железная
фигура!
1981

Возвращение

Запомнился давнишним сном
Пейзаж колхозный за окном:
Стога, колесники, коровы...
К тому ж — какой-то Холидей
Вдвоем с гитарой, лиходей,
Попортивший немало крови.
Горячей потечью заря
Смывала краски сентября.
Кочан капустный лез из кожи.
Пил водку генеральский внук —
Гастрономических наук
Достойный кандидат, похоже.
«Заколебало бытие...
Так захлебнулся Корбюзье,
Купаясь в Средиземном море.
Я тоже архитектор, но,
Как подсказал поэт, давно
Не гений, потому — в миноре.
Взгляни туда, там, в полумгле,
Воздушный замок на скале —

Моя последняя работа...
Душа снует то вверх, то вниз,
Она, как всякий механизм,
Наверно, требует ремонта...»
Автобус прыгал, но не глох.
Лесок, захваченный врасплох,
Бежал, за ним — кусты гурьбою.
Высокоразвитый примат
Гитару, будто автомат,
Держал, почти готовый к бою.
Колеса, весело пыля,
Дорогу знали без руля.
«Миасс» — доска к сосне прибита...
Здесь был скитаниям предел,
Где дом окошки проглядел,
Где бытие и радость быта.
1982

* * *

А осень — сожаленье о былом...
Окно — как в прошлое... надежная ограда,
Где увеличенные за стеклом
Молекулы на ветке винограда.
Уверуй в случай, но не сторожи,
Уже вернуться к детским снам не сможем.
И все, что понапишут нам стрижи,
Из будней вычтем, с праздниками сложим.
Присядем на дорогу — вот скамья,
Врастающая в землю понемногу...
Еще есть время? — даль окину я:
Там лес нестройной шагает в ногу.
1982

Элегия, которую я напишу

Ненадежной охраной от смутной тревоги
и легкой печали
Одиноко ржавеет береза у самого края
ненастья.
Все известно заранее: дождь будет капать
на душу вначале,
А потом тонко снег упадет и покроется
корочкой наста.
Облака над Миасской долиной напомнят
парение духа.
Но земля оторваться не даст: будто дети,
повиснут заботы.
Отсыреет окно, станет форточка действовать
туго,
И не хватит, наверно, на всякие мелочи даже
субботы.
Поторопятся критики творческий кризис
увидеть в природе.
Лес — почти лабиринт эрмитажный... Глаза
разбегутся, пасуя...
Только так бы всегда: пахло родиной, сор
догорал в огороде,
А элессию ту не словами, а жизнью своей
напишу я!

1982

* * *

География — моя биография:
полтавское небо
и первый шаг по земле,
уральский мороз
и узкая тропинка до школы,
каракумский ад
и запарка в серном карьере,
балтийский шторм
и стихи об учебной тревоге,
миасская долина

и нулевой цикл семейного счастья,
города, дороги
и растущая радость возвращения...
Биография — моя география.

1982

* * *

Отвыкли руки от металла,
Душа отвыкнуть не смогла.
И память знает, как мотала
Нас долго по пустыне мгла.
Не ржавчину сдирал, а кожу
Песок не хуже, чем наждак.
Я обещал не раз, что брошу
И бросил этот ад за так.
Заездил не одну машину,
Награды есть и даже чин...
Но первую свою морщину
За Каракумы получил.

1982

* * *

Чеканщик пригвоздил устало
Луну с ущербом на виду.
Такие штуки из металла
Сегодня больше, чем в ходу.
Стряхнул с передника опилки.
Опять таинственны и пылки
Зажглись созвездия вдали,
Как по заказу, для Земли.
Иначе бы о чем извечном
Вот эти двое без конца
Могли шептаться каждый вечер
У коммунального крыльца?

1982

* * *

Не рядился в доспехи борца
И не лез ради славы из кожи.
Просто жил, как умел, до конца,
А умел так, как надо, похоже.
Были грамоты и ордена,
Даже выговор был с занесеньем...
От и до вся Россия видна
С этой точки под небом осенним.
Плачет ива, струится река,
Кружит птица, и все в том же роде.
Оглянусь, а звезда, как рука,
Вроде машет, напутствует вроде.
1982

Веники

«Фирма веников не вяжет».
Помню, мама тихо скажет:
— Сор откуда-то везде,
Надо подмести в избе.
Голубой дымок полыни.
Горький запах и поныне.
За оградой, невдали,
Густо веники росли.
Мы их парами вязали.
Про запас на жердь низали.
Угол отвели такой,
Чтоб все время — под рукой.
«Фирма веников не вяжет».
Жизнь за леность нас накажет.
Стали сор копить в себе.
Это хуже, чем в избе.
1982

* * *

Халат известкой испоганив,
Расселся, как какой-нибудь
Абу-ль-Фарадж аль-Исфахани,
Прервав довольно долгий путь.
Лицом устало упадая
В ковыльный кустик бороды,
Старик икнул, еще блуждая
По эту сторону беды.
Взглянул на тающие вешне
Дымки аула Дарваза.
Потом спокойно и навечно
За горизонт увел глаза.
И надо ль дальше и подробно
Сейчас рассказывать о том,
Как нелегко и неудобно
Мы покидаем мир и дом?
1982

* * *

Обломали радость и по ветке
Растащили мигом кто куда.
Птицы удивительной расцветки
С криком разлетелись навсегда.
Погрустим, поплачем — жизнь сурова,
Отойдем — не век же горевать.
Прикопаем саженец и снова
Терпеливо будем поливать.
1982

Разлив

Гудел, как стан прокатный, мост.
Вода расплющено скользила.
Катила гром слепая сила
По каменным валкам, и в рост
Ивяк тонул по краю ленты.
Внизу хрипел водоворот,

Вверху с ума сходил народ.
Была река притоком Леты...
1982

* * *

Расшевелила сумерки звезда,
Запала в пруд, как в душу, и надолго.
Нам надо верить в счастье иногда,
Хотя бы из простого чувства долга.
Вот я и ты. Прекрасен наш союз.
Вот дети, в их глазах стоит эпоха.
Но быть счастливым я еще боюсь,
Поскольку на Земле кому-то плохо.
Пусть так. Растет былинкой не спеша,
И тайно корни укрепляет вера...
Оттаял пруд. Откликнулась душа.
Наполнилась неясным светом сфера.
1982

Желание

Солнечного зайчика словив,
Размочить глаза слезой, во-первых.
Крикнуть, во-вторых: «Эй, чудо в перьях,
Завтра будет праздник свистунам!»

Шмыгнуть заполошным ветерком
Через лужи незабудок в ели,
Чтобы выше головы летели
Брызгами кузнечики вокруг.

Невзначай запнуться и лежать,
Обнимая землю бесконечно...
Вечен мир, мое желанье вечно —
До тех пор, покуда я живу.
1982

Старая история

— Кушайте райские яблочки! —
настойчиво угощала нас
уральским ранетом
змея
в образе тетки Меланьи...
Продолжение истории этой
можно узнать из Библии.
1982

* * *

Я помню Ярослава Смелякова,
Ворчащего, пускающего дым,
Вбивающего в головы толково
Азы, как говорится, молодым.
Я помню нелюбезного поэта,
Уставшего глазами и лицом.
И благодарен памяти за это,
Поскольку оказалась молодцом.
Я помню: он стихи читал... Однако
Минула вечность и, сто раз далек,
Дорос до восклицательного знака
В поселке том знакомый тополек.
1982

Ниагара

Каменный гребень
коснулся белых волос.
Чайки
как эффект искрения и треска
при статическом электричестве.
Голубой теплоходик,
похожий на пластмассовую заколку...
Мне нравится ее имя
и гордая решительность,
с которой она уходит
от Эри к Онтарио.
1982

Старые игрушки

Алюминий, капрон, целлулоид, вискоза.
Конопляная грива от пластмассовой лошади.
Зеленеют, краснеют, пылятся бесхозно
Бесполезные вещи на полезной жилплощади.
Заводные, смешные, в полоску, в горошек,
Безнадёжно пустые, удачно непрочные,
Крокодилы из мирных, ослы из хороших,
Пистолеты, машины, обезьяны и прочие.
Отмываем, заводим, меняем пружины,
Покрываем любовно разноцветными лаками.
Пусть рычаг, пусть строчат, пусть чудят
беспричинно,
Чтоб мы чаще смеялись и пореже бы плакали.

1982

* * *

Малыш ступил на первый снег,
Лизнул пробой — стал сразу мудрым.
Отец проверил старый шнек,
Собрался на рыбалку утром.
Поднял на крылья голубей
Кот, лапою тряхнув брезгливо.
За пряслом, где белеет слива,
Шары катает скарабей.
Я двор метлою промашу,
Из школы явится подмога.
Потом расчищу малышу
Скамью, чтоб шуба не подмокла.
Пусть бойко лепит и форсит,
Пока игра ему угодна
И, кроме насморка, сегодня
Ничто на свете не грозит.

1982

* * *

Пока что небо птице мелко
И дочке — лужа на углу.
Но елка, тонкая, как стрелка,
Заметно клонится к теплу.
Укоротила роща платье.
Бугор по лысину взопрел.
На выгоревшем циферблате
Почти без четверти апрель.
Пора извлечь из мутных окон
Улов капроновых тенет.
Пусть вечер глянет рыбьим оком
И первую звезду сморгнет.
А школьник с луком за амура
Сойдет, как образ этих дней,
Когда синее даль не хмуро
И зеленеет мир за ней.

1982

* * *

Легко поскрипывают сани,
От света лошадь без ума.
Прилежная в чистописанье,
Полями дорожит зима.
И некуда вороне деться,
Витает темною душой...
А нам уже почти по десять,
Серьезный возраст и большой.
Не жмут в коленках тыловые
И безразмерные пимы.
Мы все такие деловые,
Незаменимые все мы.
Над нами реденькое небо —
Смотрел насквозь бы и смотрел.
И думать о беде нелепо,
И для блезиру — самострел.
Волшебный сон одолевает...
Блаженно лошадь у ворот

Из «радиатора» сливает.
Лицо мне конюх снегом трет.
С тех пор, когда темно и душно
И в тягость утренний покой,
Холодный краешек подушки
Ищу горячею щекой.
1983

Праздник

Угарно от черемухи в лесу,
А в городе угарно от завода.
Одолевают странная зевота
Скворечник в птичьем песенном часу
Начала месяца середины года.

Развозят оптом фрукты и вино,
Развешивают симметрично флаги.
Сосед тайком чего-то там давно
Наколдовал по капельке две фляги
И приготовил стол для домино.

Кому-кому, а мне не повезло:
По графику идти мне в третью смену.
Попробуй, подыщи себе замену,
Когда такое красное число
Висит, загородив балкон и стену.

Жена вся истопталась у плиты.
Последняя кастрюля отзвучала.
У дочерей — дареные цветы,
Но это, говорят, еще начало,
Гляди, чтоб не нагрязнули сваты.

Граненый город дымчат, как топаз.
Родные небеса до слез погожи.
На конькобежцев ласточки похожи...
Гуляй, народ, а я сегодня — пас,
И все же хорошо, отрадно все же!
1983

Кануны

Крестоносцами прошли крещенские морозы.
Холодным пеплом липнет снег, сухие ветви гнет.
Роятся меховые и дельные, как осы,
Встревоженные женщины вокруг дымящих гнезд.
От кузницы запахло вдруг жареным железом.
Распльвшиеся, лоснятся бока у валуна.
За облаком, неровно размазанным над лесом,
Рябит переболевшая ветрянкою луна.
Не весело в работе, не интересно в спорте.
Воробьи, затеявшие под крышей чехарду,
«Весна!» — кричат, вы с ними, пожалуйста,
не спорьте,
Поживем — увидим, перестроимся на ходу.

1983

Между прочим

Лучшее,
что можно сказать
о весне,
сказала птица,
неизвестно откуда
появившаяся
на дереве.

1983

Ночь

Влюбленные
выкручивают лампочки
в подъездах,
а над городом такая луна,
будто с энергетическим кризисом
навсегда покончено.

Дважды
сверкнуло,
видно, где-то замыкают
облака.
Опять
после полочки,
надежно заземлясь,
отключился
дежурный электрик.
1983

Демографические наблюдения

Машины
размножаются быстрее
человека.
Поэтому
заводов больше,
чем родильных домов.
Акушеры тайно
завидуют механикам.
1983

Стихи

Их все еще пишут.
Витторио Серени

Одни пишут во имя славы,
другие — во имя хлеба,
третьи — во имя любви.
Слава сегодня дешевле хлеба,
хлеб обыденнее любви,
а любовь отпущена на свободу.
Поэтому
слово «поэт»
теперь с маленькой буквы.
1983

Рыбалка

Тонет речка в красках летних,
Чайка делает зигзаг...
Не могу — круги от этих
Водных мультиков в глазах.
В лучшем случае — поймаю,
В худшем случае — пойму,
Что напрасно ноги маю,
Трачу время ни к чему.
Мял диван бы дома либо
На пленэр пошел с тоски,
Где беззубые, как рыбы,
Вялясь, дремлют старики.
Но, познав лихие муки,
Скоро через не могу
Взял бы снова палку в руки
И сидел на берегу.

1983

Однажды

Чтобы
украсить
жизнь свою,
коза
цветы с газона
съела.

1983

Ирония судьбы

Олегу Чухонцеву

На судьбу не надо обижаться.
Постою, затылок поскребу.
Если хорошенько разбежаться,
Можно перепрыгнуть и судьбу.
Но вокруг поглядывая гордо,
Прежде чем рвануть на штурм рекорда,
Надо уточнить деталь одну:
Прыгать в высоту или в длину?

1983

Художница

У тебя хорошие, Снежана,
Только не парижские глаза.
Где-нибудь во храме осиянно
Украшать им только образа.
Бойкий ручеек славянской речи
Веселит, грассируя слегка,
И, душе нисколько не переча,
Красками волшебствует рука.
Кущи влажны, облака упруги.
Но зачем беспечные цветы
Черным Дримом с узелком у Струги
Обреченно повязала ты?
Ржаво, как балканские отроги,
Растянулись крыши стороной.
Осень — наши лучшие уроки
По родной природе, по родной...
Нарисуй мне что-нибудь такое:
Свет березы и, к примеру, дом,
Чтоб Россию и ничто другое
Каждый узнавал в предмете том.

1983

* * *

Хожу по деревенским улицам,
ищу следы нашего детства.
Там,
где кончается асфальт,
замечаю отпечатки
сношенных ботинок,
растоптанных кед,
импортных сандалий.
Нигде нет отпечатков босых ног.
1983

Прежде и теперь

Радовались,
как нас много
перед черной краюхой.
Огорчаемся,
как нас мало
перед белым караваем.
1983

Война

Война сама уже — вина,
Поскольку в мире есть она.
И нет подсуднее вины,
Чем оправдание войны.
Права всей кровью лишь одна
Войну убившая война.
1983

1941

Соседка щедро нагребла
Углей, спросила: «Писем нету?»
А писем не было — могла
Не бередить болячку эту.
Стояла намертво Москва.
Зима стояла у порога.
Я дул в подтопку, голова
Кружилась оттого немного.
Чурбак потрескивал сырой.
Сочились, набухая, рамы.
И долго ссорились с сестрой
Мы из-за места возле мамы.
1984

Варианты

Каждый по-своему
утверждает себя.
Один расписывается на храме
«Здесь был Вася»,
другой на Рейхстаге:
«Проверено, мин нет. Иванов».
1984

Воспоминание о Фениморе Купере

Счет изучен, алфавит усвоен,
Вычислен какой-то там объем...
У огня сидит индейский воин
С луком и осиновым копьем.
Наказание Господне — Альба —
Манит в лес, по-волчьи голосит.
Над кроватью карта, вроде скальпа,
С маленького глобуса висит.
1984

* * *

Мать пела, отец подпевал.
В такие минуты на поле
Случался с работой завал,
А дома, понятно, — тем боле.
В деревне, гулянки ценя,
Хохлацкие песни любили.
Поэтому, может, меня
Мальчишки безвинно не били.
Хочу, чтобы так было впредь:
При деле, на празднике званом
Всегда кто-то мог бы нам спеть,
Как пели Надежда с Иваном.

1984

* * *

Обкорнали тополя...
Теперь
они
инвалиды
коммунальной войны.

1984

Открытка из Новгорода

...Фонарь работает, как душ.
И в голубом растворе луж,
Похожие на витражи,
Разводы Спаса ожили,
Будто копию с души
Сняли и размножили!

1984

* * *

Спросили,
зачем он приделал хвост
велосипеду.
И он
с достоинством ответил,
как тот египтянин:
— Чтобы не знали, зачем!
1984

Баллада об авторучке

*Памяти Вэнь Цзе, зверски убитого хунвейбинами.
При торжественном захоронении поэта
в гробу лежала его авторучка.*

Сначала
выпустили кровь из Вэнь Цзе,
а потом чернила из его авторучки.
Она лежала на красном в просторном гробу.
Где-то,
совсем рядом,
звучала грустная-грустная музыка.
Было холодно и неуютно,
не то что в кармане старого пиджака.
...Когда пришли они,
окровавленные и неистовые,
она сразу почувствовала,
как забилось сердце поэта
под самым острием пера.
Они кричали:
— Десять тысяч раз по десять тысяч лет!
Они кричали,
а он уже не слышал их.
Он был далеко.
Он был так далеко...
Она лежала на красном в просторном
гробу.

Отстала музыка.
Затихли шаги.
Припомнились строки:
«...В безлюдных, мрачных и глухих местах,
Где ящерицы ползали в кустах...»
1984

Май

Такой вот красочный альбом:
Все в розовом, в зеленом, в голубом,
Поет, летает, бегаёт, резвится,
Ликуя сердцем и рискуя лбом.
И улицы с изнанки, и с лица
Так ярки и цветущи без конца,
Что душит бронхиальная, густая,
Не в меру парфюмерная пыльца!
1984

* * *

Сработал вдруг взведенный дятел,
Гул прокатился по стволу.
И темный пень разбойным дядей
Встал незаметно на углу.
Ворона крикнула злодейски.
Никак сквозь чащу не пробьюсь...
И снова весело, как в детстве,
Я всяких выдумок боюсь.
1984

Огород

Огород похож на газету. По верху,
от угла до угла, актуальным лозунгом
стоят крупно
набранные подсолнухи. Справа в двух
колонках зеленеет морковь. Слева —

небольшие
рядки с луком, бобами, укропом
и прочей мелочью.
Весь «подвал», как выражаются профессионалы, занимает
картошка. Тема
важная и
насущная.
Кроме того, огород богато иллюстрирован
маком и ноготками.
А что касается наборщиков, корректоров
и даже самого редактора этого
уникального
издания, то все они в одном твоём
лице, мама.
1984

Малина

В Европу ходим за малиной,
Тут недалёко напрямиком,
За речкой узкою, но длинной,
За озером Тургояком.
Дочь хвалит ягоду, мол, эта
Вкуснее, чем из наших мест:
Другая все-таки часть света,
Почти как импортную ест.
1984

Сумерки

— Поразвелось зверья, —
ворчит старая,
прислушиваясь к темноте,
где бродит по окрестностям Вселенной
вся в звездах,
как в репьях,
Большая Медведица.
1984

Старость

Она садится
вечерами к окну
и смотрит на звезды.
Смотрит, смотрит...
— Если б не звезды, — говорит, —
не о чем было бы думать.
Все уже передумала.
1984

Дом

Вот дом на берегу под номером шестым.
Орет петух, зайдясь в курином раже.
Отец по кухне разгоняет дым...
Все вроде так почти, как было раньше,
Но место матери останется пустым.
1984

Черная дыра

Большая душа
от воздействия добра и зла,
радости и печали,
любви и ненависти
становилась все меньше и меньше,
плотнее и плотнее,
пока не превратилась
в черную дыру.
Ученые давно вычислили ее,
но поэты никак не придумают ей
подходящего названия.
1984

Вещи

Поразлеглись, порасселись, позанимали углы.
Ни встать, ни облокотиться, ни потрогать руками.
Лоснятся, сверкают,
нахально пуская в глаза расплотившихся
солнечных зайчиков.
Коротконогие, широкозадые, плечистые, как
грузчики,
они грубо толкают, теснят, наступают.
Появляются новые,
незнакомые и высокомерные, кичащиеся
достоинствами и происхождением.
Захватывают свободную площадь,
капризничают, ссорятся,
выживают друг друга.
Выбегаю на улицу, увертываюсь от одних,
перепрыгиваю через другие, обгоняю третьих.
Задыхаясь, падаю на скамью,
смутно припоминая старые
добрые времена,
когда вещи служили людям, а не люди вещам.
Поздно вечером с надеждой возвращаюсь домой.
Однажды меня не впустят... И вас тоже.

1984

* * *

Год от года, может, век от века
Повышаем между прочих дел
Благосостояние человека,
Не наметив, где его предел.
Как смогли, чего-то в жизни стоя,
Барахлом напичкав этажи,
Мы забыть про самое простое —
Благосостояние души?

1984

Сказка на новый лад

Три дерева, как три богатыря,
На росстани, дивясь большому свету,
Сверкают посредине октября
Кольчугами на зависть Вторцветмету.
Но сказку снова выдумать нельзя.
Уже стоит напротив, полон грома,
Пилюю электрической грозя,
Ответственный разбойник из леспрома.

1984

* * *

Вот и деревце стало большим:
Не достать, за макушку не взять...
Постоим, коли очень спешим,
Помолчим, коли есть что сказать.

1984

Октябрь в Ильменах

Столько выпало белого света
Этой ночью в осадок!.. Скользя,
Речка Няшевка прячется где-то,
А без речки картина не вся.
Старый филин, похожий на черта.
За скалою тропа к леснику...
И косуля, как в книге учета,
Расписалась на чистом снегу.

1984

* * *

Вчера
лодки выбросились на берег,
как дельфины.
Может, сравнение не совсем удачное,

поскольку дельфины в наших краях
не водятся,
но совсем уж будет просто, если скажу:
— Наступила зима.

1984

Липа

А что вы, собственно, хотели
От жалкой липы на углу,
Морозным днем без канители
Преобразившейся в метлу?
Свобода творчества, не боле.
Сюрреализм среди зимы,
Где, кроме прочего, есть поле
И, кроме сущего, есть мы.
Пойдемте лучше в травяные
Места, поплачем клеверам.
Там и возможности иные
И в смысле слез, и в смысле драм.
А эта маленькая липа
С листвой на веточках и без
Пусть украшает землю либо
Сметает грязный снег с небес.

1984

* * *

Снег на исходе полета
Бьется в порядке таком,
Будто невидимый кто-то
Пишет на окнах мелком.
Брежжится слово, как птица,
На расписном витраже.
Тонкая мысль суетится,
Тянется, рвется уже.

1984

* * *

Ходят мальчики в лито,
Пишут первые стихи.
Получается не то,
Что-то вроде чепухи.
Всякий, кажется, мастак,
Были б рифмы и размер.
Получается не так,
Как у Фета, например.
Может, цель не по уму
Или боль в боку не том.
Может, просто потому,
Что напишется — потом.
Слово к слову горячо
Припадет не впопыхах,
Если у людей еще
Будет надобность в стихах.

1984

Базарный день

Один оптом сбывает душу,
другая в розницу торгует телом,
третий в рассрочку продает Родину.

Но покупателей немного,
несмотря на дешевизну.

1984

Школа

Учили в детстве
ходить и говорить.
Учили в юности
любить и ненавидеть.
Теперь учат
жить и надеяться.
Я — прилежный ученик!

1985

* * *

Под гребенку крытая соломой
Крыша белой хаты на виду,
Тополь — он снарядом будет сломан...
Дальше память будто бы в бреду.
Дым, звезда в окне, стена вокзала,
Черный хлеб из незнакомых рук,
Девочка, которая сказала:
— Ты хохол? — и заревела вдруг.

1985

Утро

Дозревает снегирь на морозе,
Краснобоко висит за окном.
Запах лета от старой березы,
Будто где-нибудь в мире лесном.
У хозяйки забота другая:
Вымой чашки, теплом обеспечь...
Воспаленною глоткой пугая,
Вновь затемпературила печь.

1985

Воспоминание

Когда честность
еще не была
синонимом глупости,
мы верили
сказкам,
у которых счастливый конец.

1985

Душа

Душа истратила себя
На все, но только не на дело,
Которому служило тело,
Потeya, мучаясь, терпя.
Душа, как солнышко у лба...
Себе нашла под стать уменью
Она другое примененье,
Болея, радуясь, любя.

1985

Городская весна

Электрические соловьи,
Никакого нету с ними сладу.
Трубы рвут играючи ручьи.
И пасет неистовое стадо
Расторопный пастырь из ГАИ.

1985

* * *

Засторонилась от меня
Пугливо речка, избочила
Решетку старого плетня,
Песком царапнув, как точило.
Изба, зачесан дым назад.
Распахнутые, будто полы,
Ворота, но куда-то в поле
Окошки холодно косят.
Ну, кто признает? — столько лет...
Шустрит щенок, ворчит парунья.
И солнца нет, а только свет
На просяном лице июня.

1985

Пожар

Стонали в травах кулики.
Закрyla мать глаза сыночку,
Чернела камнем у реки...
И далеко виднелись ночью
На избах красные платки.

1985

* * *

Два зуба выбили забору,
Сломали веточку у сливы,
Прошли по грядкам и без спору
Безгрешно были мы счастливы.
Пинали мячик беззаботно.
И только в роще страшно было,
Где ночью в прошлую субботу
Березу молния убила.

1985

* * *

Болото тихое, но бедное чертями,
Давно вода не кажет мутных глаз.
Зеленый червячок измерит четвертями
Соломинку и не заметит нас.
Когда-то мы коров пасли на этом месте
И выливали сусликов под смех.
Теперь здесь никогда всем не собраться вместе
Из-за причин, предлогов и помех.
Приманчивый лесок, подрезанный дорогой,
Где молодой и шибко тощий вяз
Прямком рванулcя к нам Петром или Серегой,
Но по колено в памяти увяз...

1985

* * *

В детстве
мы любили играть
в прятки.
Однажды
ты спряталась так,
что я до сих пор
не найду тебя.
Все давно
разошлись по домам,
напились чаю,
уложили внуков.
Не знаю,
как поступить мне:
продолжить поиски
или вернуться туда,
где никого уже не застану?
1985

* * *

Мучительно для глаз
смотреть на такую красоту.
Нет, чтобы как у всех
нормальных — порадовался
и пошел себе дальше.
1985

* * *

Плачет женщина молчком,
Прислонясь к стеклу трамвая.
Растирает кулачком
Слезы, от людей скрывая.
Вдруг выходит за мостом,
Улыбается чему-то,
Даже снится, но потом,
Даже грезится, но смутно.
1985

* * *

Таких стихов,
какие шепчешь мне по ночам,
не сочинить ни одному
поэту.
Однажды утром
я хотел записать их в тетрадку,
но не вспомнил даже начала.
Любовь нельзя заучивать
и повторять.
1985

Из югославского фольклора

К. Скворцову

Видишь то окно?
Когда-то я посылал туда
тысячу поцелуев
каждый вечер.
Теперь посылаю
тысячу динаров
каждый месяц.
1985

Осень на взморье

Пляж
как пустыня.
Следы на песке,
так напугавшие
Робинзона.
1985

Амбиция

Над
родильным домом,
как над Сикстинской капеллой,
весело вьется
дымок.
Теперь и я — папа!
1985

Морской этюд

А что касается моря — ничто его не касается,
За исключением яхты с раздутой опасно щекой:
Соскальзывая с волны, как с горки на горку
катается,
И вид у нее не парусный и вроде бы не морской.
Какой-то чудак на скалах с подзорной трубой
охотится,
То целится в лет с упора, то стоя на мушку берет.
И, кажется, в этой картине явно что-то не сходится,
А может, слегка интригуя, сходится наоборот.
1985

* * *

Осень капает с клена,
краснея крупными кляксами
листьев,
которые старый гусак
примеривает к своим растоптанным...
Мать у ворот
догорает, как свечка, —
бледное пламя косынки
склонилось от ветра
к плечу.
1985

* * *

Сверху ситяный дождь октября,
Снизу куст неизвестной породы.
Неуют, а точнее говоря,
Календарные знаки природы.
Мокнет птица на ветке ольхи,
Залетев из другого сезона.
Без названия, будто стихи,
Колосится трава вдоль газона.
Слева улица, справа река,
Прямо — даль до последнего метра.
И навстречу плывут облака
Вопреки направлению ветра.
1985

* * *

Открываю Урал
в белой январской обложке.

В последней главе,
под наскальным рисунком,
читаю:
«...напомнят холодные камни
горячее сердце Земли».
1985

Уральские самоцветы

Александр Дюков

Родонитовый оком
в темных прожилках деревьев.
Кристалл многоэтажки
с неоновым солнцем внутри.
Узоры агатовых луж,
отполированные морозом...
Дедушка, а вы случайно не Бажов?
1986

* * *

Река в глазах рябит до одури.
Сквозь частокол далеких лет
Пылит сельповский драндулет...
Собаки всласть гоняют лодыря.
До нехорошей славы падкие,
Шныряют парни в том краю,
Где я за праведность свою
Хожу с разбитою сопаткою...

1986

* * *

Объезжались бычки по весне,
Приучались к ярму постепенно.
Бились, падали, шли, как во сне,
С губ свисала кровавая пена.
После, плуг волоча по камням
Или дровни по снегу, глядели
Больше в землю, чем в небо, и нам
Как могли, помогали на деле.
Много слез и воды утекло,
Не одна проявилась морщина...
В словарях затерялось — тягло,
Громыхает железно — машина.

1986

* * *

Хочешь увидеть Москву?
За уши поднятый в небо,
Молча от боли реву,
Взгляд напрягая нелепо.
Вот и увидел: вокзал,
Площадь, вразкидку деревья...
Кто бы теперь показал
Мне ту степную деревню?

1986

* * *

Струйка, в звонкий подойник стекая,
Белой ниткою рвется легко.
У коровы работа такая,
Чтоб исправно давать молоко.
Привкус клевера, запах полыни.
След кнута на ребристом боку...
Сорок лет к юной тетке Полине
Я с щербатою кринкой бегу.

1986

* * *

Ухоженные, как могилы,
За пряслом грядки...
— Помоги! —
Кричал я в ночь, сколь было силы,
И рвал капкан с босой ноги.
Дружок фигурными словами
Крыл, отдышась, на сеновале
Всех куркулей и подлецов,
Что, может, из-за огурцов
Ходили раньше на отцов
С обрезамии или с ломамии.

1986

* * *

Заработала «орден Сутулова»
На колхозных полях и ушла.
Незабудки ее не задуло бы
И примета осталась — ветла.
Пес повыл и пропал в неизвестности.
Проморгалась к поминкам родня.
Долго маленький крестик на местности
Отвлекал от дороги меня.

1986

Деревне

*Я не сразу заметил,
что дом этот схож с кофа-
блем...*

О. Чухонцев

За мост, за крайние деревья,
Сиренью захлестнув дома,
Куда направилась, деревня,
За флагманом своим, дымя?
Вчера случайный дождик выпал,
Пыль оглушенная лежит.
Над сельсоветом красный вымпел,
Как стрелка компаса, дрожит.
Июнь по курсу, солнце в створе,
Внизу ромашковый прибой...
То в дружбе был, то в глупой ссоре,
А то в разлуке я с тобой.
Слепит маяк силосной башни.
С березою, с которой рос,
Стою над черной зыбью пашни,
На берег списанный матрос.

1986

Командировка

Чиновник, рыхлый индивид,
Лицо подняв от протокола,
Демократично молвил: «Коля,
Смотри, какой в окошке вид!
Абсурдно даль не замечать
И хвойный мир за этой далью...»
И неврученную медалью
Блеснула в ящике печать.
И я махнул на Крым рукой,
Подался в сторону Запсиба,
Сказав чиновнику спасибо
За то, что мудрый он такой.

1986

Пустыня

Почти кровавые мозоли
Натерли на глазах пески.
Пустыню проходил я в школе
В пределах карты и доски.
И вот она вокруг карьера
Лежит в горячем забытьи,
Как исправительная мера
За двойки жирные мои.
Чернеет кустик у такыра,
Кустится взрыв невдалеке...
И нету мира, кроме мира,
Построенного на песке.

1986

* * *

Пустыни запаленное дыхание
Сквозь телогрейку чувствую спиной.
Соленый чай пьют бывшие дехкане,
Составившие целое со мной.
Попахивает адом из карьера:
Уступы вроде Дантовых кругов.
Опять горит после отпалки сера
Под слоем ядовитых облаков.
Мне двадцать лет, и я уже начальник,
А перспектива — в эту даль и в ту...
Взрывник случайно опрокинул чайник,
Теперь ворчит в сердцах на тесноту.

1986

Старая копь

Стою, от холода скуля,
Над копью, будто над окопом,
Где дышит сыростью земля
И леденеют пули скопом,
Отлитые из хрустала.

1986

* * *

Вылез наверх и упал
Недалеко от забоя.
Может, порядком не спал,
Может, от нервного сбоя.
И на загровке густом
Солнечная полукровка
Только не машет хвостом,
Божья пасется коровка!

1986

Деревья

Голые, как статуи, лесного
Облика лишённые они...
Кажется, побелят их и снова
Водрузят устойчиво на пни.
Выветрится запах паленины
И вина загладится катком.
Но уже не будет половины
Радости в пейзаже городском.
Птицы улетят в края иные.
Грянет гром — не станет веселей.
Радуги разводы нефтяные
Выступят под кронами троллёй.

1986

* * *

Выздоровливает лес,
Слабо брезжит, будто снится.
Проявляет интерес
К солнцу, к лужице, к синице.
Чуть простуженно сипя,
Отзывается на слово.
К вящей радости в себя
На глазах приходят снова.
Глубь венозная темна.
Зреет сила под корою.

Лес, земля... У них одна
Редкостная группа крови.
1986

* * *

Ранняя готика ельника,
Бор, как собор, за версту.
В отпуск иду с понедельника,
Дом на замок и — ту-ту!

Долго у леса и озера,
Где ни траншей, ни бульдозера,
Буду меж птиц и зверья
Жить не по графику я.

Тихо займусь переводами
С родственного языка,
Дум, передуманных водами,
Вольных баллад тростника.

И вечерами без радио
Стану себя тайно радовать
Песнями белых берез
За миллион алых роз...
1986

* * *

Прекрасен язык,
на котором говорят деревья.
Он похож немного на детский.
Когда-то
постигали его наравне
с родным языком.
Но теперь в моде
английский, немецкий, французский...
Приходим в лес
и чувствуем себя
иностранцами.
1987

* * *

Зачитываюсь Миасской долиной,
спотыкаясь на дорожных знаках препинания.
Одолов индустриальную главу,
где немало добрых строк и
о моем горняцком деле,
погружаюсь в лирическое отступление
ильменских пейзажей.
Монументальная сосна.
Стеснительно голая береза.
Немотный крик дупла.
И молитвенно тихое небо,
на котором солнце,
запрещающее сквозной проезд.
1987

* * *

Съел кусок хлеба,
запил вчерашним кефиром —
немного утолил голод.
Не знаю, чем накормить душу:
раскрыл книгу, но в ней столько патоки,
что липнут к пальцам страницы;
посмотрел кино, но в нем столько грязи,
что захотелось сходить в баню;
стал слушать музыку, но она оказалась совсем
неперевариваемой...
1987

Боги

На острове Элефанта,
в стороне от морской суеты
я встретил не столь грозного,
сколь расстроенного Шиву,
сетующего
на одержимую ревностью Парвати,
на слоподобного тугодума Ганешу,

вечно теряющего ключи от врат начинания,
и на дикие выходы
его братца Карттикеи,
гоняющего верхом на павлине,
на мелких, к тому же пакостных, людишек,
которые только и знают
чего-нибудь кланчить...
И я понял,
что боги тоже страдают,
но некому их пожалеть.
1987, Бомбей

Творчество

Обтачиваю,
шлифую,
равняю по горизонтали,
подгоняю по вертикали,
вбиваю последнюю
точку.
Стихи — тоже ручная работа.
1987

* * *

Где они, начальники мои,
Выбившие из души и тела
Дурь, что выбиваться не хотела?
Пусть их украшают ордена,
Может, заработанные честно,
Только мне уже не интересно...
Потому спокойно говорю:
Молодость, борись, пока свободна,
Хоть за что, хоть как, хоть с кем угодно.
1987

* * *

Он думает,
как бы застать меня
врасплох.
Я думаю
примерно о том же.
Так и живем
задумчиво.
1987

* * *

Но кто мы и откуда...

Б. Пастернак

Что осталось у меня от Украины?
Может, треть, а может, больше половины.
Может, только в неразбавленной крови
Злая горечь, сколько губы не криви.
Что осталось? — спросишь, друже мои Иване,
Может, всё, но как во сне или в тумане,
Будто плачутся глаза, но изнутри.
Ничего не вижу, сколько их ни три.
1987

Повесть

Один пилил на севере дрова,
Другой качал в чужом доме права.
Теперь сидят, родных роднее, рядом,
Пьют водку и едят в охотку сало.
И не заметить посторонним взглядом,
Что их судьба двойным узлом связала
И спрятала концы, а в них — секрет:
Один другому должен десять лет.
1987

Забвение

...И не сойти безвременно с ума
От жути за таежным частоколом,
Где возлежит надгробьем Колыма
На мерзлоте в ее значенье голом.
Кому и от кого? Потокom дней
Ответ относит в снах неуследимых.
Железная ограда, а за ней
Стоит скамья — ужель для подсудимых?
1987

* * *

Старший сержант запаса
умер, сжимая в объятиях
свою любимую...
И я подумал:
пусть лучше взрываются сердца
от любви,
чем бомбы —
от ненависти.
1987

Автопортрет

В зеркало глядя,
сквозь слезы матери
вижу улыбку
отца.
1987

* * *

Слышишь,
о чем говорят
птицы?
Понимаешь,
на что намекает
вечер?
Догадываешься,
куда клонит
трава?
Время — любить.
1987

ЭТЮД ДЛЯ ДВОИХ

Ты — волна,
которая не топит,
но и не спасает.
Сквозь туман
мятежных глаз
слабо теплятся огоньки.
Господи,
не дай силы добраться до берега
и стать таким же, как все:
немного усталым и немного
довольным собой.
1987

* * *

По счету елочки в лесу,
Березки — раз, два и обчелся...
Как тучу над собой несу
Навильник звонкого очеса.
Воздвигнутый по всем статьям
Стожок украсил тихий угол,
Рассажник пней, обитель ям,
Где дятел нас вдвоем застукал.

Домой отправилась родня,
Наверно, баню затопила.
Ты не смотри так на меня,
Как будто наваждение было.
Не говори, кто я такой,
Не спрашивай, кто ты такая,
Мерцая в сумерках рекой,
В мою судьбу перетекая.
1987

* * *

Расшатанный ветрами березняк.
За старой закопушкой у сугроба
По краю тень заметней, чем синяк,
Наколки на руке: «Любовь до гроба».
Лыжня с лыжней... О солнце, вдохнови
Вон тех двоих, пренебрегая мною.
Пустой смешок не вслед, но за спиною...
Счастливое невежество любви!
1987

* * *

Я работал на подхвате:
Сбегать, принести, подать.
Лучше этой благодати
Никогда мне не видать.
Не ругали, не хвалили,
Не тиранили рублем.
Был я в переменной силе
Заземляющим нулем.
Пусть не сдельно, а отдельно
Выходил на свой предел.
Ни морально, ни идейно
Жить по схеме не хотел.
И не так матерый в сшибках,
Сам себя я обнажал,
Но не каюсь в тех ошибках,
Что тогда не совершал.
1988

* * *

Судорогой по роялю,
мурашками по спине —
музыка...

1988

* * *

Тише,
не спугните.
Пусть поет
на ветке одинокой радости
серенькая душа
человека.

1988

* * *

Говорим о милосердии,
о безграничности добра...
А кто заткнет рот
мертвому дереву,
из которого с жутким воплем
вылетела последняя птица?

1988

* * *

Слабый пульс реки.
Закисшие глаза озер.
Горячий лоб пустыни...
Что с тобою,
Земля?

1988

* * *

За околицей
маршируют
зеленые колонны лесопосадок.
Сбоку семенит мое детство,
лихо приложив руку
к списанному красноармейскому
шлему,
доставшемуся по распределению
Чудиновского сельсовета.
Пристраиваюсь и я,
смешно подбирая ногу
и смущенно оглядываясь, —
как бы кто не увидел
и не подумал,
что у того, который сочиняет стихи,
наверно, не все дома.
1988

* * *

Красная пыль Магнитки.
Железо на железе...
Неужели его добывают
не из нашей
крови?
1988

Немыслимое

Ищу мысль,
которая никому еще
не приходила
в голову.
Но каждый раз
натываюсь на головы,
в которые никогда еще
не приходила
мысль.
1989

Молчание

У меня радость — родился внук,
у соседа горе — умерла жена.
Сидим рядышком на скамейке,
курим и молчим.
Он молчит о том,
что у меня родился внук,
я молчу о том,
что у него умерла жена.

1989

* * *

Отмаясь, отмаясь от черной субботы,
Приду, упаду, где шесть соток свободы.
Глаза в небеса сфокусирую, душу
Настрою слегка не вовнутрь, а наружу.
Приглядно белеют ашинские вишни:
По облику — облако, влажно, хоть выжми.
Немятая мята среди пастернака
Стихийней стихов Пастернака, однако.
Аптечные запахи, хруст, будто хрящик.
Задышливый кашель грачей некурящих.
Игривая поза жены между грядок.
Державное пугало держит порядок...

1989

Индия

Сергею Баруздину

Море слезится на солнце.
Пальмы чуткие, как ресницы...
Что я знаю о ней?
Только имя и то,
что она свободна.
Но разве этого недостаточно,
чтобы полюбить?

1989

Барков

Ровно через двести лет
Прочитал Баркова.
Убедился, что поэт
Излагал толково.
Без намеков, прямым
В скверном самиздате
Самым русским языком
Выражался, кстати.
«Дамы делятся на дам...» —
Что-то в этом роде.
Интерес к его трудам
Не угас в народе.
Шепотом — из уст в уста.
Тайно — строчка к строчке,
Особливо те места,
Где обычно точки.
Знал, творя не впопыхах:
Отзовется слово.
Даже в пушкинских стихах
Вижу тень Баркова.

1989

* * *

Беззащитный защитного цвета
Тонкий знак сквозь дорогу пророс,
Встал на самом краю, как вопрос,
На который не будет ответа.

В землю хищно впиваясь, колеса
Подбираются ближе к нему.
Черные, в ядовитом дыму,
Виснут гусеницами колосья.

1989

* * *

Сплотясь в сплошные частоколы,
Твои — до поля — трудодни,
Мои, увы, колы — до школы,
Будь трижды прокляты они.

Но жизнь, конечно, понимала:
Судить не проще, чем рядить.
Нагородили мы немало,
Теперь дай бог разгородить.
1989

* * *

Однажды,
неосторожно перебегая поле,
я подорвусь
на птице.
С полными до краев глазами,
раскинув руки,
буду лежать в траве,
истекая душой,
пока кто-нибудь случайно
не наткнется на меня
и не спасет
от красоты весеннего утра.
1990

Добро

Старания иного ряда
Возвысят нас наоборот...
Добро навязывать не надо,
Иначе суть его умрет.
1990

Тишина

Тишина на весу.
День открытых дверей
В заповедном лесу,
Где ни птиц, ни зверей.
Бузина по пути,
По краям молочай
Приглашают зайти,
Залететь невзначай.
Поиграю в манок,
Покричу — хоть бы хны.
И — домой со всех ног,
Убоясь тишины.

1990

* * *

Никогда
ничьих портретов
не вешал перед собой
на стену.
Стена должна быть чистой,
как горизонт.
Так виднее будущее.

1990

Часы

Столько часов в доме,
а времени не хватает:
еще не сказал отцу того,
чего не успел сказать матери;
еще не научил детей тому,
чему не успею научиться сам;
еще не запомнил тебя такой,
какой не станешь уже никогда...

А вчера
в память о большой и очень круглой дате
мне снова подарили часы.
Столько часов в доме!
1990

* * *

— Постой, — сказала, — я сейчас...
И убежала в галантерейный магазин,
где выбросили
импортные колготки.
С тех пор стою
и считаюсь опорой
дома.
1990

* * *

Затяжной поцелуй
захватывает дух,
останавливает сердце,
сокращает время...
А вдруг не успеем
раскрыть объятия?
1990

* * *

Украдкой, как вор,
на ощупь
люблю тебя по ночам.
А днями,
прячась среди людей,
боюсь, что однажды
меня все-таки выдадут
откровенно счастливые
глаза.
1990

Метеорологический этюд

На юге жарко,
на севере холодно,
на востоке ветрено,
на западе дождливо.
А у нас с тобой
переменная облачность
с прояснениями
и кратковременными
слезами.

1990

* * *

Между нами кошка пробежала.
Сразу вдруг тепло подорожало.
На стекле цветы, как на обоях...
Что-то там сломалось в нас обоих.
— Кис-ка, — дочь лопочет, — про-бе-жа-я.
Видимо, соседская, чужая...

1990

Последнее слово

Птицу не перепеть.
Солнце не пересмотреть.
Тебя не переспорить.
Извиняюсь и уступаю,
но не потому, что ты права,
а потому, что я
не прав.

1990

* * *

Хотел,
чтобы все женщины
походили только
на тебя.
Теперь
с ужасом замечаю,
что желание мое
начинает сбываться.
1990

Метафорический этюд

Я — пахарь,
ты — земля.
Вспахал глубоко
и высеял семя.
Теперь
будем ждать
урожая.
1990

* * *

Канавы рыхлая под лесом,
Кривая лужа в стороне,
Где оцинкованным железом
Большое облако на дне.

То известковый запах школы,
То лысый гриб как человек...
Эпитеты, а не глаголы
Присущи осени вовек.
1990

* * *

Не трудности
мы любим, а себя
на фоне
трудностей.

1990

Урок критического реализма

Я бога не признаю
из-за его плохого отношения
к людям.
Поэтому он никогда
серьезно не задумывался обо мне.
Но это совсем не значит,
что бог существует,
а я только
подразумеваюсь.

1990

Права и обязанности

Спорят:
надо жизнь переделывать
или не надо?

Решают:
пусть думают молодые,
им — жить.

И так
от сотворения мира
до Страшного суда.

1990

* * *

Прислушиваюсь и не пойму:
или мышь гложет черствую корку,
или ржавчина доедает старую трубу.

Приглядываюсь и не разберу:
или отец стоит в вылинявшей гимнастерке,
или тополь прощается с летом.

Вспоминаю и не припомню:
или ты говорила, что любовь — для слепцов,
или вычитал в какой-нибудь книжке.

Задумываюсь и не соображу:
или сон это,
или моя жизнь, доставшаяся другому...

1990

Бархатный сезон

Ты из Сочи, а я в Сочи.
На попутных, на авось
Прикатил предстать пред очи
Моря — Черного насквозь.
Пилигрим, уральский родом,
Не какой-нибудь масон...
Но раскрыт и распродан
Нынче бархатный сезон.
Только узкая полоска
Мне досталась у камней,
Чтобы бросово и плоско
Проваляться двадцать дней.
Чтобы зря но отвлекало
Расписание (и меню),
Даже этот, как лекало,
Плавный абрис юной ню.

1991

География любви

Любим
    Любанию
любим.
Люблино
    в
Люблянну
    влюблено.
Любляна
    в
    Люблин
влюблена.
    А
Люблин
    Любань
любит.
1991

* * *

Любить отечество для пользы
Нас горячо учили те,
Которых увозили после
Остыть на вечной мерзлоте.
Нам красно обещали эти
Рай под звездой, ад под крестом.
Да, мы обманутые дети,
Но равно Марксом и Христом.
1991

* * *

Пойдем на верх горы Железной,
Посмотрим, где конец земли...
И слез из тучки бесполезной
Прогнозы выжать не смогли.
По воле слесаря нелепо
Возник в кустах водоворот.

Фонтанный дождь ударил в небо,
А надо бы наоборот.
Дома как стереоколонки.
С афиш смеются «Верасы».
И, может быть, из-за поломки
Ждем светомузыку грозы.
Тропа юлит, боясь заране
Стеной воздвигнутых пород.
И нет нужды, но есть желанье,
И нам его не побороть.
1991

Ялтинские кошки

Размножаются, как экстрасенсы,
Кошки в Ялте, ночами вопя.
Выйду, Господи, в темные сенцы,
Спотыкнусь, поминая Тебя.
Грех, конечно, но больше — досада.
Запредельная муть в голове:
Начитался маркиза де Сада,
Насмотрелся страстей по ТВ.
— Кис-кис-кис! — покричу в огороды.
И придет, брызнув фосфором глаз,
Кошка самой красивой породы,
То мурлыча, то плача, то злясь.
1991

Театр

Я умру, где кончится сюжет,
С главной ролью в пошлой мелодраме.
И сведет рецензия на нет
Божий дар петитом в черной раме.
Смоют смазь вселенскую с лица
Чьи-то слезы, выпадая густо.
А пока у действия нет конца,
Жизнь идет на уровне искусства.
1991

* * *

Петля Есенина, Цветаевой петля
Сдавила горло, воздуха лишила.
Река, по круглым камешкам пыля,
Слабеет, будто вспоротая жила.
Сквозная рана вывернет закат,
Степь осолит, измажет жутким цветом,
Звезда сорвется с неба наугад
И поразит смертельным рикошетом.

1991

1945

Виктору Астафьеву

За краем зимнего пробела
Осталось это навсегда.
Еще у марта голубела
В глазах стоячая вода.
Переварив остатки крова,
Среди пугающих примет
Ржавела тощая корова,
Как без колес велосипед.
Орел и решка. Чет и нечет.
Смеялась девочка в бреду,
Изломанная, как кузнечик,
Уже у Бога на виду.

1994

Книги

Книги,
которые мы пишем:
Красная книга,
Белая книга,
Зеленая книга...
А какая будет
следующая?

1994

* * *

«Я люблю того,
кто строг к своему богу», —
говорил Заратустра.
Самый большой грешник —
мой Бог.
Буду великодушным и
прощу Его.
1995

Флотское фото

Я был четыре года богом
Воды и пара — маета!
Мне выходила часто боком
Возвышенная должность та.
Особенно когда навесом
Стояла на ветру волна
И тральщик всем железным весом
Все норовил нырнуть до дна...
В казенном нимбе на макушке,
Весь разлинован, как тетрадь,
Вот я запечатлен у пушки —
Улыбку не успел убрать.
1995

* * *

Эта,
в холщевом переплете,
затрепанная,
заляпанная,
с выдранными страницами
книга моей непутевой
жизни...
Засуньте ее за шкаф,
чтобы не портила
благопристойный вид
сытых и лощеных,

с обтянутыми толстой кожей
прямоугольными затылками
мемориальных книг
моих нечитанных
современников.

1995

Картина

Динамика воображения художника:
точка,
линия,
эллипс,
абстрактное месиво красок...
Смотрю на измученный
в объятиях неудовлетворенного океана
парусник
и чувствую, как во мне продолжается
бесконечная история
Колумба.

1995

Северная весна

Землистое небо
ржавая тундра,
бесцветная слякоть...
И только два зеленых
пограничника.

1995

* * *

Позавтракал «Завтраком туриста»,
пообедал «Славянской трапезой»,
поужинал «Рыбацким ужином»,
включил «Электросон»
и задремал с теплой мыслью о том,
что надо бы купить с очередной пенсии
резиновую куклу «Имитатор».

1995

Смиренная элегия (мотив К. К.)

Все будет так, как есть, — не изменить,
Не переделать ничего на свете.
Я не хочу ни в чем тебя винить,
Поскольку сам нисколько не в ответе
За то, что не был счастлив, — так судьбой
Приговорен к тебе, приворожен тобой.
Я повторю, коль надо, муки эти.
Останься пропастью, где я на дне,
Стань холоднее северу в угоду,
Взгляд равнодушный выплесни, как воду.
Но, чтобы жизнь свою продолжить мне,
Я должен быть уверен в том, что снова
С тебя начнется завтра день — и слово,
Любовью осененное вдвойне.
И где взяла такие ты глаза?!
О сколь природа здесь щедра безмерно.
В них, как на молнию, смотреть нельзя
И не смотреть не хватит сил, наверно.
Насквозь просвечен, безнадежно сглазен,
Я знаю, путь мой долог и опасен,
И — встречу гроза, темнея и грозя.
Хочу быть морем, морем быть хочу.
Прижав твой парус ситцевый к плечу,
Нести по воле волн, по воле боли...

Но тень надежды только тень, не боле.
И все же я молитвенно шепчу:
«Пусть будет так, как есть, по божьей воле,
Другой судьбы себе не хлопочу».
1995

Выбор

Можно купить лотерею
и выиграть машину.
Можно взять отпуск
и поехать на Золотые Пески.
Можно понравиться жене начальника
и стать хорошим работником.
Я выбрал тебя,
чтобы страдать.
1996

* * *

Возвышенно игривы
Окончились в тиши
Вокальные порывы
Обманутой души.
Не хочется стелиться,
Доказывать, рубля.
Прости меня, столица,
Я не люблю тебя.
Асфальтом и бетоном
Залитая до крыш,
Пошто казенным тоном
Со мною говоришь?
1996

* * *

Постой и подыши,
Оставь дела благие.
Решетка, куст в тиши
И камень на могиле,
Наверное, с души...

1997

Рим

Рим как Рим.
Впечатлений много,
а рассказать нечего.

1997

* * *

Стань лучше,
чем ты есть.
Пусть соседи станут лучше,
чем они есть.
Земле не мешало бы стать лучше,
чем она есть.
Наконец, солнце — и солнце тоже! —
должно стать лучше,
чем оно есть.
А я и так хороший.

1997

* * *

Болеют липы снами вещими.
Жара. Вокруг — сплошной азот.
В тени зубами поржавевшими
Бродяга яблоко грызет.
Неторопливо школа строится.
И девушки на общий суд
Наряды бережно несут,
Как знаки женского достоинства.

1997

* * *

Ишь, молочко у молочая на губах,
От кислоты у кислицы изжога,
Угрозы у грозы, у грома прибабах
И у столба столбняк навроде шока.
Проводят легкий взгляд в заречье провода,
Где валуны навалом, копь с окопом,
Прозор в узоре туч и водится вода
В ключе за отключенным автостопом.
Березовский карьер со ввинченной до дна
Стихией: пар, угар, диспетчер Ленка...
Ишь, у березки из-под платица видна
Вся в цыпках и царапинках коленка!
1997

* * *

Грубее строки, тяжелей слова,
Поскольку жизнь сегодня такова.
Старик в помойке тихо шерудит.
Теперь он бомж, был местный эрудит.
Стихом грешил, березки рисовал,
Ан выгнут весь, коленчатей, чем вал.
Зато сосед — ну вылитый ротан,
Районный босс и уличный братан.
Коттедж, мотор... А впрочем, наплевать!
Куда приятней лес облюбовать,
Где в чаще, огневая от и до,
Пичуга строит ладное гнездо.
Возносятся деревья — не дрова...
Светлеют строки, веселят слова.
1997

Песни

Слова и музыка Кульдяева
И наши голоса вразброд.
Вот старый песенник — куда его?
Другой народ свое орет.
Окинь, хорошая, небесными
Земные вперемежку дни,
Когда мы шли вперед и с песнями,
И были честными они.
Напомни, верный, ту мелодию,
До слез единственную ту,
С которой мы любили Родину
Под сенью девушек в цвету.

1997

Страсти по В. П.

Поеду в Овсянку к Астафьеву
Без повода и не чинясь...
Господь милосердный, оставь ему
Подольше побыть среди нас.
Он весь, как терновник у пряслица,
Остистый снаружи, смотри.
Но в нем столько доброго прячется
И детского где-то внутри.
Трудящийся, плохо трудящийся,
Буря, исходит хулой.
А он же, судимый, судящего
Ужель одарит похвалой?
Поселок. Дыхание вечности.
Ворона кричит на столбе...
И он, посредине отечества
Отдельно стоящий в толпе.

1997

Мана

Приладился, лежу на Мане,
Сибирской речке духарной.
Шевелится, как змей в кармане,
Струя витая подо мной.
Крылом породистого леса
Смело с угора полсела,
Которому без интереса
Мои досужие дела.
Закрай купального сезона
Порос желтушной травой.
Уже, наверно, нет резона
Бросаться в омут с головой.
Дрейфую к берегу устало.
Запал угас, душа светла.
И Мана возражать не стала,
А выпросталась и ушла.

1997

Свидание

Напевая ариозо нежные,
Изучал на башне хитрый циферблат.
В кулаке желтоголовые подснежники
Походили на задушенных цыплят.
Оступился, побежал трусцою резвою,
Неуклюже сунул мятые цветы...
Мы стояли, не скрывая зависть трезвую,
Потому что я — не он, она — не ты.

1997

Искушение

Р. З.

Некрасиво быть красивой,
Отвлекать чужих мужей,
Грубо пользоваться силой
Нежной слабости своей.
Заросла душа бурьяном,
Погрузилась в черный тлен...
В этом облачно-туманном
Взгляде грех семи колен.
Да, вестимо, не святая.
Зов твой, как удар под дых.
Но терплю, молчком страдаю,
А страдать — удел святых.

1997

* * *

Чтобы написать стихотворение о любви,
мне нужны твои глаза,
сквозь которые подсматривает желанье;
твои руки,
похожие на птиц,
которым не дают приземлиться;
твой голос,
тайно призывающий к восстанию
духа и тела;
и, может быть,
счастливая от избытка хлорофилла
береза под нашим окном...
А что,
давай напишем
новое стихотворение о любви!

1997

Желтый дом

(пародия)

*Я — чокнутый, как рюмочка в шкафу
Надтреснутая. Но и ты — с приветом!
Мне кажется, я вправо сдвинутый,
А ты, ты влево загибающий...
Ополоумев, облака
Летели, серые от страха.*

А. Кушнер

Куда меня привел ты, Саша? Тьфу!
Нормальных нет, похоже, в доме этом.
Тот чокнутый, как рюмочка в шкафу,
Надтреснутый, а та — совсем с приветом!
У этого, что не в своем уме,
Помешанная на стихах подруга.
Те — психи, тратят жизнь на буриме,
Соображают, но представьте, туго.
Блажен готовый выпрыгнуть в окно
На шум ополоумевшего мая...
Тот влево загибающий давно,
Тот рифмой вправо сдвинутый до края.
Три дурака играют в дурака,
На лицах — безрассудная истома.
А не ретироваться ль нам пока
Не все у них, как признаются, дома?
1997

Деревенский роман

(пародия)

*Мне бы
в дебри судеб деревенских,
чтоб искать,
Ночь возя на возах,
сокровенное,
если не в женских,
то хотя бы в коровьих глазах.*

В. Журавлев

К озорной
симменталке, играя,
воспылал я
однажды зело,
невзначай
из далекого края
на уборку приехав в село.
В дебрях судеб
под местной луною
сокровенное,
бога дразня,
молча ищем
за ямой сенною —
я у ней, а она у меня.
Продолжается
все это долго,
переходит порой в молоко...
Хорошо мне с коровою,
только
целоваться ходить далеко.
1997

Пришел, увидел...

(пародия)

*Шуршат под ногами газеты,
струится обеденный чад,
в гигантских отелях клозеты
на всем побережье урчат.*

С. Куняев

Менял я дороги неожиданно,
в пустынях встречали меня.
Я в воды входил Иордана,
мазут и бутылки кляня.
Свершив легендарное чудо,
Христос в Галилейской стране
отнесся к мольбе моей чутко
и по-христиански вполне.
Увидев согбенное тело,
поняв, что терпеть не могу,
он путь указал мне к отелю,
сверкавшему на берегу.
Я думал, эмиров ругая,
забыв о недавней беде:
Посуда, извольте, другая,
а запах один, как везде!
Извел я немало газеты,
об этом стихи пусть молчат...
В гигантских отелях клозеты
на всем побережье урчат.

1997

По секрету

(пародия)

*Как кому, а мне покамест
Снятся женщины еще.
Ах, какие кавалеры
Спят, не выйдя из меня!..*

Г. Горбовский

Я покуда то, что надо.
На своих стою троих...
И не падаю от взгляда,
как другие, — сколько их!
И сегодня, как бывало,
я на выдумку горазд:
чтобы ветром не сдувало,
кирпичи беру — балласт.
Скрип в коленке, в почке камень,
громко хрупает плечо...
Как кому, а мне покамест
снятся женщины еще.
На обложках, на открытках,
в мини, макси, в неглиже...
По секрету: я из прятных,
Если что — считай уже!
Только вот жена без меры
гложет, за спиной сопя:
Ах, какие кавалеры
Спят, не выйдя из тебя!
1997

На пороге бессмертия

(пародия)

*Когда бы был я заключен
Пожизненно, притом не в келье,
А цепью к плитам пригвожден
В средневековом подземелье...
И вот тогда пришел бы стих,
Мой лучший стих,
Бессмертный стих,
Хоть от него в веках ни звука.*

Н. Доризо

Давно бы все понять должны,
Что из меня не выйдет прока
В уютном обществе жены,
В тепле, от кухни недалеко,
Где в сибаритстве уличен,
Где внешне стал я очень важен.
Когда бы был я заключен,
Пожизненно на цепь посажен
Пусть не в средневековый склеп,
Не в яму, рядом с тварью мерзкой,
А здесь, на воду и на хлеб,
В подвале на Красноармейской,
Среди забытых и пустых
Бутылок, банок из-под лука...
И вот тогда пришел бы стих,
Мой лучший стих,
Бессмертный стих.
Пришла жена — я сразу стих,
Сказала, чтоб писал без звука.
Добавила, зла не тая,
Презрительно отбросив платье:
«Бессмертье — доля не твоя,
Ты больше думай о зарплате!»
1997

В мире животных

(пародия)

*Невзирая на порчу и сглаз,
Отелилась корова у нас.
...Нет ничего прекрасней лошадей,
За исключением разве что людей.
...бык вдруг встал и подошел ко мне,
И вместе стали мы смотреть...*

Л. Завальнюк

Жила у нас в селе одна кобыла.
И Клава... Между ними что-то было.
Кобыла сивая совсем, а Клава,
За исключением разве что людей,
Была красивая и чуточку — шалава.
Нет ничего прекрасней лошадей!..
Но игнорируя порчу и сглаз,
Вдруг отелилась корова у нас.
Клава надулась, немного озлилась,
Не говорит, отвернулась к стене.
Я-то причем, коль она отелилась?..
Тут бык вдруг встал и подошел ко мне,
И вместе стали мы смотреть на небо.
Ах, слава богу! — он оттолкнул плечом
Быка, еще моргавшего нелепо.
Бог точно знал, что я здесь не причем.
А бык, зрачками поворачивая слегка,
Пошел искать Л. А. Завальнюка.

1997

Расплата

(пародия)

*Какая горечь в сожаленьях поздних!
...Кого винить теперь — какого бога?
...Любовь подсудна так же, как разбой.
...За все плачу. За все, что было, — разом.
...Что суд людской?
...«А мы могли не встретиться с тобой.»*

Ю. Поройков

Решетка. Нары. Общая параша.
Сижу и сожалею — не с тобой.
Я за любовь плачу. Какая лажа!
И этот платит, только за разбой.
Ему осталось, говорит, полгода.
А тут на всю катушку, одному...
На улице весенняя погода,
Такая же, как десять лет тому.
Тебя я встретил на большой дороге.
Ты вся была в ту пору из себя,
Немного пергидрольная, немного
Моя уже казенная судьба.
Любил, за что исправно срок тяну я.
Стихи ночами бормочу во сне.
«До смерти не забуду мать родную» —
На мягком месте выкололи мне.
Что суд людской? За все, что было, — разом.
Гефестом лично — он всему виной,
Как будущий соперник, я наказан.
А мы могли не встретиться с тобой...

1997

По поводу очередной женитьбы поэта Н. Н.

Либо
Ли Бо,
Либо
Ду Фу
Признался однажды, как на духу:
«И станет старой новая жена».
Добавлю: «Мысль досадна, но верна».
1997

Эпитафия

Суета допрежь и впредь
Люди — те ли, эти ли...
Нужно просто умереть,
Чтоб тебя заметили.
1997

* * *

Озяб Морозович Снежко
Других не лучше и не хуже.
Теперь он, видно, далеко
И глубоко еще к тому же.
Забылось имя навсегда.
Но, помнится, на склоне лета
Бурлила в лекциях вода
Его коронного предмета.
Насосы, скважины... Пиши:
Такая скука в наши годы,
Когда хотелось для души
Вина, девчонок и погоды!
Он был научный кандидат
И доставал нас, мягко скажем.
Зато ни формул и ни дат
В унылом положенье нашем.

Вот свойство памяти: легко
Оставить и стереть не глядя...
Живой пример тому — Снежко.
А мог быть неизвестный дядя.
1998

* * *

Запомнились тухлые баки
И два незначительных факта:
По улице, как от собаки,
Бежал человек от инфаркта.
А следом собака бежала
С глубоким задыхом от бега.
У баков посообразжала:
Сочла не лишаться обеда.
1998

Д. Самойлову вслед книге о русской рифме

Теперь
это ближние страны,
там,
за вторым перевалом,
где кончились
дни равноденствия
и стихли
голоса за холмами.
Дороги,
похожие на линии руки,
уже не обещают
благую весть.
Шуршат времена,
как горсть песка
с янтарного берега
залива.
Волна и камень...

Но есть
улица Тооминга, 4
и две несбывшихся надежды
на одного.
1998

Последний

Грязный старик,
выкомура и лицемер,
подвихнувшийся на попойках.
Оясненный бомжуанской улыбкой,
за десять шагов с поклоном
и чуть ли не с волосами
сдирает бессмертный треух
и голосит одну и ту же,
изгалистую, как уховертка,
песню:
— Привет, земля!
Когда-то мы с тобой разом бегали
в Хохлацкий край на вечерки
и на задах у двустнастой Кланьки
мяли девок в конопле...
Крохобор и вымогатель,
глаза бы мои на него не глядели,
но он последний,
кто еще помнит меня
молодым.
1999

* * *

Живут же люди:
у него своя жизнь,
у нее своя.
Не то
что у нас — одна
на двоих.
2000

* * *

Питие на Руси есть веселие.
Тяглая до выпивки шарага
Роеся в траншее с бодуна.
Бригадир, похожий на Ширака,
Мучит мысль, а мысль на всех — одна:
«Где бы, чтобы по чуть-чуть и сразу...»
Бедная Россия, тия мать,
Подхватила страшную заразу
И надолго, надо понимать.
Грустно в положении нелепом.
Скучно в братстве пьяниц и пройдох.
Но опять бутылки сдал — и с хлебом,
А иначе б с голоду подох.
«Право, славно — выпить православно», —
Брякнул в бабьем облике поэт.
И пошло, сперва с причмоком, плавно,
А потом... и слов пристойных нет!

2001

* * *

Бесконечно, но не беспредельно
Божие терпение, увы.
Как живем? — Грешно и канительно,
По законам джунглей и братвы.
Есть национальная идея.
Есть национальная земля...
Вон мужик на лапы встал: — И-и де я? —
Гомо питекос в натуре, бя.
Да, умом понять нас — взять измором.
Хватит хныкать: — Быть или не быть?
Родина не девка, чтобы хором
Пьяно иногда ее любить.

2001

* * *

Лауреат квартальной премии,
Заслуженный работник леса
Вслед вымирающему племени
Живет без пыла и прогресса.
Лесоповальными нарядами
Измаян до сердечных сбоев.
Теперь вот шефствует над грядками,
Как над могилами героев.
Чеснок разводит от давления
И хрен растит на всякий случай.
А по ограде, в отдалении,
Не хмель ползет, а змей ползучий...
Так и живет, страну безбрежную
Любя не то чтоб до упора.
И славит Вышнего по-прежнему
Он за отсрочку приговора.
2001

* * *

Ели и пили, как лошади,
Стоя, а то на ходу.
Маршировали на площади
Раза четыре в году.
Гимном, как будто молитвою,
Правили души, при том
Самую, может, великую
Глупость пороли гуртом.
А поперечных увечили
Коль не кнутом, так мечом...
Кончилось все — делать нечего,
Вспомнить зато есть о чем.
2001

* * *

Навалились гамузом на Бога:
— Дай, прости, спаси и помоги!
В стыдном месте так сидим глубоко,
Что в слезах заходятся враги.
Но сидим, нам кажется, не плохо.
Странный корм и мутный вскрай стакан...
За углом злодышная эпоха,
За столом запазушный друган.
Государство нас давно не любит,
Держит за прислугу столько лет.
Этот — пролетарий, этот — люмпен,
А тому — названья даже нет.
В чем она, наследная прилика?
Чей веками черный грех несем?
Невдогад... Вдокон сморило лихо,
Наземь сбило, вляпало в назём.
Боже, как синявка у вокзала,
Раб твой бляжским образом живет.
Вон рука, что путь нам указала
С точностью аж до наоборот.
2001

* * *

Деревня меня не узнала,
А может быть, сделала вид.
Где низко саманка стояла,
Высоко лесина стоит.
Беззубая улица: редок
Кирпичный барак «на двоих»
Времен удалых пятилеток
И маятных странствий моих.
Ни крыш под пластами, ни тока
Ручных журавлей у ворот...
Страна поступила жестоко —
Объехала божий народ.
Обула, как лоха, в галоши,
Подбила сыграть в лохотрон...

Косят лиходейские рожи
На невидаль с разных сторон.
Прощай, уходящая в небыль,
Стань выдумкой правде назло,
Деревня, в которой я не был,
Которой и быть не могло.

2001

* * *

Скрадная и тихая, как сапа,
Бодро превозмогшая себя,
Из хохла уральского кацапа
Сгношила наскоро судьба.
Проглотив полтавскую галушку,
Поперхнулся тюрей сытый год.
Не заметив, как нацелил пушку
Чемор ради собственных угод.
Дальше — больше, до известной точки...
Детство отгуляло табуном,
Общипав полянки и кусточки,
Опрокинув озеро вверх дном.
Жить хотелось, а хотеть не вредно.
Где взадых, где впротях, где внагиб...
Надо ж, не исчез пока бесследно,
Не подох, не спился, не погиб.
В мягкой форме твердого отказа
От небесных благ пою струной:
Жизнь дается два, известно, раза —
На земле и в памяти земной!

2001

* * *

Отдаю себе отчет
Кто я, где я и откуда,
Что за кровь во мне течет,
Родником бьет из-под спуда.
Гены Киевской Руси.
Гены Запорожской Сечи.

«Отче наш, Иже еси...»
Православно брезжат свечи.
Черт не черт, трухляв и лыс.
Ежу ладит на таганке...
Помню, с Гоголем сошлись
Вечерами близ Диканьки.
Жизнь — она не сладкий сон
Вроде праздника большого.
До конца дожить — резон,
Как дослушать сказ Бажова.
2001

* * *

Илье Фояякову

Дул ветер с поправкой на лето,
Веселый в напоре сквозном.
И что-то навроде балета
Вершилось в театре лесном.
Кричала скандальная птица
С вершин сухостойных опор.
Едва отражала теплица
Стихийного солнца напор.
Приглядно смотрелся кустами
Прикрытый садовый сарай.
За ним обнажался местами
Дворцовый концлагерный рай.
Колючка, решетки, собака,
Пятнистый до пят вертухай...
Вода утекала из бака,
Хозяйка мирилась: — Нехай!
Цвело, коренилось, шумело
И долго надеялось жить.
И все это я неумело
Пытался в тетрадь уложить.
Не строчкой — бороздкой розно,
Где густо всходили слова,
В которых дул ветер укусно,
И птица была не права.
2001

Темнота до сумерек разбавлена
Коммунальным светом фонаря.
В лозняке античные развалины
Записного в прошлом февраля.
Отложенья зимнего периода
Обнажились по углам едва.
Непонятно, от какого привода
Закружилась что-то голова.
На столе ледащие растения
Фосфорятся в торфяной грязи.
У соседа завтра день рождения,
Все, как говорится, на мази.
Будем водку пить, икрой закусывать
Кабачковой, петь аллаверды.
И попарно любоваться кустиком
Бьющей из-под гравия воды.
Хороши зимой у нас метелицы,
Еще лучше девушки весной —
У подъезда парня отметелили:
Хочешь, мол, крутить — крути с одной!
Круто, но иначе как с дурилою...
А внизу шевелится река.
— Доживем до травки, — говорили мне, —
Будем дальше жить наверняка.
Телевизор мусорной копилкою
Так разит, аж морщится страна...
Сумерки исписанной копиркою
Залепили стекла у окна.

2001

* * *

Александрю Блинову

Скончался Вицин накануне,
И у меня болит в боку.
Вдругорядь цены скакнули,
Чуть не зашибли на скаку.
Держава, сколь могла, держала
Хвост пистолетом, но увы...
А яд останкинского жала
Ужель не чувствуете вы?
Офеня, пофигист, невежда —
Все норовят урыть народ.
Однако есть еще надежда —
Она последнюю умрет.
2001

* * *

Продал
старого
попугая,
который обзывал меня
дураком,
а купил
молодого ангела
с подрезанными крыльями.
Хочу вырастить из него
космонавта.
2001

* * *

Не сгорит осина от стыда.
Оборвется старая веревка.
Не оставит на лице следа
Поцелуй, запечатленный ловко.
Кто еще тебя не предавал
В сотый раз и все за те же тридцать?
Погружаясь в память, как в подвал,
Не спеши в слежалом хламе рыться.

То, что было — было и прошло.
Не ищи в чужих словах морали.
Тот добро любил, а этот — зло,
Жили разное, разное умирали.

2001

Печальный случай

Не пел, а вытягивал в нитку
Слова из неладной души...
Как вспомню, так венчиком никну
И вяну, хоть солнце туши.
И что же он сам эти муки,
Терпя, под рубахой копил?
Верней наложить было руки.
Уж лучше не пел бы, а пил.

2001

* * *

Старик, склеротик, одуванчик,
Былую растерявший пруть.
Ему б улечься на диванчик,
Вретищем босоту прикрыть.
Ему, наверно, одиноко
Там, где ни ночи и ни дня.
Его всевидящее око
Как телевизор у меня.
Всегда одна и та ж программа,
Поднадоевшая давно:
Плодятся, жрут, не имут срама,
ТЬфу! — не народец, а говно.

2001

* * *

Перестали надобиться бабы.
Разбрелись по хатам кореша.
Пал на дно, не умер — замер, абы
Исполегу теплилась душа.
Никого и ничего не жалко,
Может, в детстве самого себя.
Наврала бродячая гадалка,
Заплошала сручная судьба.
Не болеет, ох, чужим здоровьем.
Деньги? Тьфу! Хватает миски щей...
Человек, увы, хоть с рыбьей кровью,
Одинокий, старый и ничей.

2001

* * *

Заглянул — удивился:
— В этом теле
давно
никто не живет!

2001

* * *

Душа давно без музыки живет,
Зато тугой, как мяч, звенит живот,
Возможно даже украшает тело,
Но в облака подняться не зовет.
— Обабилась, — подумал о жене
И отвернулся вперекат к стене,
Заник, распялил враскосык зевало,
Себе напомнил: как бы утром не...
А утром, запинаясь на ходу,
Послал семейство спешно в Катманду,
Газету взял и прочитал в газете,
Что умер тихо в том еще году.

2001

* * *

Погладил глобус по головке
Пустой, где челкою к виску
Страна приклеилась неловко
Со всем народом на боку.
Живи! — одобрил без уцелу.
Вот мой сосед терпел, терпел
И умер как-то не по делу,
Таких не делают теперь.
Земля ворочается грузно,
На тополь солнце вознеслось...
Не знаю отчего так грустно,
Но знаю: весело от слез.

2001

* * *

Прикинулся веником куст,
Метет себе на повороте.
Слетает с пластмассовых уст
Отчаянный крик Паваротти.
Фонетике вешнего дня
Совсем не в струю эти вопли.
Обтяжистый ветер меня
Обнес прелым запахом воблы.
Наронено пропасть синиц
На взгорок, причесанный плугом.
Березовый хруст поясниц
Улавливается с испугом.
Куда там! Как вёсла, вразлет
Лопаты в прорыве глубоком...
А тут еще этот поет,
Подстегивает ненароком.

2001

* * *

По ходу действия весна
Ручьи сплела в тугую речку,
Заполонила странной речью
Окольный лес, чумной со сна.
Хмельной сквозняк в углах витает,
Листает ставни, как блокнот.
Деревню дедовщина гнет
И бабовщина угнетает.
У магазина охламон
Хлопочет мордой с явной целью.
Не расположена к веселью
Земля вокруг, где вырос он.
Пырей тишком заначил поле,
Несун — последний куль зерна...
Кренится разумом страна,
А зашибной народ тем боле.
Весна... Бесхозный вертоград.
Канавы справа, слева свалка.
Природу нестерпимо жалко,
Нас грешных, но... не всех подряд.
2001

* * *

Без всякой задней мысли
Вдруг оглянись назад:
Бадьи на коромысле
Сережками висят.
Как бы обняв за плечи
Подружек, из ворот
Выходит мать навстречу,
А не наоборот.
Теленок за оградкой,
Кизяк уложен в клеть...
Вот всё, что я с оглядкой
Успел запечатлеть.
2001

* * *

Глаза в слезах, как поплавки,
Стоят сочувственным укором...
Леса построились в полки,
Степь залегла за тем угором.
И небо сотней батарей
Вдруг ахнуло, огнем сверкая.
Прощай и позабудь скорей,
Коль началась война такая.
Ветрами ангелы поют.
Легла дорога между нами.
Не ранят, может, не убьют.
Всё... и — вперед за орденами!
А если побоку игру, —
Меня сосватала свобода.
Вот потолкаюсь на миру
И буду тише год от года.
2001

* * *

Не про меня упертый сопромат...
Расслабься, отпусти чуть-чуть пружины.
Пейзаж альковый смазан и примят,
Но срок еще мотают наши джины.
Страдай! — глагол горит, как электрод.
А сердце у тебя покруче стали.
На две любви и ненависть вперед
Мы друг от друга, кажется, устали.
Материя устала, дух устал.
Испепелился прометеев факел.
Всю ночь, как ливень, звездопад хлестал,
Серебряным крылом укрыл нас ангел.
2001

Характер

Всё куда-нибудь суюсь
Ради правды или чести...
Противительный союз
У меня на первом месте.
Уступительный — увы,
Подчинительный тем боле...
Мне еще немного воли —
Доберусь и до Москвы!

2001

* * *

Мыльно пенятся
облака
на обросших зеленой щетиной
каменных скулах.
Какой ты колючий сегодня,
дедушка!

2001

Париж

Стою у пряслица в Париже,
Веду сравнительный обзор:
Столбы пониже, грязь пожиже,
Не разберешь где сюр, где сор.
Увидел сено — вспомнил Сену.
Вон башня слева от полей.
Всё по уму и всё под сенью
Небес, навесов, тополей.
Развесил май пейзажи марта
Не столько ярко, сколь свежо.
Конечно, плохо без Монмартра,
Зато с конюшней хорошо.
Ржут кони, триумфально арка
Вкось над воротами парит.

А нагайбакская татарка,
Как по-французски, говорит.
Крылами дружно машут крыши
И тихо шифером шуршат...
Пока. С приветом из Парижа.
Почти как тридцать лет назад.
2001

* * *

Герману Крылову

Чу! — просыпается ботаник
Во мне весною, как всегда.
За пряслом весело болтает
Картавым языком вода.
Подснежник захватил нахалом
Высотку с елью впереди.
Хочу узреть большое в малом,
Пригрев былинку на груди.
Расти юннатам и поэтам
На радость с пользой заодно,
Пока еще другим планетам
Такое чудо не дано.
2001

Август

Воздух с мятой и укропом,
Хоть дыши, хоть ложкой ешь.
Огурцы висят на стропях,
Визьмеш в руки — маеш вещь.
От капусты до женьшеня...
День в обложке голубой,
Где таблицей умноженья
Птицы мнятся нам с тобой.
2001

* * *

Упрек Астафьева принимаю,
но избавиться от мысли,
что нередко среди деревьев
мне уютней,
чем среди людей,
не могу.

Вон стайка молодых березок,
пойду постою за крайнюю справа,
пусть разомнется и, наконец, убедится:
мир не кончается за тем поворотом,
а только начинается.

2001

* * *

Величие богов, фигур величина:
Мир ковриком, пылясь, валяется у ног.
Зато внизу тепло, хозяйствует весна,
Паруется зверье, и я не одинок.
Пролынил зиму кот, распух от разговен.
Устряпалась жена — состряпала пирог.
У внука начался какой-то там обмен,
Не то веществ, не то вещей на летний срок.
Не пишет, не звонит писательский народ.
Повымер, поослаб, орудуя пером?
Монтируй, словогон, лопату— и вперед,
На зовкий стон земли сполна ответь добром!
Уловчивый прием для тела и души:
Озона похлебай, попялься на ольху,
В конце концов, свое, хоть матерясь, вспаши,
Покуда боги спят с захлипом наверху.

2001

* * *

Не ходил я в гениях ни разу.
Вот хожу в растянутом трико.
И в уме вымучивая фразу,
Возношусь душою высоко.
Упакованное в тряпки тело
Предпочло широкую кровать,
Потому что очень не хотело
Зад от поролона оторвать.
Дождь идет. Унылая палитра.
Сверху луг — постиранный палас.
Может, водополивная гидра
В гидромете нашем завелась?
Роятся в садах, как ищут Трою.
Ну и мы по случаю строим...
А одумаюсь, так дом построю,
Озаглавлю именем своим.

2001

* * *

*Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон.*

А. П.

Поэты больше не пророки.
Такого дара лишены
Не столько за свои пороки,
А сколько за грехи страны.
Святая Русь! — рекли соборно
Теперь заборные слова.
Москва, охальная, как порно,
Всему худому голова.
Поэты, разживясь портвейном,
Бренчат на лирах вразнобой
В беспамятстве благоговейном,
Вполне довольные собой.
Всё больше тьмы, всё меньше света
В крутых пределах горних сфер...

Похоже, требует Поэта
К последней жертве Люцифер.
2001

* * *

Не чокаясь, помянем графомана,
Плеснем чернил на мертвые цветы.
А кто из нас не жил в плену обмана?
Я жил, он жил, наверно, жил и ты.
Похоже, надо было чаще в поле
Ходить, на речку бегать, спать в лесу...
Теперь вот справа рези, слева боли,
Вверху заклинило, свело внизу.
Запойная надсада на недели,
Осенний шок, весенний рецидив...
В итоге не при славе, не при деле,
Не при деньгах — задумчивый мотив.
Лежи, товарищ, перевоплощайся
Среди берез и фермерских стогов.
Авось бессмертником взойдешь на счастье
Любителям природы и стихов.
2001

* * *

Сугробы плавные, как крылья
У легковушек давних лет.
Ворон разбойных эскадрилья
Оставила гремячий след.
Пульсирует на повороте
Парное темечко реки.
Три удака вон удят вроде
Из банки кильку в три руки.
Народ с особою судьбою,
Как пишут, вот вам крест — не вру,
Разлил всё, что принес с собою,
И греет уши на ветру.

Куда как весело на воле
Хоть сообща, хоть одному.
И боли нет, чего же боле
Угодно сердцу моему?
2001

* * *

Валентину Курбатову

Пусть жизнь моя будет моей,
А всё остальное — неважно...
Над атласом южных морей
Синё, беспокойно и влажно.
Вот берег, куда я хочу
Прибиться верхом на грот-мачте,
Вовек не простив портачу
Разгрома в ответственном матче.
Нет, лучше махну на восток,
В какую-нибудь Ибусуку,
Как только заполню квиток
И спрячу в крапиве базуку.
Но манит простор голубой
Миасской долины, что сбоку...
Почту быть самим над собой,
Слегка уступив только Богу.
2001

* * *

С замутненным разумом река
Билась о скалу на повороте.
Исходила пеной... Сосны вроде
В панике обстали берега.
Был у нас в деревне дурачок,
Косиножкой дергался в припадке.
В омут звал, как та вода в распадке,
Кабошон агатовый — зрачок.
2002

Имя

Она смотрит сквозь окно
на розовую вершину
Фудзиямы
и думает:
как хорошо быть
мексиканкой грузинского разлива
с таким красивым
японским именем
Мехико Кутаиси.

2002

Куличок

Света, как на киносъемке.
Губошлепая вода.
Вдоль серебряной каемки
Куличок — туда-сюда.
Справа зверь, внизу отравы,
Слева с дрыном я стою...
Он, как все, имеет право
На трагедию свою.

2002

Город

Пейзаж типовой и неброский:
Ларек, светофор, кинозал...
Похожий на классика Бродский
Немало таких описал.
Воспел Соколов... без проформы
Асфальт и бетон уважал.
Вот город. Стою у платформы.
Приехал, как не уезжал.

2002

* * *

На городской площади
в железобетонной вазе
усох и осыпался
букет серебристых
фонтанов.
Осень, однако.
2002

* * *

Торчу в постылом Мухосранске.
Гудит за шторой белый рой.
Своим теплом делюсь по-братски
С двоюродною медсестрой.
Она приходит после смены,
На бис пьет водку и в матрас
Ревет по поводу измены:
Мол, в первый и в последний раз!
В плену у дикого циклона
Не то что у чеченца, но
Душа к стихийной страсти склонна
И... деньги кончились давно.
Буран. Заказана дорога.
Снежинки больше, чем репьи...
Пылятся на столе у Бога
Все челобитные мои.
2002

* * *

Голод не тетка, и холод не дядька.
Мир законный — почти оригами.
Пляшет бумажная птичка всприсядку,
Скет на морозе босыми ногами.
Зрелище бедствий, — сказал бы Некрасов.
Снежные взметы над снедным бурьяном.
Зырит кошка индикаторным глазом
С темною мыслью в уме окаянном.

Что-то не видно крутых пионеров —
Курят в подъездах, живут пустяками...
«Да, — философствует друг, — всё от нервов».
И по чуть-чуть разливает в стаканы.
2002

* * *

Музыка легкого поведения
Ночью шляется по дворам,
Невыносима, как понедельное
Отбыванье у пилорам.
Было дело, с двухрядкой по улицам
Пели при погоде любой,
Чтобы отроковицам и умницам
Снилось что-нибудь про любовь.
2002

Сопелка

Старая
дуплистая
береза,
заселенная до верху
птицами,
напомнила озорную сопелку
из моего
черно-белого детства,
у которой в каждой дырочке
жил чуточный соловей
со своей забавной
песенкой.
2002

* * *

Жужжит, как муха над столом,
Аэроплан над снежным полем.
Мы выскочили всем селом,
Орем и шапки вверх футболим.
В диковинку для наших мест
Такая птаха на подуве.
По серым крыльям — красный крест
И верткий гад в железном клюве...
В тисках у гаек и пружин
Не так смешна, но так нелепа
На взгорке мельница пуржит
И просит неба вместо хлеба.
2002

* * *

Рос,
мужал,
радовался,
огорчался,
любил,
ненавидел,
мечтал,
надеялся...
И всё —
без отрыва
от жизни.
2002

* * *

Не понять кого обнять.
Вся чудиновская знать
В клуб сошлась, подперла стены.
Выпил, чтоб мандраж унять.
Эшафот колхозной сцены
Закачался под ногой.
Дармоглядом — кто такой? —
Школяры внедрились... Дело!

Наконец, взмахнув рукой,
Чуть вперед я бросил тело:
«Дождь по поводу весны...»
В промежутке тишины
Дождь без повода нагрянул,
Щеткой с иной стороны
Поелозил и отпрянул.
«Тюль на окнах, как снежок...»
Девоч вымистых смешок.
Школяров чуть поменело.
И финал — на посошок.
В небе и в башке темнело...
2002

* * *

Придумал для себя Арбат.
Стекланный пруд, соборный лес.
Свежемороженный рыбац
Со штопором наперевес.
Не лыжник ли наискосок,
Как водомерка, семенит?
И цвет глубок, и свет высок,
И автор вида именит.
Прошел вразвалку от и до.
Плевал на щит, чихал на знак.
В упор — улыбкой Бельмондо
Еще ничейный березняк.
2002

Опус

Прикольное перо постмодерниста
Тебя не веселит уже давно.
Прикольной взяты на грудь сугревных триста
И набрести на старое кино.
Пусть, дурью маясь, нотный андеграунд
Возводит алалию, но не ты...

Как заявил товарищ Эзра Паунд:
«И все разрушат зубы пустоты».
За окнами пейзаж соцреализма.
Меж труб в металлургическом лесу
Родилась елочка, растет капризно,
Иголками ржавея на весу.
Бушует сбоку флора в огороде.
Жена зовет на подвиги добром.
А для тебя геройство это вроде
Как зайцу хоть верлибр, хоть палиндром.
Вельми футуристическая фронда
Прет буром, отпуская тормоза.
И сей момент с отеческого фронта
Втихую дезертируешь в леса.
Спешись смешаться с праздною толпою
Святых берез и праведных осин.
И будет следом виться за тобою
Довольный сам собою сукин сын.
2002

* * *

«Не забуду марксистские лекции!» —
Так бы выколол тушью на лбу.
Часовой в состоянье эрекции.
Вождь сушеный в стеклянном гробу.
Марширует, пыля, комсомолия.
Где-то я топочу налегке.
Путеводит звезда, будто молния
Грубо скомканная в кулаке...
Так мы жили бесправые — правые
В том, что жизнь эта нашей была.
Ну а вы, телепузики бравые,
У чьего суетитесь стола?
Как их кличут, господ ваших: лидеры,
Шефы, боссы — поднесь паханы?
Мы их знаем в лицо, мы их видели,
Промышлявших судьбою страны.
Не к тому я, что прошлое — праздники,
Настоящее — будние дни.

Просто пьесы у нас с вами разные,
А вот роли, как видно, одни.

2002

Страна Ru

Я такой простой, и ты простая,
А вокруг такая жизнь крутая —
Вот в чем, очевидно, запятая.
Дураки, дороги, депутаты.
Аты-баты, по лесам солдаты,
По дворам — наезды и накаты.
Имиджмейкеры, скинхеды — жутко,
Экстрасенсы, колдуны — не шутка,
Ни просвета нам, ни промежутка.
За окном дожди стоят косые.
Обострилась крайне амнезия.
Точка.ru — по-старому Россия.

2002

* * *

И где общественное благо,
Которому служил поднесь?
Стою на росстани, бедняга,
Обвешанный узлами весь.
Сквозят веселые машины,
Задеть игриво норовят.
Глаза у южного мужчины
Как лампочки на сорок ватт.
Что потерял в краю фарцовом
И что нашел он здесь — секрет...
Пришел автобус: пихом, совом
Отчасти влез, отчасти нет.
Дорожная тахикардия.
След обитания везде.
Страна в такое угодила,
Которое на букву «дэ».

Бомжи тусуются у храма
Под сенью скорбного креста.
Роди меня обратно, мама,
Но мамы нет, я сирота.
Увяли праздники и будни,
И жизнь мне больше не сестра...
А будущее светлым будет,
Хотя б до вечера с утра.
2002

* * *

Нашел занятие — болеет,
Прилежно, даже с огоньком.
Он не рычит, но и не блеет,
Болеет больно, но молчком.
Такая, знаете, натура —
Хоть на боку, абы вперед.
А смерть? Она всего лишь дура,
Когда бы не наоборот.
2002

* * *

Закрыв глаза, стал невидимкой,
Уплыл спокойно в никуда.
Последний вздох янтарной дымкой
Исчез с радара навсегда.
Прилег, чтоб не мешаться, сбоку
С устатку вроде прикорнуть.
Ан без души, поскольку Богу
Ее обязан был вернуть.
2002

* * *

Чудной народ
эти
волжане.
Дырокол,
не иначе,
у них под языком:
пока скажут —
все слова продырявят.
2002

* * *

Этот город мне не по ранжиру,
Этот воздух мне не по душе.
Тут уж не до жиру, быть бы живу
Пусть и на последнем вираже.
Речка Теча, а под речкой нечто,
Всеу даже боязно назвать...
Как сказал Астафьев, здесь, конечно,
Жить нельзя, но можно доживать.
2002

* * *

На продвинутой офене
Говорят вокруг меня.
То ли я у папуасов,
То ли в зоне у блатных?
Мал-помалу разумею,
Разбираю кое-что...
Только в снах, бывает, плачу
Я на отчете языке.
2002

* * *

В краю непуганых обывателей,
где каждая женщина мнит,
что венец ей к лицу,
а каждый мужчина
подстать худому петуху,
который хорошо топчет;
где чужое счастье
ест глаза,
а свой своему
поневоле друг;
где сор из избы
выносят к чужому забору,
а в большой праздник
даже птица гнезда не вьет;
где...
Где — где?
В краю непуганых обывателей.
2002

* * *

Колхозный пахарь и ходок
По сирым вдовушкам — бедняга,
Жизнь так испортила видок,
Что не признала б мать, однако.
Пошуркивая, с озирком,
Пыля унылым затрапезом,
Своей дорогой мимаком
Прошел и скрылся под навесом.
А в заболоченных глазах
Пасленовым с искрою цветом
Подвижно, как на образах,
Зрачки лукавили при этом.
Опаристая баба вслед
Нетрезво сделала рукою...
Я взял до города билет,
Переключился на другое.
2002

* * *

Сталлоне, списанный с Давида,
А тот, вы знаете, с богов...
Но тут ни роста и ни вида,
Хоть из страны большевиков.
Стою на площади скульптурой,
Нутром ржавея, жду друзей.
Плакат с накудренною дурой:
«Мы впереди планеты всей!»
Снуют вокруг, многоочиты,
Машины импортных пород.
И нет от голубей защиты,
Их перестройка не берет.
Не только платья — наспех кожу
Меняют люди на ходу.
Вся демократия похожа
На цирк в тринадцатом году.
Стою за сроком срок без счета,
Печальный, как пустой сосуд...
А вон друзья идут и что-то
Веселое с собой несут.
2002

* * *

Когда-то я в учебке на плацу
Подметки рвал, мёл клешами пыльцу.
Хлоридный пот струился по лицу.
Плескались ленты гордо, как в кине,
И якорями били по спине.
Ну хоть бы хны в ту пору было мне.
Направо грудь четвертого плыла,
Налево грудь буфетчицы звала —
Она у нас одна на всех была.
А в праздники водил шарагой в клуб
Дубейко с лычкой, отпустивший чуб,
Дуб дубом из-под дуба дуб на дуб.
Он говорил «бэхвэ» и «вэмэхвэ»,
Но никогда не бил по голове.
И предпочтенье отдавал мордве.

Ах, море, я любил тебя лет пять.
В конце концов всё обошлось на ять.
А тут забалтиморило опять!
Свалил мешок со снимками на стол.
Послал по почте пару эпистол.
Лег в дрейф, засунув под язык ментол.
«Матрос — зудит жена, — в штаны натрёс».
Решил закончить жизнь без папирос,
А вот стихи закончить как — вопрос...
2002

* * *

Не от поезда — от человечества
Незаметно отстал, ишь, как мечется,
И себя и этот мир кляня,
Человек, похожий на меня.
2002

* * *

Владимиру Божё

Как с Богом, побеседовал с Божё.
Година незаметно на душе
Установилась по календарю.
Повеселел и даже вот острою.
Махну, пожалуй, я в свое село.
Зеленой травки захотел зело,
Сходить к дружкам, схороненным в лесу,
Хорошей водкой выплакать слезу,
Немного поворчать по старшинству:
Ишь, разлеглись, а бабы жгут ботву,
Взбивают грядки, пробуют редис...
А жизнь прошла, хоть понову родись.
2002

* * *

Поставлю памятник жене
При жизни в центре огорода
За то, что в пустолясы не
Дала мне выйти из народа.
Натыкав носом в чернозем,
Любовь к земле воспламенила...
Скрипя, вот в рюкзаках несем
Что Бог дал и к чертям не сгнило.
Вчерашний век пошел на слом.
Среди кустов на травке мятой
Заместо девушки с веслом
Восстанет женщина с лопатой.
2002

* * *

Анатолию Рыбальскому

Пока раскачивал рябину
Застольный хор в полубреду
Я, уподобясь хунвейбину,
Крушил все лишнее в саду.
Жужжал пилой, звенел лопатой,
Сверкал разбойно топором
И между Сапой и Опатой
Дымил языческим костром.
Десяток дел проделал кряду
И напослед, сморясь весьма,
Убрал рябину за ограду.
А песня кончилась сама.
2002

К В. И.

Протоколы профсоюзных мудрецов.
Фотографии на крашеной фанере...
С треугольными приветами отцов
Стопка грамот преет в старом шифоньере.
Вот и весь неутешительный итог,
Кроме полного собрания болезней.
Вот и жизни туго смотаны в моток,
Размотать назад — нет мысли бесполезней.
Залядельный луг, Миасс окрай полей.
Шмель на взлете, ель сочной, чем демантоид...
Только ничего, прощаясь, не жалея,
Знай, все это нашей жалости не стоит.
2002

* * *

Под Соловьева, который Седой,
Вот я танцую совсем молодой,
Маюсь, на пальцы тебе наступая.
Портит пластинку иголка тупая.
Жмет миокард в комсомольской груди.
Задние мысли пока впереди,
Чувства в отлете, желанья в отбеге.
Мы уже вместе, еще не навеки.
Под соловьев, под рассветный туман
Мы совершаем свой честный обман,
Равные каждый себе... Это позже
В целое нас перемесишь, о Боже.
2002

Страстоцвет

Слово-то какое — страстоцвет,
Это вам не то что пассифлора!
В словаре моем такого нет,
Да оно и не для разговора.

Запишу в тетрадь и сохраню,
Буду любоваться час от часу.
Может и смешно, но на корню
Эту блажь не видел я ни разу.
Нацвелось, кому хотелось, всласть,
Вянут краски гулевого лета.
Интересно, а какого цвета
Нас живьем сжигающая страсть?
2002

* * *

Похоже, дятел настучал.
Пришли наранках лесорубы,
Чуть наподгуле, злы и грубы.
Лес поредел и помельчал.
Едва не так, как у людей
В курной стране в дурной эпохе,
Где, кроме неплохих идей,
Успехи в общем были плохи.
Вороны млеют от гульни,
Вокруг объедки и обгрызки...
До горизонта только пни,
И до другого — обелиски.
2002

* * *

Олегу Хомякову

Прокуковали четыре
Сверху лесные часы.
Ласточки лихо чертили
Молнии, пели овсы.
Вроде гранатовой щетки
Мрела деревня вниз.
Знаки, повсюдны и четки,
Предполагали грозу.

Одаль бежала машина,
Следом собачкой — дымок...
Сдерживал слезы мужчина,
Но почему-то не смог.

2002

* * *

Лодочка обмылком в грязной пене
По рифленой прыгает реке.
Ломанные, круто, как ступени,
С неба горы сходят вдалеке.
На переднем плане дым сирени,
Мелкие подробности куста...
А с вершин такое озаренье,
Схожее с явлением Христа.

2002

Жара

Опузырели мужики от пива,
Шпигачками напругли на жаре.
Ожигой нареченная крапива
Завяла между кольями в дыре.
Дымит, не отстаёт от паровоза
На взгорке баня — вот где суший ад.
Сверлит пчела, ведёт себя нервозно
И воду из корыта пьёт вприпад.
В затемке мухи пристають к старухе,
Которая забыла помереть.
И речка по камням ползёт на брюхе,
Наглазно обмелевшая на треть.
Сордела вишня, навалясь на прясло.
Температурит градусник... Со сна
Два воробья подняли пыль напрасно —
На небе, кроме солнца, ни пятна.

2002

* * *

Сорвал со свечки лепесток
Сквозняк и в ночь унес,
Где зонтик держит любисток
Над царством спящих ос,
Где неведь что творит гроза,
Гремит взрывная смесь.
Но полдвора пасут глаза
И даже садик весь.
Извередил пионы шквал
И положил в улог.
Фонарь согласно откивал,
Бекреня котелок.
Кому гроза, кому война...
Захожий человек
Над амбразурою окна
Встал, в тихий ужас вверх.
Теперь уютно, как семья,
Гоняем чай с халвой
На пару — довоенный я,
Он послегрозовой.

2002

* * *

Салиму Фатыхову

Салям мое тебе, Салим,
С ильменских берегов Миасса!
Вот всей семьей грибы солим,
Их по кустам напредило масса.
Еще мальчишечьи следы
Не стерло время — до Европы
Веселым высверком слюды
Былые золотятся тропы.
И тургоякская вода,
Ужасно мнучая при ветре,
Не совершенней, чем всегда,
Но обжигательней в привете.
Еще какой-то «собакид»
В земле остался неоткрытым.

А помнишь староверский скит
И песню иволги со взрыдом?
Глазееет слётки из гнезда,
Он миром потрясен глубоко...
Гори, гори твоя звезда,
Моя не гасни, ради Бога!
2002

* * *

Надо очень хотеть, чтоб сбылось
Невозможное знатным итогом...
В эту ночь потому не спалось,
Что не все обсудили мы с Богом.

Проголосная песня зимы
Далека от прямого участия.
Пересилить себя, как взаймы
Попросить у кого-нибудь счастья.

Звезды редко взошли, но усад
Не пустует — в нем рыбы и звери
Вверх тормашками бодро висят
В продувной ледяной атмосфере.
2002

* * *

*Хорошо в краю родном,
Пахнет сеном и...*

Из фольклора

Хорошо в краю родном,
Пахнет... тем и этим.
Этим как-то больше днем,
Ночью — тем, заметим.
Пчелы нюхают цветы,
Гуси щиплют травку.
Все при деле, только ты
Спрятался за справку.

Недочитанный Золя.
На столе посуда...
Лечит русская земля
От любого зуда.
Выйдешь в поле — ветерок
Пузырит рубаху.
Бросишь в ноги свитерок,
Уложишь любяху.
Если бы не комары,
Если бы не мухи...
Паркий дух обнес дворы,
Гром отдался в ухе.
Скоро до лесной косы
Ливень встанет густо,
Хоть литовкою коси...
Хорошо. Но — грустно.
2003

Годовые кольца

Ровнее ровных, как года,
Стоят деревья за спиной.
Они стояли здесь всегда,
Росли и старились со мной.
У каждого своя судьба,
И тень у каждого своя.
На том — любила ждать скопа,
Под этим — вдохновлялся я...
Автобусная теснота.
Подлесок с виду не жилец.
Вот и моя жизнь прожита
Кругами годовых колец.
2003

* * *

Наелся ратник музыкальной каши,
Упал в траву, душа взорлила в высь...
Нет ничего на белом свете гаже,
Чем схрапа прогорланить: «Становись!»
Грамматика глагольных наклонений
Ефрейтору дается без труда.
И потому других не слышно мнений,
А только стадный топот, как всегда.
Ранжир... Мультипликация такая
Вдруг ожила, движения — стройны.
На левую по счету налегая,
Идут герои завтрашней войны.
2003

* * *

А. Т.

А вывод, признаться, таков,
Такая суть расклада:
Бояться надо не врагов,
Друзей бояться надо.
Друзьям солгать — стореть потом.
И до конца — не прав ты.
Но для врагов при всем при том
Достаточно неправды.
2003

* * *

Таращась в мутный телевизор,
Как в прорубь, где живет вода,
Я роль прибора не превысил
И не принизил суть пруда.
Сходить с ума в азарте либо
Следить за нервным поплавком?
И там, и там жирует рыба,
Но я с рыбалкой не знаком.
2003

* * *

Весна, придурки выперлись на свет,
Заговорили странными стихами.
В редакциях сомнительных газет
Противу гениям восстали хамы.
Натура воспаляет интерес,
Как женщина, особенно чужая.
Наткнуться можно нехотя на стресс,
Ревнителя свобод изображая.
Партийный цвет занюханных гвоздик
Притушен камнем, обескровлен фоном...
В рябиннике из воздуха возник
Пернатый ферт с мобильным телефоном.
2003

* * *

Заботы поры гнездованья,
Наглядный во всем домострой.
Увялый лежу на диване,
Вчерашней погулки герой.
В окне голосит и голубит,
Скандалит крылатый народ,
И любит, и любит, и любит,
Аж зависть местами берет.
Отвык молодым и охочим
В плену обстоятельства быть.
Давно ль мог и я, между прочим,
Дом ладить, хозяйку любить?..
2003

* * *

Глупа, и это ей идет,
Как платью в клетку или бусы.
И если ты не... самый тот,
Стань незаметным и любуйся.
Она все делает не так
И разговор ведет иначе.

Её не купишь за пятак
И не продашь за грош без сдачи.
Ей не дано вилять умом,
Стеречь глазами, жить увертом...
Копаясь в себе самом,
Еще в живом, уже как в мертвом.
Тщетою порос, нуждой пропах,
Затравлен взгляд, ладошка липка...
Она грустна, лишь на губах
Царит блаженная улыбка.
2003

Пять строчек о свободе

Покрутила пальцем у виска,
Дверь толкнула, чтоб наверняка...
Кончилась Великая суббота.
От соседей каплет с потолка.
Хаос. Первобытная свобода.
2003

* * *

До смерти дожить еще надо
И лучше, когда не спеша...
Рванула ручная граната
Пуховым дымком камыша.
Слезой из травы на свете
Блеснул галалитовый глаз.
Пернатые скрывом, как дети,
В смятении смотрят на нас.
Гремит электричка за лесом.
Петляет Миасс на виду.
И яблоки пахнут железом
В моем деревянном саду.
2003

Буклет

Е. Щ.

На фотографии Щетинкина с фингалом,
А сбоку Пушкин присоседился нахалом,
Кудлат, искрят бессовестно глаза.
Цыган цыганом и не пахнет эфиопом,
Ему бы красть коней, горланить песни скопом,
Пугать пугливых, ножичком грозя.
Художник крут зело, и звать его Елена.
Отпетый мордопис, не любит, чтоб елейно,
Девиз такой: «Найти, а не искать!»
Страна торчком, народ ничком, свобода раком...
Валите всё на Пушкина в связи с напрягом,
Ему, любезному, не привыкать.

2003

* * *

Вдоль Немецкой заимки
Поле старое жгут.
Вид в сиреновой дымке
Лучше даже, чем гут.
Дым не портит пейзажа,
Рвется на тальниках.
Тьма грачей, будто сажа,
Не осядет никак.

2004

* * *

*Николаю Соловьеву,
художнику*

Селевым потоком стадо
Вниз по улице сползло.
Испокон не там, где надо,
Растележилось село.
Тополиными вихрами
Отвлекает высь глаза.
Восковой слезой на храме
Мироточат небеса.
Я не думаю о Боге
И прощения не жду.
Тихо радуюсь дороге
У души на поводу.
2004

* * *

Плавный мрамор Венеры Миасской.
Без меня ты почти как без рук.
Быт снимает с нас фаску за фаской,
И такими мы стали не вдруг.
Без тебя я условно пропащий,
Будто без вести где-то пропал...
Первый снег над увязливой пашней
Пролетел, но, скользя, не упал.
Вдалеке над странною деревьев
Тихо гаснет загадочный свет.
Стали сниться вдруг наши деревни,
А не снились десятками лет...
2004

* * *

Леониду Быкову

Измерен ямбом и хореем
Наш век и вдоль, и поперек.
Еще стихами душу греем,
Хотя давно истек их срок.
Года к суровой клонят прозе,
Как хорошо сказал поэт.
Так и живем в наклонной позе
На неудобном склоне лет.

2004

* * *

Помолись за меня, богомол,
Закляни хлорофилловым богом...
Хвойный запах расплавленных смол
Мутит разум на вдохе глубоком.
Грешен: мало я землю любил,
Хоть и был не совсем верхоглядом.
Вольный ветер пустил на распыл
Золотую пыльцу желтым ядом.
Борзо в ельник стрекнул стрекулист,
Спрятал уши, увертом избылся.
Только побочь крушиновый лист,
Чуть похожий на сердце, забился.

2004

* * *

Под мостиком имени Жмаева
Речушка — осилишь и вброд —
Себя до потери измаяла,
В траве пробираясь вперед.
Такая большая рептилия,
Виясь, по-пластунски ползет.
Куда ее сила ретивая
Несет, раздвигая осот?

За лугом, за лесом, за городом
Синеет большая вода...
Речушка течет вялым говором,
Наверное, знает куда.

2004

* * *

Березы меряются ростом,
За баней выстроившись в ряд.
Бескровный лед прилип коростой
К стене у входа аккуратно.
Еще мороз крутым цементом
Трясину держит на меже.
А на бугре, едва заметном,
Подснежник мыслится уже.
Прогноз от минуса до плюса.
Вот-вот в трахеях двинет сок.
Как Гимн Советского Союза
Поет навытяжку лесок.

2004

Ипокриты

Не верю верующим с жиру,
Замаливающим смертный грех,
А тем, которым жизнь не в жилу
От дыр, прорывин и прорех.
Уж лучше небожным на небо
Глазеть, пытливостью горя,
Чем на миру, кичась нелепо,
Заискивать у алтаря.

2004

* * *

Без хозяев изба схолодела.
От надоху потееет окно.
Никому до того нету дела,
Что деревня без дела давно.
Кто здесь жил и куда подевался?
Жил ли, не жил — пустой разговор.
Чья-то кошка в заторном подвальце
Промышляет утайкой, как вор...
Вот ведь сказки нам как обернулись:
Пали солнечные города
И деревни в тиши лунных улиц
Превращаются в прах навсегда.
2004

* * *

А ель с сосною не роднятся,
Хотя живут в одном лесу...
Пора унылее, чем Надсон
С чернильной каплей на весу.
Мокро, грибной навенул запах.
Деревья скучились вприжим.
Уже в краях сквозных и зябких
Осенний действует режим.
Опять разладилась дорога
И жизнь опресла — ни идей,
Ни первого и ни второго
Пришествия, кроме дождей.
2004

* * *

Состояние нестояния
После праздника на ногах.
Вроде я, вроде я — не я,
Не при доме, не при деньгах.
Обстановка вполне печальная:
Зябко, сиро, казенный дух...
Остальное все непечатное,
Непроизносимое вслух.

2004

* * *

Вощеный мамин сибиряк
И папина надежда,
Как помидор, светясь, набряк,
Трещит по швам одежда.
Слегка поделал языком
И сотворил два слова,
От коих в горле вырос ком,
Пахнуло детством снова.
От молока до табака
Умайчива дорога...
У Мамина-Сибиряка
Читал о том немного.

2004

* * *

Все, что ни сложу, все о Миассе,
Все, что ни скажу, все об одном...
За окном деревья в общей массе
Представляются зеленым сном.
Мне давно и ничего не снится,
Сплю вполглаза, остаюсь в былом,
Душу в кулаке смяв, как синицу,
Чтоб не взмыла в небо журавлем.

2004

* * *

«Тише едешь — шире морда», —
Шутит выпивший сосед,
На быка усевшись гордо:
То ли едет, то ли нет.
Только-только вслух победу
Объявили на селе.
Я с соседом рядом еду
На березовой метле.
Нам не пыльно и не тесно
В переулке среди дня...
Никому не интересно
Это всё, опричь меня.
2004

Дым отечества

Дым отечества не сладок,
Долю горькую таит,
Над мемориалом грядок
Серым мрамором стоит.
2004

* * *

Луна легла орлом
На звездный песок.
Зальдевший, за углом
Белеет лесок,
Костлявый на просвет...
Отруски листвы.
Сентиментальный Фет
Поверх головы:
«Ветвей концы висят...»
Смятенье берет:
Полвечности — назад
И вечность — вперед.
2004

* * *

Дождь ворожат? — над суетным ором
Самолеты чище воронья...
Лысый одуванчик под забором
Доживает век среди репья,
Вялый, покосившийся, в котором
Обреченность видится моя.

2004

* * *

Застучал какой-то клапан,
С диафрагмой неладья...
Злого снадобья накапал
И запил глотком воды.
Износился до предела
И снаружи, и внутри.
А когда-то было тело,
Хоть на выставку бери.
Но душа пока в ажуре,
Будто ей износу нет,
Все, мятежна, просит бури,
Только буря мне во вред.

2004

* * *

Л. Рабченку

Ту ночь приснился Витя Поляничко,
Афганскими рассказами запал.
Но встать и записать я поленился,
Потом забыл, а попросту — заспал.
Хороший был мужик, другим не пара,
Любил мои стихи, грешил и сам...
Зачем, Господь, — взываю к небесам. —
Тень на него Твоя тогда упала?

2004

* * *

С уличной фамилией Хохол,
Харцизяка, сколь и поперека,
Рос в селе я до середины века
Горького, горчей, чем аллохол.
Шастая по Реткульским лесам,
В норах и берлогах видел сам
Прячущихся всяких там узбеков
От войны и трудовых успехов.
Поздно в школу я пошел, конечно,
А вот азбукой владел на пять,
Чтоб отцу писать под Молодечно,
Как валялся с животом опять...
С уличной фамилией Хохол,
С родовой фамилией Година
Доживаю — малая людина,
Человечества большого скол.
2004

* * *

Лежу, как дерево, в отрубе,
Листою свял, корою сник,
Зато — счастливей, чем лесник
В лесном квадрате или кубе.
Цветет калина, пахнет слива,
Подставясь снайперской пчеле.
Назойлива и суетлива,
Мошка с утра навеселе.
Витая семо и овамо,
Пьянит запарный дух земли.
И разность между мной и вами
В распевах иволги вдали.
2004

* * *

Навела такого шороха
Осень в брошенном саду,
Как своим романом Шолохов
В незапамятном году.
Шелестит листва страницами.
Галки сбоку на полях.
Хуторами и станицами
Разветвился старый шлях.
Что-то до слезы знакомое
(Хатки, вербы, очерет),
Мелкое, как насекомое,
Причиняет сердцу вред.
2004

* * *

Пьяный в Стеньку Разина,
Зашибленный сосед
Бьет жену орясиной,
Ремня как будто нет.
Не княжна, но женщина,
Гуманней надо быть.
Вон Есенин с меньшими
Дружил, не то чтоб бить.
Варварами, гуннами
Злотворными живем...
Бабы не чугунные,
Они нужны живьем.
2004

* * *

На фоне пробегающих пейзажей
Маячит уходящая натура.
Вот тополя абстрактная скульптура,
Для красоты был раньше он посажен.
На заднем плане — горное цунами.
Под козырек шлагбаум — снято вето...

А трещина все шире между нами,
А между нами больше все просвета.
2004

Молитва

Боже,
не доводи мя
до худого
слова.
2004

* * *

Коралловые заросли на дне
Тропического, в смысле тропок, сада,
Где ни мороз, ни прошлая досада
Испортить выходной не вправе мне.
Ни старый мой лирический герой
С паленой шуткой уровня подошвы...
Кричат вороны, суетны и дошлы,
И по-крыловски глупы в пух порой.
Чуть из штанов не выпрыгнул куян,
С которым в лоб столкнулся у забора.
А почему сегодня я не пьян,
Спросите у синеющего бора.
Уходят в небо горы не спеша,
Протертые до блеска облаками.
Прислушиваюсь — слышу, как веками
Вопит во мне заблудшая душа.
2004

* * *

Пить не пил, а выпивал
И не то, чтоб с кем попало,
И не так, чтоб наповал,
Не до штормового бала.
Да, такой вот я хитрец:
Только в меру и в охотку...

Правой — режу огурец,
Левой — разливаю водку.
Выпьем что ли, господа,
Ну хотя бы за погоду.
Дождь... Не надо никуда
Мчаться трезвости в угоду.

2004

* * *

Остановка «Живые и мертвые»:
Кладбище, против — больница.
Вдоль дороги акации морхлые,
Церковь, окно как бойница.
Пробираюсь, зажатый оградами.
Где-то в кустах, где-то близко
Та могила, что снова ограблена,
Сбита латунь с обелиска.
Никудышный я, мама, наверное,
Сын, навещаю вот редко...
Поостыла обитель трехмерная,
Ржавчиной сглодана клетка.

2004

* * *

Направленного действия гроза
Побила стекла на теплице градом.
Пережидая под навесом рядом,
Я желчью изошел, грозе грозя.
Какая-то синица тянет вязь
Голосовую, плачет непритворно.
В густых кустах ворона или ворон
Подкашливает, сыростью давясь.
Но вот ушла, треща и грохоча,
По полю волоча отренок тучи,
Стихия, то ползуче, то летуче
Вывернувшаяся из-за плеча.

2004

* * *

Не разучился краснеть
И плакать не разучился.
Все-таки стала коснеть
Жизнь за последние числа.
Неразбериха в стране —
Внешне все благо и чинно.
Может быть, в вас и во мне
Странности этой причина.

2004

* * *

Заурядный критик по плечу,
Походя, похлопал панибратски:
Мол, слежу, читаю, хлопочу
И... побегал глазками по-блядски.
Вот сижу и расставляю всклад
Разные слова, душе в угоду,
Но затылком ощущаю взгляд
Критика, что делает погоду.

2004

* * *

От богемной до бомжовой
Жизни — вкруг двора виток.
Предпочту сыскать с Бажовым
В яви каменный цветок.
Малахитовые листья
Тополь держит на весу.
Неохотно дождь пролился,
Страсть как разозлил осу.
Двухпропеллерный прохожий
От осы рванул, смешон.
На тигровый глаз похожий
Насекомый кабашон.

Слева небо под лучами
Синим пламенем горит,
Если б наложить случайно
Азурит на лазурит.

2004

* * *

Герои одноразовых стихов,
Сподвижники по пыльному забою...
Вот я лучусь, красивый сам собою,
Последний из былых холостяков.
Фотограф, как сумел, остановил
Мгновенье, и оно почти прекрасно.
А прошлое искать сейчас напрасно
Среди дорог, отвалов, дач и вилл.
Рассеялись по свету кто куда
Стоящие на глянцевом картоне...
Журчит Миасс, в его смиренном тоне
Намек на то, что жизнь — сама вода:
Струится, испаряется, в кусты
Бежит, сверкает гранями осколка,
И не зависит от тебя нисколько,
Но от нее сполна зависишь ты...
Закрит альбом, ушли с оглядкой те,
Которые взрывают сны порою...
Рассыпан мелко город под горою,
Где я, как Бог, повсюду и нигде.

2004

* * *

Веду оседлый образ жизни:
Копая, сею, что-то жну.
Места суровы и капризны,
Одна надежда на жену.
Хожу в поблизный лес на сходку.
Грибы, пернатые, озон...
В охотку ем и сплю в охотку
Под кронами, как Робинзон.

Страну не вижу и не слышу,
Пропала без вести страна.
Сейчас вскарабкаюсь на крышу,
Авось, узнаю, где она.
На время поднимусь над бытом,
Над садом, даже над собой,
Держащим разогретый битум,
Вступившим с вечной гнилью в бой.
Потом предамся наспех зелью,
Поскольку тошно здоровым жить,
Готовый за родную землю
В бурьяне голову сложить.
2004

* * *

Что-то часто мокрядь под глазами
Стала марку портить мужику.
Вы не столь устойчивы и сами,
Насмотревшись горя на веку.
А вокруг все то же и все те же,
А вокруг... Так зыбко на душе.
Жизнь прожил — поди, охотку стешил,
Можно и расслабиться уже.
2004

Строка

«Сиплый мык тоскующей скотины» —
Кто-то прочитает у Годины.
Между прочим, сам я врать не стал,
Где-то у кого-то прочитал.
Сиплый мык — корова за стеною.
Снег по окна, полночь, но с луною.
Мама нет, сестра со мной одна,
А отец известно где — война.
Мама возит на быках солому,
Дровни ползают, как по сырому.
Сплю и вижу: мамина рука,
Шарю ложкой подле чугушка.

Сиплый мык тоскующей скотины.
Ассоциативные картины
Вызывает грустная строка,
Даже модернистская слегка.
2004

* * *

А выпить иногда я рад
За дружбу, двинув к дому сразу.
Вестибюлярный аппарат
Не подводил меня ни разу.

Не выручал автопилот.
Автопоэт не графоманил...
Вон снег за окнами идет,
Идёт и за собою манит.

Пожалуй углублюсь в лесок,
Прикинусь бесприютным зверем...
С берёзами за дружбу сок
Я пил и дружбе этой верен.
2004

* * *

Однообразие зимы.
Берез однообразие.
Две борозды в снегу — и мы
С тобой такие разные.

Покой земли тяжел и зрим.
Над ним звезда печальная.
Мы что-то резко говорим
На языке молчания.

У нас единые слова,
А мнение раздвоено,
Но ты по-своему права.
Я тоже прав. По-своему.
2004

* * *

Деревья думают, что лето
Еще не кончилось для них.
Клубясь, витают кроны где-то
В верхах материков лесных.

Желтеет мох в ногах у сосен.
Жиреет ворон, обленясь...
Мы бодро думаем что осень
Не началась еще для нас.

2004

* * *

Пили брагу на махорке — потрясающий итог:
Восемь баб, один Егорка махом выстроили стог.
Пели песни, обоюдно гребнем рылись в голове.
Лытки кверху — так уютно подремали на траве.
Мужики по всей Европе гнали немца в свой загон.
Бабы матом не по злобе крыли жизненный закон:
Мол, по этим, как Егорка, школа плачет сколько лет,
Мол, без мужней ласки горько, срок идет,
а счастья нет.

2005

* * *

Любить меня необязательно,
Хоть в этом тоже что-то есть.
Вернусь в твои объятия затемно,
Откуда — самому невесть.
Сниму с рамен повинно голову,
Как дар, к уножию сложу...
Похоже, осень. Полю голому
Стерня удобней, чем ежу.
Гляди, сколь облако распучило.
По роще судорожь прошла...
Не долго душу совесть мучила,
А вот печаль насквозь прожгла.

2005

* * *

Какие мы ленивые на письма,
Отдельваясь вежливым звонком...
Еще во всю цветет и пахнет пижма,
Ан холод — через август пряником.
Стучит в висок, обостолопев, дятел.
Бызит минуту шмель, а может, две.
И хочется, чтоб кто-нибудь погладил,
Жалея, по пустынной голове.
Или письмо, хоть курицыной лапой,
С устатку написал сибирский друг.
Вот посмеялся б он, а я заплакал
Над всем, что нынче ладится вкруг.
2005

* * *

Михаилу Кураеву

Фотосинтезирующей клеткой
Одуванчик солнце пьет и редкой
Бабочкой любит притом.
Я прозявил срок и занят редькой,
Лирику оставив на потом.
Изрозна подбористая липа
Помавает листиками либо
Тень бросает поперек плетня.
Я спешу посеять редьку, ибо
Только хрен родится у меня.
Стаятся разорные вороны.
Лихоманят мыши, прут в схороны
Все, что ни приглянется, — беда.
Избочь речка морщится, сквозь клены
Слышится толкучая вода.
2005

* * *

Мерцательная аритмия
Возвдняяющей звезды.
Вокруг леса стоят немые,
Как свидетели беды.
Лежат загубленные травы,
Слабо воздух солостит.
Похоже, слева, а не справа
Все же что-то шелестит.
Наскроб под нижний бок соломки,
Наблюдаю эпизод:
По одноствольной переломке
Храбрый паучок ползет.
2005

* * *

Утром обнаружил след на грядке,
Шастал, не иначе, гоминид.
К вечеру прибрался — все в порядке:
Манит щавель и порей звенит.
Вылил, не пожидился, по баку
На рассаду мяклую воды,
Подмешав в нее такую бяку,
От которой звери кто куды.
Далеко до полного парада,
Но картина замысла видна...
И по телу растеклась порада,
Будто натошак глоток вина.
2005

* * *

Сунул бы взятку кто-нибудь, что ли,
Или вдруг премию вырешил к дате.
Нет, не тому учили нас в школе
Оптом и в розницу тети и дяди.
Право, надежда не постыжает.
Было не легче, а стало не тягче.

Ломка страны помалу тишает,
Дачник пролетный привадился к даче.
Минет вконец стравная безгода...
Тополь заметный пушится у прясла.
Сядем, иного сыщем подхода
К жизни, что, в общем, совсем не напрасна.
2005

* * *

Страна исчезла, родина осталась.
И если б не увязчивая старость,
Еще пожить в охотку, с ветерком
Не против, пусть и зоревую малость.
2005

* * *

Обносился умом и душой обносился,
А про брENNую плоть лучше и промолчать.
Жизнь писалась под строгим присмотром
марксИзма,
Но под ней неизвестно какая печать.
У меня было две, две отчизны от Бога,
Это много, наверное, на одного...
Запах лета под снегом остался глубоко,
Только я до подробностей помню его.
2005

* * *

Столько праздников на душу населения...
То ли водкой, то ли каплями Зеленина,
Профильтрованный через сосновый бор,
Тянет вялый ветер, кружится Вселенная
Чуть быстрее, чем кружилась до сих пор.
2005

* * *

Сквозь оптику зимнего дня
От верха до самого дна
Мне родина четко видна.
Под лесом деревня стоит,
Извечное что-то таит.
В глазах от печали двоит.
За лесом стоят города,
Шумят и дымят, как всегда, —
Зловредная, в общем, среда.
Вот странный какой-то прибор:
Людей я не вижу в упор,
А видел всегда до сих пор.
2005

* * *

Март, похоже, не горит
Трудовым энтузиазмом.
Электричеством искрит
Снег в сугробе неувязном.
Молодая ель не вмасть
Аспидной, в летах, березе.
Все стараюсь не упасть,
Подскользнувшийся на прозе.
Не молошник луговой
До бела довел низину.
Не от счастья головой
Бьется дятел о лесину.
2005

* * *

Расширяю кровеносные сосуды
В странном обществе халявным коньяком.
Что за люди, утонувшие в посуде? —
Только Путин — на портрете — мне знаком.
За окном во мгле Россия еле-еле
Держит форс, не чуя в клокоте страстей,
Что ее давно пропили и проели
По заулкам внуки сукиных детей.
2005

* * *

В 2035 году,
Который станет прочих важней,
Я затеряюсь в забытом ряду
Хриплых боянов нынешних дней.

Будет страна, но другая страна.
Будет народ, но странный народ.
Только скажите, какого рожна
Зуд графоманский душу дерет?

Ужто заноза нескромных страстей
Спать не дает, волю сводит к нулю?..
Слово на слово без лишних затей
Снова помножу, потом поделю.
2005

* * *

Когда Петренко и Астафьев
Запели, водки пригубя,
Я им компанию составил,
Подмог, но молча, про себя.
Струилась песня в час погожий,
Казалась украинским сном.
И слушал наш земляк с Алешей —
Темничный Гоголь за окном.

Отшалобродил долгий вечер.
Миры мурашили вверху...
Того уж нет... Другой — далече...
И только голос на слуху.
2005

Кривая береза

Еще в молодости окривела,
Покосилась в старости совсем.
Помню, крону покорял несмело
Я мальчишкой лет примерно в семь.
Сок сочил, чтоб не пропасть от жажды.
Сучья гнул качелью привесной.
На одном повесился однажды
Агроном засушливой весной.
Не осталось от Кривой березы
Ни потомства, ни гнилого пня —
Только наподобие занозы
В неудобном месте у меня.
2005

* * *

Весна ни взад и ни вперед,
Не всем понятная заминка.
Стадами сумчатый народ
Кочует по просторам рынка.
Рябит неловкая строка
Высоких птиц, что с мест согнали.
Из сердца, как издавека,
Идут тревожные сигналы.
Еще мороз, но город впредь
Живет, заметнее роится:
Одни торопятся родиться,
Спешат другие умереть.
2005

* * *

Бедным китайцам нужна земля,
А в моей деревне — навалом.
В поле ведет дорога, пыля,
В поле — бурьян большой на малом.
Порча во всем и надмога сплошь.
Грязь невпромер до магазина,
Благо есть пара старых галош —
Резиновые мокасины.
Пьем, но песен уже не поем,
Ни слов не помним, ни мотива.
В мечи орала перекуем...
Хоть какая-то перспектива.

2005

* * *

Н. Швыреву

Когда поедешь по Швыревке —
Дороге вдоль Ильменских гор,
Доверься давешней сноровке,
Вполне надежной до сих пор.
Густая наволочь тумана
Накроет речку с головой.
Случайным запахом тимьяна
Одарит ветер верховой.
Не заводись, коль скоро город
Пускать заладит пыль в глаза.
Остановись там, где пригорок,
Все «против» поменяй на «за».
Дыши и радуйся оглядом:
Сосняк, мосток, вилой подъем...
И буду я с тобою рядом
Журчать метрическим ручьем.

2005

* * *

Памяти Евдокии Маханьковой

Одуванчик выдерну и дуну
На курчавый циркульный овал...
Каюсь, зря чудиновскую Дуню
Я монашкой в детстве обзывал.
Но когда с толпою по аллее
Шел весной вдоль кладбища за ней,
Я на год примерно стал взрослее
И на жизнь ее, считай, умней.

2005

* * *

Переливчатая перепонка
Стрекозиного крыла.
На просветной голове опенка
Пяденица расцвела.
Мотыляется в уловной сетке
Мотылек не мотылек.
Навидях вороны, две соседки,
Перешли на грязный слог.
У сворота вроде топонима
Я стою — глаза вразбег:
Мчит, ползет, летит, шныряет мимо
Сер, лилов, беленок, пег...

2005

Муравей

М. С. Фомотову

Муравей в траве корячится,
Может схлопотать инфаркт.
Он в ударниках не значится,
Но не лодырь, это факт.
Не пойму, зачем, надсадное,
Вдруг сдалось ему оно,
Отчего-то полосатое,
Сучковатое бревно?

Посмотри, какой хозяйственный,
Глазки выпучил и прет!..
Вот пойду и тоже засветло
Столбик врую для ворот.

2005

* * *

Шершень витязем в тигровой шкуре
Рядом с бабочкой гарцует у цветка.
Пьяный май, и все у них в ажуре,
Даже романтично, может, но слегка.
Мается в касатиках косарка,
В загнанной кобылке на стожок мощей.
Продоль колеи вода — не жарко
Жутко скрытным обитателям хвощей.
Бью земле поклоны паки, паки.
Дом чиню, обломки прячет купина.
Вольные объявятся собаки
И на них свои напишут имена.

2005

* * *

«Раскинулись ляжки широко...» —
Пел, глоткой дрожа, хулиган.
Дул с пустоши местный сирокко.
Сверкал самодельный наган.

Всё было путём, всё в порядке.
Военную тягость деля,
Ходили в атаку на грядки,
Кольцом окружали поля.

Зорили покойные гнёзда,
Рассыпавшись по камышу,
За что у пернатых, хоть поздно,
Прощенья за всех нас прошу.

Теперь вот кладу в землю тёску...
С боков отвлекает меня
Такая же сирая в доску
Чудиновская ребятня.
2005

* * *

Соименник морозный Никола
Обтрусил снежной пылью бродвей.
Озирается окнами школа
Из-под белых еловых бровей.

Никакая нечистая сила
Не испачкает ватманский лист,
На который зима наносила
Топонимы, как истый турист.

Я-то знаю, что слева дорога,
А по ней можно в детство прийти.
Только, бают, немыслимо много
Неудержных преград на пути.
2006

* * *

Морозоустойчивая ребятня
Шумит за окном, раздражает меня.

Взять книгу, улечься — такой был загляд,
А тут вокализы домашние злят:

То кошка стенает, то пёс голосит.
Снег падает меньше, но больше висит,

Трехпалую сетью с открытых сторон
Блокирует классово чуждых ворон.

Прилягу, пожалуй... Интимный роман
С диваном — оптический, в общем, обман:

Не в сон, а в себя погружён я извне,
Смотрю, как устроено всё там во мне.

2006

* * *

Жара стоит на повяданье
Не только тыквенных растений.
Сосед с похмелья от страданья
Ведёт себя, как неврастеник.
Похоже, напекло макушку...
И сам в поту и даже в мыле,
Как будто нас вдвоём на Кушку
Страну стеречь определили.
Калитка — на двойном запоре.
У яблочка вид вполне товарный.
Увы, опять дыра в заборе —
Ужель не дремлет враг коварный?

2006

* * *

Женщина, красивая, как лошадь,
Цокая железом каблучков,
По диагонали взрезав площадь,
Привела в смятенье мужиков.
Да, не всё пропито и проето.
Иногда искрит ещё внутри:
Помнят слабо гены и «про это»,
Но ведь помнят, чёрт их побери!
Недоразумение природы,
Вот стою и думаю — о чём?
А вокруг меня шумят народы
И толкают вежливо плечом.

2006

* * *

Виктору Кирюшину

Снег идет, а мальва доцветает,
Что-то запозднилась ясная душа.
Снег идёт и тает, тает, тает
Как-то торопливо, но, в общем, не спеша.

Снег идет, а бомж сидит на трубах,
Закипел, похоже, — пар из всяких дыр.
Не терплю я выражений грубых,
Но сейчас, прости, по делу, командир...

Снег идёт, а я стою на месте.
Смыло, развезло, запутало пути.
Родина, люблю тебя из мести:
Некуда, смотри, и незачем идти.
2006

* * *

Рабыня палисадников рябина,
А может быть, совсем наоборот.
Как мама это дерево любила,
По яголке побрасывая в рот!

В моём краю росли одни берёзы
Колками на закраинах полей.
И потому ночами от берёсты
У нас повсюду делалось светлей...

Смотри, какая жуткая картина:
Кровавый снег от объеди внизу.
Рябиновая веселит куртина
Пернатую станичку на весу.
2006

* * *

За окном гололёд с гололедицей.
Под конец стал себя я беречь.
Посижу лучше дома с наследницей
И послушаю знатную речь.

Заворóжит живыми глаголами,
Хоть на помощь В. Даля зови,
Засверкавшее пятками голыми
Совершенство некнижной любви...

За окном гололёд с гололедицей.
Медвежонок бежит за медведицей,
Исчезает в ночных облаках.

Прилагательно спит, тихо светится
Существительное на руках.
2006

* * *

Шумит сурово брянский лес
В похмельной голове.
Вчера набрался, в драку влез,
Потворствовал молве.

Уж лучше бы стерег покой
В сообществе ольхи.
Короткой пушкинской строкой
Слагал в уме стихи.

Внимал легендам про Тянь-Шань
И слушал до зевков
Долматовскую ошань,
Как говорил Глазков.
2006

* * *

Есть подозренье, что зима
Готовит наступленье в марте.
Стоят, как крепости, дома.
Дымят котельные на старте.

Критическая тишина,
Пронзительная ясность эта:
Ещё не мир, ещё война,
Уже исход, уже победа.
2006

* * *

Ощипали последнего ангела,
Белый пух мельтешит на ветру.
У косматой зимы снято наголо
Полмакушки, считай, не к добру.

Потеplенье и слякоть гриппозная
Ни к чему, мне бы лучше мороз.
У весны ранней — бестолочь поздняя
Сонных выхлестов яблонь ли, роз...

Сообразно погоде и пишется.
Отложить, видно, надо тетрадь,
Прописать за грехи внуку ижицу
Или попросту жопу надрать.
2006

* * *

Механик греческий Дедал
Поднялся в космос не напрасно.
Безрадостно, но сын не праздно
На риск пошёл и жизнь отдал.

Вот мы с дружкой из всех дружков
Однажды вознеслись в натуре,
Расправив крылья пиджаков,
На гибель овощной культуре.

Да, путь от крыши до земли
Был важен — дело не в приколе...
Жаль, до себя не доросли
Ни патиссоны, ни брокколи.
2006

* * *

Обнюхался персидскою сиренью.
Цветёт и пахнет старый палисад,
Где белый взрыв подобен озаренью
И ты был жив мгновение назад.

Ты помнишь всё, хоть ничего не помнишь.
Ты, как анкету, день собой заполнишь:
Родился — умер, да, через тире,
Слегка застряв в космической дыре.

Но май — не рай... В углу сидит репейник
С чириканьем, с причмоком или без
Из клюва в клюв, из уст в уста упейно
Любовь передаётся, как герпес.
2006

* * *

Ещё не слетнела вода.
Мост покосился от аварий.
В лесу возливо, как всегда,
И сам он будто авиарий.

Под кронами почти темно.
Белеют сучья, как стропила.
А речка небо заодно
С парящей птицей утопила.

Похоже, нет лица на мне:
В кустах зелёного коралла
Лежит оно себе на дне
Куском античного каррара.

2006

* * *

Когда пророческий услышал бас,
Подумал вскользь: ещё один Чубайс.
В его руках рубильник высших сфер,
Сто тысяч вольт и столько же ампер.

Прогнулось небо от живой воды.
Хлестнула веткой трещина стекло.
И громыхнуло так от правоты,
Что всюду отовсюду потекло.

Забил трахей трёхатомный озон.
Вдруг потянуло на угарный сон.
Умчался по распутице Илья,
Осталась на дороге колея.

2006

* * *

Пока устанет блекотать
Ручей за сваленным забором,
Я стариком успею стать
С радикулитом и запором.

С вершины стойкого столба
Косит глазливая ворона,
Пугающая, как судьба,
Носатым профилем Нерона

Другое дело — облака,
Их неисчётные отары
Кочуют ветрено, слегка
Сердца волнуя и радары.
2006

* * *

...Цветет все лето под забором
и не знает своего
имени.
2006

* * *

Кобылий ссец, надсадный пупник,
Пикан моржовый, толстосеря...
Пусть заливается Укупник,
В целебный травник мой не веря.

Нажму на кнопку, как от боли
Избавлюсь от лихой отравы.
Направо — луг, налево — поле,
До края, прямо — только травы.

Болотный ваня — тоже круто...
Земля здорова и в цвету,
И нет больших сомнений, будто
Я выбрал родину не ту.
2006

* * *

Опять этнические склоки
Пернатых с раннего утра
В тетрадь классической эклоге
Не дали вытечь из пера.

Задумку, схороня от глаза
Среди обломков тишины,
Оставляю до другого раза,
Вот лишь бы не было войны

Между охальной вороной
И парой удалых скворцов,
Как между Римом и Вероной,
За что? — не суть, в конце концов.
2006

Приговор

Я за любовь к берёзе и осине
Приговорён к пожизненной России.
2006

* * *

Измалели яблоки с годами,
Изноров извёл вконец градарь.
Не при Еве и не при Адаме
Родились они, а просто встарь.

Вот и нам манежно не пристало
Юношиться вприпуск за судьбой.
Яблоня, смотри, и та устала,
Дерево, не то что мы с тобой.

Никого ещё не обминула,
Выражаясь образно, карга...
Осень лету в очи заглянула,
Ужаснулась — черные снега!
2006

* * *

Поброжу, попродаю глаза,
Потолкусь, чтоб время пролетело.
Кто-то против, я, к примеру, за
Деловой союз души и тела.

Хорошо снаружи и внутри,
Будто черноморская, погода.
Сколько сам с собою не хитри,
До весны ещё почти полгода.

Только-только астры отцвели
И осинник полыхнул по лугу.
Раньше в это время журавли
Собирались весело в дорогу.
2006

* * *

Здесь что ни вид, то открытка.
Хочешь, одну подарю?
Эту хотя бы, где прытко
Речка впадает в зарю.

Или другую, где поле
С липами по виражу...
Хочешь, «На память от Коли» —
В нижнем углу напишу?
2006

* * *

Среди миасского бомонда,
Прогуливаясь прошлою весной,
Не встретил самого Бальмонта,
Но пересекся с дочкой и женой.

Пожаловали из поселка
Тургояка на праздник городской...

А между прочим, мало толка
От встречи каждому из нас такой.

Куда бы было веселее,
В иной сюжет сверни я, как во двор.
К примеру, глянь — вон по аллее
Идёт Жуковский... Право, милый вздор.
2006

* * *

Поддерживает заднею ногой
Собака столб, который сырость съела.
Давно пора поставить мне другой,
Но не созрел ещё на это дело.

Кормилец мой, ущербный огород,
Зарос травой и некультурной бзником.
Оставил кот шесть маленьких сирот,
А воробья бесхвостого — зайкой.

Момент вмешаться в дикий ход вещей
И навести рачительный порядок:
Стряхнуть с мозгов медведок и клещей,
Разбить в душе гряду цветочных грядок.
2006

* * *

Сделаю прививку от берёзы,
Вылечусь от пагубной осины,
Полюблю сосну, а там до прозы
Ближе, чем до города Цзясина.

Сколиозом скальные Ильмены
Искавил надсад палеозоя.
Не найти достойной им замены,
Посреди равнин разбежных стоя.

Потому-то тучи ходят хмуро
На границе с тёмным Казахстаном,
Где от местных комаров я сдуру
Гибну в своеволие неустанным.

2006

* * *

Татаро-монгольское иго
С бокалом сидит у стола,
Раскосо глядит, но не дико,
На степь, что полями была.

Полынь с ковылём вперемежку,
Татарник с занозой в боку...
Давай-ка, бабай, по пельмешку,
А лучше сперва по глотку.

Мы скоро с попутною быбью
Уйдём — кровь уже не кипит.
И снова покроется пылью
Земля от разбойных копыт.

2006

* * *

Стременная чарка на дороге,
След подков на бархатной пыли...
Выкипела напрочь понемногу
Родовая кровь — века прошли.

Не письмо турецкому султану,
А прошение местному царю
Я пишу: любить, мол, не устану
И покорнейше благодарю.

По округе, будто по Парижу
Бродят ряженные казаки.
В закордонном Запорожье слышу
Хохот предков, скорби вопреки.

2006

* * *

Надоели хуже горькой редьки
Эти пшеки старому хохлу.
Лучше полюбить мне чебуреки
Или пересладкую халву.

Задом повернулся я на запад,
Передом, понятно, на восток.
Но не выветрился панский запах,
Потому козацкий смех жесток.

Что там пишет в площадной газете,
Сам себя обштопывая, лях?
Но она — бумага — и в клозете
На других пользительных ролях.
2006

* * *

Моя корневая система
На южноуральской земле
Давно прижилась и не тема
Для кухонных толков во мгле

Угарного чада и дыма...
Но эти стихи всё равно
Дописывать необходимо,
Хоть глядя с надеждой в окно,

Где вправду не лето, не осень
Капризного календаря,
Где яблоки, падая, оземь
Лбы в кровь расшибают зазря.
2006

* * *

Неведомо, как он осилил
Пригорок и дальше пылит —
Автобус, ни красный, ни синий,
А выраженный инвалид.

Я еду в деревню, где вырос.
Вон церковь, амбар старых лет...
И здесь перестроечный вирус
Оставил разбойничий след.

Конечно, мы жили рутинно
И, может, страшней, чем Иов.
Но не было лише картины
Со дней сталинградских боёв.
2006

* * *

Сбрил косой сызранку
Омежную траву.
Лист сорвал — на ранку,
И вот опять живу.

Потерял две капли
Крови, но слегка
Поработать грабли
Заставил на телка.

Хорошо, признаться,
В полях стоит село.
Сколько мне? Тринадцать?
Счастлирое число.
2006

* * *

Озерняются за озером овсы.
Как от пули, уклоняюсь от осы.
Озорной в куге утиный переклик.
Глина белая, по-нашему — белик.

Накопал ведро в углу Саманных ям.
Мать побелит хату, охрою взбодря,
А потом пройдёт с литовкой по репьям,
Чтоб не парили несущки втихаря.

Своеправец пёс раздружится с котом,
Петуха шугнет несправедно притом.
Мать вздохнёт над мальвой, постоит в траве
И меня погладит вдруг по голове.

2006

* * *

«Посадим на тыждни картоплю»,
И можешь сходить в Чебурак...»
Я понял, поди, не дурак,
Что детство за овощи гроблю.

За лесом, за старым пригоном
Подружки мои и друзья —
Немчата, хохлята, как я,
Живут по военным законам.

Покуда хозяйством я занят,
Они по дворам партизанят,
До звёзд не стихают бои.
«Бандеры» и «фрицы» — свои.

2006

* * *

Отец мой, ростом в полтора Ивана,
Заправясь под завязку в красный день.
Вытаскивал гармошку из кармана,
Достоинo перешагивал плетень.

Гармошка, а она была губная,
Немецкий запах прятала в себе.
Но песни, этих тонкостей не зная,
На русском духе пелись и судьбе.

То про камыш не трезво и не пьяно,
То про любовь с припевкой заводной.
А зубы клавишами фортепьяно
Желтели без утопленной одной.

2006

* * *

Чтобы пуп не сорвался с резьбы,
я поставил бревно на дыбы, прислонился
по-братски плечом. Еле-еле стоим на ногах,
я к тому же в больших сапогах. Остальное,
считай, нипочем.

А вокруг деревенская скука: гусь плетется,
бесхозная сука с бобиком повязалась узлом;
из кладбищенского переулкa бочку зюзилa
выпинал гулко, сдать намылился в металлолом.

Я бревно подсадил на закорки, семеню
швейной стёжкой, как с горки.

Торможу у крапивы с трудом. Оказалось, ошибка
вышла — ни плетня, ни сарая, ни дышла, ни
отметки, что здесь был мой дом.

Так недавностряслось то давно! И не я пёр
из леса бревно стену падающую подпереть.
Был угарный колхоз «Красный факел», я ещё
по-хохлацки балакал, но уже стал уральцем на треть.

2006

* * *

Как Пушкин любил Сандуны,
Так я деревенскую баньку,
Где все перед Богом равны,
Христовенькие, вроде банту.

От ужаса воют волками
И разум теряют почти,
Где каменка дышит вулканом,
Готовая крышу снести.

Березовый веник листвой
Шумит, будто лес межевой.
Витальная сила витает,
Пока на полкѣ я живой.

2006

* * *

Пока держалась за коровий хвост
Деревня и царила над полями,
Я каждый вечер выходил на мост
И долго любовался тополями.

Пылил табун. Комольй мой баскак
Исследовал чужие огороды.
А я не мог натешиться никак
Венцом преобразованной природы.

Теперь не то, теперь совсем не то.
Деревьев нет, кругом одна крапива.
По улице крадѣтся дед Пыхто
С противотанковой бутылкой пива.

2006

* * *

Утешаем друг друга словами
По наказу апостола Павла.
А вчера мужику насовали,
Чтобы в душу не лез больше, падла.

Мне картина такая знакома.
Нелюдимыми стали, заметьте.
Ни профкома давно, ни парткома,
Ни бесед о текущем моменте.

У подъезда старухи, как вороны,
Порасселись — бескрылые сами.
Их бетонные лица багряны
И украшены злыми глазами.
2006

* * *

Тут мать прилегла под берёзой,
Там батя прижался к сосне,
Смущен неудобною позой:
Всегда не любил — на спине.

Лежат в тесноте и в обиде.
Над ними большая страна
В противоестественном виде
Лежит, будто в коме она.

До них ли ей, бедной и горькой,
До нас ли, облыжной и злой...
Но — дóрог насыпанный горькой
Земли утрамбованный слой.
2006

Мемориал

Многостраничная книга
Исписанных каменных плит.
Рваною раной гвоздика
В руке нестерпимо болит.
2006

* * *

Сапоги дорогу знают.
Пусть и топают себе.
По бокам стоит лесная
Сумрачность, как свет в избе.

Из-за выгора деревня
Наступает спрехвала.
Вскачь болотная царевна
Мимо ратника прошла.

Может я, а может кто-то,
Так, лирический герой,
Самовольная пехота,
Догоняющая строй.
2006

* * *

Я бы выругал меня
Будь суровым педагогом:
Как кавалерист, наскоком
Атакую жизнь с коня.

Не пошёл, похоже, впрок
Опыт родового предка.
Знать оглядывался редко,
Списывал чужой урок.

Надо тактику менять
И стратегию — не поздно
Спешиться и твёрдо позу
Оборонную принять.

2006

* * *

Голем, известью белея,
С лунным бликом у плеча
Бродит в парке, вдоль аллеи
Тень по грязи волооча.

Не живой давно, не мёртвый,
Одинокый, как и я.
Рядом город искромётный
Очумел от бытия.

Небо дырами зияет?
Бог многоочито зрит?
Тот, кто говорит, — не знает,
Знает кто — не говорит.

2006

Обитель

Кактус, растроившийся на вилы,
Тень сырая на полу притом.
Две кровати рядом, две могилы
Под приметным издали кустом.

2006

* * *

Душа, отпусти это тело,
От рабства освободи.
Не хочет оно, что хотела
Ты сызмальства, прячась в груди.

Устали суставы и связки,
А кожа — хоть семеро влазь.
И прихоть твоя вроде сказки,
В которой яга завелась.

Оно бы сейчас полежало,
На вечность настроясь, в тиши.
Но в лес перед этим, пожалуй,
Сводило себя... для души.

2006

* * *

«На закате спать нельзя,
Вредно?» — к слову вспомнил маму.
Солнце, полымем грозя,
Закатилось, будто в яму.

Лодка пашет, в борозде
Всходят звезды, даль багряна...
Зажила, как на воде,
На душе сквозная рана.

2006

* * *

Над нами звёзды вполнакала
Горят; луна как на углях.
И саксаул от аксакала
Не отличить в иных углах.

Пустыня внемлет, но не Богу,
А вою зверя вдалеке.
Два огонька мелькают сбоку,
Скользя по каменной реке...

Простой этюд, цветные пятна.
Вот память — что ты сладишь с ней:
Забылось столько безвозвратно,
Намного этого важней.

2006

* * *

Критик поставил диагноз.
Стихи превратились в труху.
Но гениальная наглость
Метафор ещё на слуху.

2006

* * *

«Неколько година Николай Година...» —
Мне нравится, Изет, напев твоей строки.
Проходит, не спеша, июля середина.
Изливный звук воды исходит от реки.

То сжиженное время незаметно вроде
Течёт, а мы с тобой на плотике стоим...
Уже давно цветёт подсолнух в огороде —
Стихам мемориальный памятник твоим.

Теперь не принесёт мне на миасский адрес
Торопкий почтальон весёлого письма.
И мучает до слез неповторимый абрис
Динарского нагорья... Не сойти б с ума.

2006

* * *

Почётно, но невыгодно всегда
Ходить в поэтах и не спать ночами,
Перебиваться водкою и щами,
Быть важным в юбилейные года.

В пылу морфем и всяких там фонем
Прикидываться, будто глух и нем.

Не отвожу я в сторону глаза
И в самом деле вижу всё, что вижу.
И мокнет настоящая слеза,
В углу морщины занявшая нишу.

Поскольку не отъявленный фантаст,
Мне реализм спокойно жить не даст.

На гения, увы, не потяну.
На что-нибудь душевное, попроще:
На глубину колодца, на длину
Реки, на высоту окрестной рощи...

На все оставшиеся времена
Твой безголосый я певец, страна.
2006

* * *

Хрестоматийные стихи
Пусть гений пишет на досуге,
Чтоб дети их, запомня, в школе
Потом читали наизусть.
Им, гениям, простят грехи,
Разбой и пьянство, жизнь в лачуге,
Дурной характер, а тем боле
Красивых муз и яд из уст.

Доступен зренью лес, но строг.
Пьёт, оголясь, народ поместный,
Сирень персидскую ломая,
А заодно и палисад.
С рожденья мучит тайна строк:
«Мороз и солнце, день чудесный»,
«Люблю грозу в начале мая»...
Увы, мне так не написать.
2006

* * *

Никто не мешает писать:
Ни Толстой, ни Астафьев...
Отрадней под голос плясать
Эвфонических ставней.

Прислушаюсь к стону в трубе:
Что-то с тягой, похоже.
Я не на военной тропе,
Но — мурашки по коже.

С душой впереключку, с огнём
Впередглядки играя,
Смотрю, как мелеет вином
Живо чаша Грааля.

2006

* * *

Томясь тяжёлою обидою
На пенсионные года,
Листаю снимки и завидую
Себе, красивому тогда.

Достойней мины тралить сызнава,
Спускаться каждый день в забой,
Чем крупно ссориться с отчизною
И недовольным быть собой.

Над крышей маленьким сиятельством
Отметил свет судьбу мою.
По форс-мажорным обстоятельствам
Теперь я звёзд не достаю.

2006

* * *

Уже обед, а ни в одном глазу.
Орёт соседский за стеной нагулок.
Сейчас жену, как грушу, потрясу —
И прямиком в приزارный переулок.

Друзья давно токуют у ларька.
Кипит в стаканах вонная прилука.
А жизнь не столько нынче и горька,
Хоть сладость вся в крутых головках лука.

Классический российский натюрморт:
Бутылка, овощ и горбушка хлеба...
Сарай, кусты, букет увядших морд,
И надо всем безоблачное небо.

2006

* * *

Петру Овинову

От Самары до Самарки,
Как от Тóго до тогó...
В бане пили «три семёрки»,
По одной на одного.

Полетев с полка, не с полки,
Сел на каменку один.
От футболки до нацболки
Смысл для трезвого един.

На Руси, а не в России,
Удивительный народ.
Только грешному разине
Бог с устатка не нальет.

2006

Русский вопрос

С другом закадычным за кадык
Вылили по банке — и кирдык:
Руки-ноги веером, вразброс...
Громадяне, русский в чём вопрос?
А вопрос, как $x + y$, прост:
Выпил не того — отбросил хвост,
Закусил не тем — опять в раю.
Бог назвал фамилию твою,
Подтолкнул к источнику вина,
Дал большую рюмку, но... без дна...
Так вот вне морали и угроз
Снять бы русский проклятый вопрос.

2006

* * *

Настырной мухе книжкой залимоня,
Дементьевской набравшись чепухи,
Переключился я на Салимона,
Нашёл забавно милыми стихи.

Потом лопату взял, прорыл канаву,
Решив усовершенствовать дренаж.
Узрел на рваной карте Окиnavу
И пожалел, что остров сей не наш.

Потом... А что потом? — Возник, воеже
Разбавить одиночество, сосед...
Но тут жена пожаловала пеше
И быстро переделала сюжет.

2006

* * *

— Откуда дровишки? — сурово
Спросил участковый соседа.
Так, слово цепляя за слово,
Пошла правовая беседа.

— Из лесу, вестимо. — До края
Злодей самопала набулькал.
И, рот рукавом утирая,
Кивнул полномочный: — На бруньках.

— Отец, слышишь, рубит. — За баней
Раздался... Увы, не острога,
Бывают примеры забавней
Из жизни родного народа.

2006

Искатель

Географическая точка
На карте посреди России.
По шатким досочкам мосточка
Сумеж берёзы и осины,
В обход канавы, старой копи
Ведёт меня не страсть, не хобби...
Ильмены мокнут за спиною,
Где вниз сбегаящей сосною
Давно закончился пейзаж,
Другой возник передо мною:
Там — дождь, здесь — солнце входит в раж.
Чтоб упасть и не упасть,
Не растоптать гелиофоба,
На «ближний взгляд» включаю оба...
Кварцитный знак греет пясть.
А в двадцати шагах — Европа.

2006

* * *

Виктору Кирюшину

На мне отдыхает природа,
А я отдыхаю на ней.
Лежу среди разного рода
Растений, букашек, камней.

Крутое оплечье увала.
Бугор, будто веред, напух.
Сквозняк шалопутно и вяло
Гоняет рассеянный пух.

Деревья расставлены редко.
Под колосом выгнут ржаник.
И зов первородного предка
Сквозь память в сознание проник.

2006

* * *

Пока душа простится с телом,
Я полежу среди друзей,
Понаблюдаю между делом
Кто заглянул на праздник сей.

Цветы на зелени еловой,
Кумач, как будто это клуб.
Столы накрытые в столовой
И батарея медных труб.

Асфальт до тёмного отрога,
Где горный свет на рубеже.
А вот обратная дорога
Неинтересна мне уже.

2006

* * *

Накукорекал счастья на двоих
Петух усть-уйских родичей твоих.
Хотя потом предательски зажарен,
Как я густым шиповником зажален,
Был у степной реки на букву «У».
Вот нету петуха, а я живу.
И родичей давно на свете нету,
И жизнь в гробу я, в общем, видел эту.
Та — молодая, падкая была,
А, посмотри, куда нас завела:
Зима, ночь, улица, фонарь, аптека
И ко всему — бандитская опека.
2006

Сонет

Любви в природе в чистом виде нет.
Путь строчки этой бесконечно долог.
И не поэт — слагал ее геолог,
Задумав архаический сонет.

О, если б можно на краю земли
Однажды отыскать месторожденье...
Но ничего в потуге и раденье
С тобою мы пока не обрели.

Обследовали души, как отроги,
Пробили сквозь сомнения дороги,
Узнав, что в долг никто из нас не брал.

Года еще охотку с нас не сбили,
И мы дойдем до собственной Сибири,
И мы откроем собственный Урал.
2006

* * *

Я вернусь ещё к тебе, Россия...

Неизв. поэт

Я вернусь ещё к тебе, Миасс,
В роздых при стечении народа...
Помню, речка булькала, змеясь,
Поднималась в гору сосен рота.

Обступали рослые дома.
Суетились юркие машины.
И смотрелась в Тургояк сама
Жизнь сквозь раны, шрамы и морщины.

Аммонит гремел, а по тропе
Весело плелась домой усталость...
Город, я вернусь ещё к тебе
Невзначай и навсегда останусь.
2007

* * *

В природе — относительный порядок:
Прошли дожди, растёт себе трава,
Шумят берёзы, птицы без оглядок
Снуют, и речка как-никак жива.
И я, давно не друг, не враг природе,
Окучиваю рьяно в огороде
Картошку и со всех сторон — жену,
Авось нальёт чего-нибудь ко сну.
Иду к соседу — тот непьющий сроду.
Соседка скрылась, вёдрами звеня...
Хочу быть ближе к своему народу,
А он всё дальше, дальше от меня.
2007

* * *

Перед Богом все равны,
Может, я равнее.
Нет у меня вины,
Чтоб других винее.

Как душа, живу, велит,
Вскрай, не для проформы.
Грех мой тяжек и велик,
Но в пределах нормы.

2007

* * *

Из камыша выкрякивает выводок
Плывущая по шёлку утюгом
Вся в сером утка, только коршун
выведал

Про то, и поменялось всё кругом.
Так обречённо, будто заключённые,
Шагают по обочине добром
Деревья молча, много раз учёные
Заступником с пилой и топором.
Полынью степь горчит до одурения,
Где лунной пыли вёрткие столбы
Напоминают иногда бурение
И атомные иногда грибы.

2007

* * *

Деликатно негибкая речка
Обтекает спесивый лесок.
За колечком пуская колечко,
Трактор лезет, а взгорок высок.
Заводной муравей, пыль вздымая,
За сто метров соляркой разит,
Где нетрезвый ещё с Первомаея
Поселился внутри паразит.
Наблюдая действительность эту,
Головою верчу у окна.
Между прочим, неловкости нету
В том, что вертится справно она.

2007

* * *

Смешанный хор голосистых пернатых.
Запах сирени забил все углы,
Где я пикирую в отчих пенатах,
Сбитый прямым попаданием пчелы.
Жало торчит над глазницей наглядно.
Непредсказуемо клонит сюжет
К факту, что жить по понятию накладно,
А по-другому — возможности нет.
Синее небо в розовом цвете.
Ест насекомое, гложет семья.
Что-то не любят меня те и эти,
Вот и Курбатов, к примеру, В. Я.
2007

* * *

Вразброс увязшие в снегу колки
Похожи на разбитые полки.
Сражение проиграно давно,
Но мне, признаться, как-то всё равно,
Поскольку ни за этих, ни за тех
И кроме войн других полно утех.
2007

* * *

Расшатала нервную систему
Колебанья ртутного столба,
На котором каркает не в тему,
Вороном прикинувшись, судьба.
С быстротой распада изотопов
Разбежались дни, как не видал.
Вот последний, тяжело протопав,
Грязью обывательской обдал.
До трясушки дрожь томит колени,
Дождь живет, по-летнему густой,
Будто в детстве для успокоенья
Умывает мать святой водой.
2007

* * *

Жернова, скричигая зубами,
Дружно взяли зерно в оборот.
Старичьё не совсем для забавы
Блеском стали упрочило рот.

Хлеб давался всегда через силу.
Вижу, очередь в лавку стоит
И вперёд пропускает верзилу,
Что записан с пелён в кондуит.

За деревней, крапивой обросшей,
Помню поле и млечный покой...
Жизнь казалась не то чтоб хорошей,
Но, конечно, совсем не плохой.
2007

* * *

Еле заднелось, в крапиве
Курица ростиься стала.
Божьей росой окропила
Тучка с налёта, но мало.

Засуха, видно, на небе.
Туго с водой и в посёлке.
Жить будем токмо на хлебе
В обществе яловой тёлки.

Краски унылы и строги.
Речка лежит неживою.
Пусть змеевик на дороге
Выглядит свежей травою.
2007

* * *

Одно название — собака,
А шуму, как от злобной своры.
Но я боюсь её, однако,
Тем более боятся воры.

Страх, гулко топая, вдоль сада
Преследует в потёмках споро.
И нет с гипертонией слада,
И рвутся шланги от напора.

Отрегулировал себя я
На сон едва травой подённой.
И снилась мне судьба слепая
Поэта с немотой врождённой.
2007

* * *

Я другим не буду никогда
И судить за то меня не надо.
Видоизменили холода
Образ поля, выраженье сада.

Даже у хромого алкаша
Появилась лыжная походка:
Важного по снегу не спеша,
Гонит даром выпитая водка.

Бог не любит жалобных людей,
Но веселья мало по округе,
Где зима, милиции лютей,
Бьёт под дых, вывёртывает руки.
2007

* * *

Пугаюсь всего, как деревенская лошадь:
Машины гудят, репродуктор орёт,
И разноцветные флаги ветер полощет,
И ходит орава то взад, то вперёд.

В составе крови моей ничуть алкоголя,
А зыбкая площадь бросает меня
К подножию лип на пламя алого поля,
Чугунной рукою вождя осень.

Зазнамо не светит ни при какой погоде
Рай на земле без бога, но веселят
Пророки в том юном, знай, комсомольском годе,
И очередями фонтаны палят.

2007

* * *

Без риска для жизни с кровати
Не встать, не ступить за порог.
Какой-то заведует рок
Погодой, чьи шутки чреватые.
Чуждаются сырости рощи,
Им солнце полезней и проще.
Набухшая буйством река
От лучшей поры далека.
Живёт кое-как над оврагом
Берёзка, в ней трепет застрял,
Сознание, покрытое мраком,
Заметно уходит в астрал.

2007

* * *

Никогда от денежной лопаты
На руках мозолей не носил.
Внуки, конопаты и кирпичаты,
Душат изо всех любовных сил.

Будто только с дерева спустился:
Как тут выжить? — не соображу.
Воробей на бабочку польстился,
А сосед переступил межу.
Рьяно в зарослях травы забвенья
Кузнецы не покладывают рук.
Слышите, позвякивают звенья
У цепной реакции вокруг.
2008

* * *

Сам себя собирал я по строчке,
Чтоб сложился пристойный сюжет.
И не мне, кустарю-одиночке,
Стать артельным на старости лет.
Доживая угарную зиму
Под дремучими кронами труб,
Дни растягиваю, как резину
Испокон не улыбчивых губ.
Не завидуя гениям сроду,
На пространстве российских широт,
Может, тем и любезен народу,
Что любезен мне тоже народ.
2008

* * *

Твёрдо встану на путь исправления,
Отвяжусь от привычек дурных.
Может, выберут с треском в правление
Сразу вместо присяжных иных.
Не по глине домой, а по гравию
Приходить буду здоровый, как все.
И газеты мою биографию
На передней дадут полосе.
Вот заделаюсь творческой личностью
И творить стану, не вытворять.
Но не верю я, чтобы наличностью
Мне платили за дар складно врать.
2008

* * *

Дождь пройдёт — переменится видом
Наспех выновленный палисад.
На заборе, плющом перевитом,
Капли тесно сосками висят,
Как у capitoлийской волчицы
В старой книге без главных страниц.
Чернозём за ногами влачится.
Дверь запела на голос синиц.
Влёт уцеленный зрительным нервом,
Самолёт проложил борозду,
Будто пахарь на тракторе первом
В неконкретном колхозном году.
2008

* * *

На одноклеточном уровне
Теплится жизнь в холодке,
Между гусями и курами,
С вечностью накоротке.
Рядом — трава невысокая,
Речка — у речки своя
Правильная философия,
Гибкая, в смысле струя.
Пью кислый сок из пакетика.
Повод ищу для стиха.
Но отвлекает патетика
Бройлерного петуха.
2008

* * *

Гипотенуза лямкой через пузо
Держала «пифагоровы» штаны,
В которые вписались два арбуза,
Рогатка, поджигатель для войны.
Чикмак и трут: из искры, чтобы пламя
Разжечь, точилом стёртый складешок...

У, как меня всю ругала мама,
Когда ширинку куревом прожёт.
Да, помню ещё пуговицу с пряник,
Белевшую нахально впереди...
Вот-вот гроза с вершин из пушек грянет,
И боль рванёт рубаху на груди.
2008

* * *

Повалили Сталина и сели
Вдоль спины на крашенный бетон.
Хохотали местные мамзели,
Задавая факту моветон.
В спутанной траве стояли ноги
Вместе с сапогами — сон Дали.
Пели птицы, плавали миноги
Где-нибудь от берега вдали.
Не случилось ничего наглядно —
Ни в природе, ни в себе самом.
Ссучилась вот разве только гляня,
Как соземец повестил письмом.
2008

* * *

Никакого нету угомона
На беспутных птиц, на перелай
Псов, на пьяное с рябиной моно...
Полный беспредел, терпенью край.
Мать с отцом уже не приголубят.
Будущее с прошлым — по нулю.
Не люблю, когда меня не любят,
Хоть и сам не каждого люблю.
Стол в углу стоит на четвереньках
С кактусом ежистым на спине.
Выпью чаю с яблочным вареньем —
Сладкой жизнью отрыгнётся мне.
2008

* * *

Трамваи, не божьи коровки,
Сцепились, но речь не о том,
Цыганки, нахальны и ловки,
Штурмуют старушку гуртом.
На зеркале заднего вида
Шофёрская скука видна.
Не знаю, какая обида
Лишит нас законного сна.
Ни те и ни эти, страдая
С похмелья, всех иных лютей,
Не скажут, зачем у Китая
Так много раскосых людей.
2008

* * *

Пугает, производит впечатление,
Глазами ест, а зубы бережёт.
Давно не лает от жары и лени,
Цепной свободы и стальных решёт.
Оглянет натуральное хозяйство,
На лапы сложит голову в тени.
И стрекоза усядется глазасто
На проволоку, долгую, как дни.
В траве ржавеют веломоточасти.
Лоскочат ласточки из-под стропил...
Построенное на абсурде счастье
Всевышний узаконил и забыл.
2008

* * *

Интернациональный лес.
Тропа с извилистой судьбой.
И лето в паузах, в обрез.
И твёрдый дробот — дождь слепой.
Стада копёшек и стогов.
Пейзажи как бы без идей.

Следы языческих богов,
Пещерных, видимо, людей.
Тут ветреница на ветру.
Там гриб в засаде — ну хитрец!
В кустах, где ягод по ведру,
Глагол сыскался наконец.
2008

* * *

Жизнь покосилась, но не рухнула,
Побились лишние горшки.
Пришла зима, степная, рунная,
Её задумки велики.
На пролетарскую акацию
Шестёркой пали снегири
И скоро передислокацию
Произвели на раз, два, три.
В тумане лёгкого безумия
От блеска глянцевого полей,
Смотрю, как с важностью Везувия
Дымит изба, и мне — теплей.
2008

* * *

Фонарю до лампочки темнота
за углом
И шапка рискует моей головою.
Из-за куста замахнулась вдруг тётка
веслом,
А если б она оказалась живою?
Тенётник стальной опутал
беспамятный сад.
Я помню, как цвёл он и пах
безоглядно.

Иду вперёд, но думаю повернуть
назад,
Поскольку что-то, чувствую,
здесь неладно.
Допался до чая, радуясь жизни
вполне,
Зная, как эфиопам трудно живётся.
Март-зимобор машет весело веткой
в окне,
Птицей апрель-снегогон вдруг
отзовётся.

2008

* * *

Владимиру Черноземцеву

Начало лета объявил шиповник,
Расцвёл, как будто сам себя поджжёт.
Скворец махнул, наш адресок
запомнив,
Вдогон за выводком через лужок.
В густой траве другая форма жизни,
А страсти те же между нет и да.
И движут муравьём любовь
к отчизне
И радость коллективного труда.
Покуда перекрёстным опыленьем
Вся живность занята и есть резон,
Я вроде как на сходе юбилейном,
Цветами разной масти окружён.
Я первый парень — вот моя деревня,
Вот дом родной: не мне ли машет мать?
За пряслом — лес, где, прячась
за деревья,
Минувшее не хочет миновать.

2008

* * *

В. К.

Военнообязанные муравьи
Антеннами водят, снуют по тревоге.
Но замыслы мирны, напротив, мои,
Желанья легки и потуги убоги.

В распакленных травах, в разгласных шумах,
В размытых тонах камуфляжного лета
Предвидится осени скрытый замах,
Как шутка в конце озорного куплета...

Вернусь, тихий дом необжитым найду.
Присяду к столу — все слова врассыпную,
Едва белый лист обнажит черноту
Однажды повечеру в пору грибную.
2008

* * *

Одному во тьме и на морозе
Жизнь не задаётся до конца.
Лучше быть китайцем на Формозе,
Чем спадать в смятении с лица.

Ни к селу, ни к городу, а к морю
Зыбь почуял, что успел забыть.
Не хватало мне напиться с горя
И чужие окна перебить.

«Прячется из нас кто, а кто галит?» —
В ужасе душа кричит моя.
В драмтеатре выступает Гамлет
На предмет, конечно, бытия.
2008

* * *

Нас много у местоимения «мы»,
Я — только один разъединный у «я».
Сумерничаю под калиной до тьмы,
Скрипичной внимая нудге комарья.

Ругать на удачу, чтоб вышло добро,
Служивого внука стараюсь в уме.
Притрушенный звёздным песком, но хитро
Устроенный, космос лежит в полутьме.

Оборышных ягод горчинка во рту.
Привиделось прошлое — чем не кино?
Те девки, с которыми бился в лапту,
Разбабились, сказывают, предавно.
2008

* * *

Сбросимся по рваному рублю
И пойдём дружинить по-народному.
Потому смотреть я не люблю
Хаму вслед, как телу инородному.

Под навесом вымлевших небес
Птицы голосят загульной песнею,
Будто раскошелился собес
И ко Дню защиты выдал пенсию.

Кормится античностью поэт,
Древнеримской дышит пылью вечною.
Больше, тещусь, счастья в жизни нет,
Чем пройтись окраиной заречною.
2008

* * *

С какого переляку выпал снег
На голых африкацев в понедельник?
А в среду вихрь винтушный, будто шнек,
У нас в саду немало понаделал.

Шкварчат и беленеют от жары
Скворчата — явный бунт в зачинном виде.
Сидим заместо строгого жюри,
И дрeвеса как бы на нас в обиде.

Навентул запах дыма и огня,
Но, слава богу, порохом не пахнет,
Хотя нет-нет да за углом бабахнет
И что-то просвистит мимо меня.
2008

* * *

Далеко не всё мне нравится
За окном, где холод лют,
Дворник папиросой травится
И плюётся, как верблюд.

Гололяхом мелкой поскочью
Тётка метит в магазин,
Ей панель с неровной плоскостью
Служит много лет и зим.

Президентами, премьерами
И другими жизнь примерами
Скрашена, лишь за окном —
Псы, вороны, бак вверх дном.
2008

* * *

Пятки вместе, носки врозь — стоят берёзы,
Как в торжественном строю, как на параде.
Замешаться б среди них не ради позы,
Хоть растением остаться жизни ради.

Облака бегут, лишённые покоя,
Загонял их ветер по округе тесной.
Вот и я, наверно, облако такое,
Малость божия в механике небесной.

Не похож на правду, а на оправданье
Сорванный мой голос над приглядным видом.
Скрытая о детстве память не преданье,
Пусть хранится лесом, тропами увитом.
2009

* * *

Пока производительная сила
Преображала старый огород,
Меня околе по лесам носило,
Но был на месте весь древесный род.

Упал скворечник за чужим забором,
Однако жертв и разрушений нет.
И скоро кончился весёлым спором
Неогнездившихся тот инцидент.

Наружу мехом верх в подтёках грязных.
Фонит проимчиво со всех сторон.
Легко от гласных, любо от согласных
Воспитанных скворцов, лихих ворон.
2009

* * *

На похмельный глаз и роща эта
С подпалённым низом хороша,
Под завязку воздуха и света
Полная, как благости душа.

На хвосте изветливой сороки
Уйма сарафанных новостей.
На сельскохозяйственные сроки
Нет амнистий от любых властей.

Потому в саду и в огороде
Совершает подвиг трудовой
Хватский человек меня навроде
С натуральной в корне головой.
2009

* * *

*Я буду говорить на скотском языке
Палаток и ларьков...*

С. Аратюнов

Уроки изящной словесности
Я брал у осин и берёз,
Гуляющих вольно в окрестности:
Живёшь среди них и берёшь.

И Фетами, в смысле поэтами,
Воспетые сладно поля
Дорогами ветхозаветными
Попутно учили, пыля.

И птицы с любовью сезонною,
В поток восходящий маня,
Смятенья болезнью кессонною
Испытывали и меня.
2009

* * *

Гуляет ветер по карманам,
Но нет надежде сноса вопреки...
Из-под ольхи в пару туманном
Блеснуло люто лезвие реки.

В затишье стеношного леса
Упарились стежёные поля.
Души для поддержанья веса
Взял тяжкий грех, мирскую жизнь хуля.

Но по технической причине
Сегодня день здоровья у меня.
Гляжу, как в маломальском чине
Народ уже народу не родня.
2009

* * *

Борьба за всеобщее счастье
В посконной глуши не пустяк.
Разобранный трактор на части
Собраться не может никак.

Земля заросла чем попало.
Под цвелью закисла вода.
А Ленин — припевка запала —
Такой молодой, как всегда.

Берёзки в тени истонели.
В селетней траве брода нет.
Часы на стене еле-еле
За временем тащатся вслед.
2009

* * *

Под влияньем природных условий
Я, похоже, слегка сам не свой,
От лесной атмосферы соловый,
От густой тишины чумовой.

Не хватает машинного гуда
И кислотно-свинцовых паров.
Поброжу вдоль опушки, покуда
Не почувствую: вроде здоров

Самолёт в голубой амальгаме
Отражает лукавый прогресс.
Ботанический след под ногами
Вызывает ещё интерес.

2009

* * *

На усах без двадцати четыре, —
Как бы выдал жанровый остряк.
Гаркнул гром в руководящем стиле,
Вместе с рощей и меня напряг.

Из-за парникового эффекта
Прямо под озоновой дырой
Где-то невзначай споткнулся некто
О лисичку или свинойрой.

Дождь ушёл и не вернётся боле.
В затень мелкий криминал полез.
Сладко выкузнечивает поле.
Складно высиничивает лес.

2009

* * *

Бинокля дальнорские глаза
В кустах поймают птаху на закате
Покуда распалённая фреза
Распилит гору, каменную, кстати.

Пиратский флаг над заводской трубой.
Пейзаж на производственную тему.
Похоже, в муравейнике отбой
И спят цветы, включая хризантему.

Осталась тем, чем и была всегда
Осина с нервной листвою за садом,
Где с детским смаком плямкает вода
И на приколе лодка вертит задом.
2009

* * *

С одного языка на другой
Переходят осенние рощи.
Обонятельные тона,
Как резиновый, ветер тугой
Перемешивает, степи плеще
Стали, ажно Сибирь видна.

Побережной шипиги — красно.
Низкорослое счастье кустится
На подзолах вольной души.
Мы с тобою опять заодно
И в глазах твоих отцветы ситца,
Что настригли стрижи.
2009

* * *

Отлаялась вранозычная стая.
Соромливый в кущах краснеет снегирь.
По небу шершавая сыпь, нарастая,
Напомнила клюквенный мне Кашагыр.

Но к фактам своей биографии можно
Добавить лишь детский авитаминоз.
Колонны античных берёз, высясь мощно,
Похожи на храм, обречённый на снос.

Давно овладела назревшею темой
Душа, строго следуя календарю.
Не ангел парит над снегами, не демон
С алтайским обличем, как я посмотрю.
2009

* * *

В стране деревьев равенство и братство,
Где ель не застит лиственнице свет.
Хочу к реке сквозь березняк пробраться,
Трава метелью замечает след.

Квадратно-гнездовой посёлок справа,
Убойная труба как аргумент.
Набрякла туча, выплывшая здраво,
Чтоб сверху посветить и погреметь.

На длинных гласных электрички спешной
Закончились все ноты и слова ...
Деревья жмутся в панике кромешной
Ко мне по праву близкого родства.
2009

* * *

Расставить правильно глаголы,
Немного выправить сюжет
В то время, как деревья голы
И отопленья в доме нет.

В кругу родных местоимений
Унять разладные слова
Пока от разнообразных мнений
Не перегрелась голова.

И над житейской абевегой
Задуматься с надеждой некой
О пользе, смыслом дорожа,
Творительного падежа.
2009

* * *

На дворе не то социализм,
А не то залётная погода.
Две берёзы у земли слились,
Будто реки, полнясь год от года.

Окна в окна как глаза в глаза.
Высокохудожественным свистом
Птица захлынь тешит полчаса,
Бредя Моцартом и даже Листом.

Если бы сподману для в лесу
Не водилась музыка такая,
Водку пил бы и любил попсу
Я, дурным привычкам потакая.
2009

* * *

(Родиноведение)

Ни взлобка, ни строенья, ни акации,
Ни птицы в небе вроде жирной точки.
Как синтаксис, лишённый пунктуации,
Раскатанная степь — в ногах цветочки.

Подвздошный холодок, на мятном холоде
Настоянный, на набрызгах тимьяна.
Ступни мои давно стерней исколоты
И детством отдаёт уха Демьяна.

Глаза тайком ополосну слезами я,
Вернусь в угарный ад — другого нету,
Похоже, в первый раз не сдав экзамена
По самому любимому предмету.

2009

Жизнь

Скорее хорошо, чем плохо.
Вот жизнь моя — я с ней, она со мной,
Длиной от выдоха до вдоха,
До выдоха от вдоха шириной.

2009

* * *

Моя семья, мой шумный Бабилон,
Из мужиков один я, на развод.
Когда-то мамой выращенный клён,
Давно слывёт приметой, но живёт.

Мелькают реактивные стрижи.
Пилоты, отработав виражи,
Освобождают небо — в синей мгле
Скворечник будто ведьма на метле.

Счастливым быть по-русски — это дом,
Где семеро по лавкам, плач и смех,
Где старый клён справляется с трудом,
Чтоб рассадить по веткам певчих всех.
2009

* * *

Генеральную линию партии
Мы вели в пору ту по песку,
Вызывающему антипатию,
Каракумский угар и тоску.

Хоть бы деревце где-то маячило
Или наспано мрела вода...
Ничего, нам казалось, не значила
Дарвазинская ссылка тогда.

Небеса будто очи пророчицы,
В мутных заводях маковый след.
Вспоминать про другое не хочется
И не вспомнить за давностью лет.
2009

* * *

Стороною жизнь не обойти,
Прямиком иду напрапалую.
Повстречал тебя вот на пути
И такую встречную целую.

День в изображении цветном,
Несмотря на серую погоду.
Я жалею только об одном:
Слишком долго жил другим в угоду.

Стало быть, пора и для себя,
Для тебя, для нас двоих, наверно...
Вот и солнце радует, слепя.
Вот и слева под рубахой скверно.
2009

* * *

Не боролся с советским режимом,
Не хвалил и не хаял его,
Где в охотку, а где и с прижимом
Просто вкалывал, как большинство.

Для трудящихся, праздного слоя
Всё закончиться чудом должно
Было бы, но судьба долгостроя
Разрешилась скорей, чем в кино.

Потому не жалею, не плачу,
Волком косо на жизнь не гляжу,
Даже если нарвусь на удачу —
Лихо это я перегожу.

2009

* * *

В нижних слоях атмосферы
Чёрные искры стрижей.
Сразу за островом Веры
Краски заметно свежей.

Парус опять одинокий
Как язычок в каганце.
Шкет перепончатоногий
С солнцем на мокром лице.

В перетекании вёртком
Судорожная волна,
Будто борьбы подковёрной
Страсть тeneвая видна.

2009

* * *

Сею разумное в землю надельную,
Вырастет доброе, пусть и не вечное.
Вот отработаю норму недельную,
Стану бездельником вдруг — делать нечего.

Вляпался в мокрое дело обыденно
День — мироточит хибара заёмная.
Жизнь меня, надо сказать, не обидела,
Хоть и нишком обижала суёмная.

Месяц опробует роль мефистофеля.
Крякнет мороз, скрипнет стёжка умятая.
Сяду за стол с едоками картофеля
Свято и просто, как бог с боженятами.
2009

* * *

Дождь не кучно бьет гусиной дробью.
В Няшевке вскипает круто Енисей.
Пучит облака, бурчит утробно.
К берегу прибило сваленных гусей.

Всюду электричество искрится.
Только солнечная сторона души
Пахнет тополем, и только птица
Может к сроку песню выняньчить в тиши.

А пока под планетарным сводом,
Где раскаты агрессивные слышны,
Я едва учусь ходить по водам,
Так не по-библейски закатав штаны.
2009

* * *

Запил жидовским чаем геркулес.
Поднял немного свой бараний вес.

Погода обнадёжила сполна.
Метафорой подсолнух у окна.

Набрался духу — вышел на крыльцо,
Пустил туберкулёзное кольцо.

Голодный птах, проклюнувшись едва,
Уже кричит поносные слова.

И с недобором шариков в мозгах
Бренчит сосед — с ранья, глядь, на рогах.

Вот жизнь всупор: то угол, то овал.
То пел, то горевал, то царевал.

Страна то позывала, то гнала,
Но родиною — родина была.
2009

* * *

На семейство паслёновых вероломно
Заокеанский захватчик напал.
Вот и пришлось доблестно встать с поролона.
И под солнце рвануть, как под напалм.

В нашей стране принято защищать слабых:
Семейства абхазов или алан...
Я вчера сам побывал в словых лапах
Во время дождя, сломясь пополам.

С чувством интернационального долга
Поле прочёсываю — цель ясна.
Барражируют птицы вдали без толка.
Как всегда, запаздывает жена.
2009

* * *

Сидеть бы на ветке дворянского рода,
Но крепко сижу на крестьянском суку,
А если точнее — среди огорода
С морковкой в зубах и надсадой в боку.

Крапива соседствует по недогляду.
Печалью отмечен запущенный лес.
И жизнь, как тропинка железному гаду,
С угора торопится наперерез.

Пока углекислого неба протечка
С насиженного не прогонит местечка,
Я буду гадать, как здесь люди во мгле
Живут без любви и почтения к земле.
2009

* * *

Полей осенний сухолом.
Трудолюбиво солнце греет.
Снимает стружку поделом,
Как бы охотку тешит, грейдер

Пылит дорога, дальше мчится.
Коровам весело мычится.
Потрава светит пастуху:
Глас прокурора на слуху.

Душа поволит — на юру
Замру под небесами полдня,
Где весь когда-нибудь умру,
Себя в смятении не помня.
2009

* * *

Забрызгав бетонные стены,
Кроваво стекало с ножа...
Какие в нём прячутся гены,
Хотелось узнать не спеша.

Без капли сочувствия в действе,
Без прочих моральных обуз
Вот так ввечеру лиходейски
Зарезан был мною арбуз.

2009

* * *

До потери сознания красива
Нынче осень уральского юга.
За летучей строкою курсива
Рвётся голос пернатого друга.

Пожилой куст сирени коряво
Приютился к базарной оградке,
Где царят мезозойские нравы,
Современные, в общем, порядки.

Ни в какие ворота не лезет
Тётка с жарким букетом редиса.
Мне петрушка, наверно, полезней,
Потому как под Девой родился.

2009

* * *

Дорога федерального значения
Трясёт выразительней районной.
Шальных машин угарное течение
Процессии неспешней похоронной.

От солнца отгороженный Ильменами,
Прикинувшийся кельтскими дольменами,

Лежит на дне уютного продола,
Живёт посёлок мой на грани фола.

Со всеми вдрызг и сам с собою сварится,
Уверен: всюду крадуны, иуды...
Ползёт автобус, в пропасть как не свалится
Под колкий шорох ледяной полуды.
2009

* * *

Поскольку гололёд, машину тянет юзом
С оглядистого места под забор.
Поэтому причинным связаны союзом
Прохожие, лишённые опор.

Похоже, низкие надолго изотермы,
Утомная неладица дорог.
Над жалкими руинами колхозной фермы
Раздетый тополь до костей продрог.

На клетчатых полях зелёный цвет в зачатке.
Чернеет грач с бетонного торца.
Болезненный оставила след на сетчатке
Картина неизвестного творца.
2009

* * *

Облученье. Облаченье. Облегченье.
На разрыв резиной тянется вода.
Не теченье нравной речки, а стеченье
Обстоятельств привело меня сюда.

Частной жизнью суетливая оляпка
Отвлекает, как потачный куролес.
В тесном створе скал вдали маячит хлябко
Пихтой с елью инсценированный лес.

До увязу пьяный хмель по-над кустами.
Кровь шумит в ушах, шуршит в ногах песок.
Трафарет стрекозий по небу крестами,
Будто в сорок первом, шанс мой невысок.
2010

* * *

Ворон злоречий, ручей говорной.
Дятел дробит тишину надо мной.
Лес огорожен стеной крепостной.

Невероятно, сколь и вероятно:
Рдеют заката родимые пятна.
Мелочь — чабрец вдоль тропы, а приятно.

В перетекании плавном река.
Доцифровые пейзажи, слегка
Подретушированы облака.

Вѣни козырные — важные ели...
Век бы глаза на всё это глядели.
Мысли при сердце, и ноги при деле.
2010

* * *

Чудесное явление скворца
С условным свистом и лихим куплетом.
Хоть не запомнил я его лица,
Но это он у нас жил прошлым летом.

Теперь, добрососедуя, начнём
Почти на равных в социальном плане
Вить гнёзда, землю нежить день за днём,
Петь песни — в общем, быть как все селяне.

Урядный лес, под нависью — увей.
Удобная среда для обитанья.

Живой скворец, пусть и не соловей,
И сам я тоже вроде не ботаник.

2010

* * *

Дворник смахивает на Маркса.
Небо, скроенное по двору.
Дождь который раз унимался,
Но срывался опять не к добру.

Как в гипертоническом кризе,
Бездны паморока глубоки.
Любодействуют на карнизе
Нестеснительные голубки.

Хищной арки беззубой пастью
Сквер зажёван, где наверняка
Ветер гладит кленовой пястью
Темя плачущего большевика.

2010

* * *

Покуда норов паче разума,
Вернее дома посидеть,
Стерев туман с экрана грязного
В районе гнейсовых Судет.

Всё утрясётся, устаканится,
Извянут вычуры принцесс,
С огнём в груди рывком стахановца
Вольёшься в трудовой процесс.

Пусть гаснет небо с поволокою,
Однако воцарится тишь.
От синеглазой черноокою
Уже никак не отличишь.

2010

* * *

В любомудрие удариться.
По воде пройтись вдоль края...
Речка — первая ударница,
Собеседница вторая.

В ситчик мальв оделась улица —
Тоже мне, воображала.
Небо, догорая, углится
До загнеточного жара.

В глубях водяной мерещится.
Гнётся удочка, как вица.
Золотая рыбка плещется,
Только не спешит ловиться.
2010

* * *

Со ступеньки социальной лестницы
Падать мне совсем не высоко.
На глазах черёмуха невестится,
Ветерок в обжимку, как трико.

Ни одной приметы обитания
За оградой в смешанном лесу,
Где закончился период таянья
В самом, ниже некуда, низу.

Легковейный шелест, листья липкие,
Дачные фигуры: ферзь, ладья...
Мы такие, жизнь, с тобой отликие,
Будто я — не твой, ты — не моя.
2010

* * *

Никаким дуракометром
Не измерить нас.
Всё, чем жили, сдуло ветром
Навсегда и враз.

Вроде лучше не бывает:
Так хоть эдак ладь.
Неземное навевает
Травяная сладь.

Ни мыслительных процессов,
Ни иных потуг...
Ниже пояса бьёт Цельсий,
Ближний свет потух.
2010

* * *

Перед лицом своих товарищей
Клянусь: не ел ухи наваристой...
Вполне серьёзная река, Виясь,
Бежит издалека.

Вода текущими моментами
Неубедительно чиста,
До усвета, как маята,
Мошка прядёт, едва заметная.

Тропа навроде наркотрафика
Сквозь коноплю... Едим и пьём.
И сердца ломаная графика
Настаивает на своём.
2010

* * *

Сезонная напасть — копать картошку в поле,
Когда придушен тучей и дождиком полит,
Когда не пояс рвёт от поясничной боли,
А попросту натура неправильно болит.

Отважно пламенеют осинки вчетвером,
На мой досужий взгляд, не надо б им светиться.
Но суетно еложу повадливим пером.
И вот уже поёт не столь душа, сколь птица.

Общественно полезная во всём напруга.
Гурты правдоподобней нубийских пирамид.
И вялая бежит строка, как след от плуга,
Глагол без чувства меры в конце её гремит.

2010

* * *

Из лучшей породы растений
Трава, что у дома растёт
В процессе горячки весенней,
Тайком полагает расчёт.

Захлопотанно трясогузка
Избеганная норовит
С межи, перекопанной узко,
Съесть зоологический вид.

В свободном падении нравов
Живут, будто слева направо,
И малые эти, и те,
Большие в своей мелкоте.

2010

* * *

Сели воробьи рядком,
Надо видеть это:
Как один, все босиком,
Будто нынче лето.

Справа, кажется, мужья.
Слева, значит, жёны.
Обсуждают, слышу я,
Что-то напряжённо.

Холод, голод, в общем, быт.
Разные напасти...
На столбе ворона спит
Сном верховной власти.
2011

* * *

Вместо зари кумачовой
Серые дали видны...
Кроме проблем Пугачёвой
Нет проблем у страны.

Будто изжога от пиццы
Петь не даёт соловью.
Бьются железные птицы
Лбами о землю мою.

Думает думу бездельник.
Пишется кровью строка.
Только ни мыслей, ни денег
Больше не стало пока.
2011

* * *

Зря не пошли мы в коммунизм,
Закрыли верную дорогу.
Теперь хоть Западом манись,
Хоть на Восток молись, ей-богу.

На пробу воздуха вдохну,
В нём недостаток кислорода.
Охватом высмотрю страну,
Но не увижу в ней народа.

Вокруг изводные леса,
Степная прямь почти в полёте
И свой кулик, грязцу меся,
На каждом значится болоте.

2011

* * *

Нашли страну, которую не жалко,
Где пошлая певичка — «наше всё»,
Где замогильно смутная гадалка
Цитируется, как стихи Басё.

Вялотекущий реализм отчизны,
Он мог быть худшим, если б не был им.
А мода на здоровый образ жизни
Попахивает затхлым и былым.

Споткнётся сердце вдруг на ровном месте,
Пойдут остросюжетные дела...
Но в снах берёз и в воробьином жесте
Ещё моя земля не умерла.

2011

* * *

Задабриваю печень коньяком.
Щекочат грубо залестные речи.
Я был, без шуток, классным мужиком,
Но был давно, от этих мест далече.

Теперь вот смачно варежку жую,
На мемуарном жанре солодею.
Вот родина, а я не узнаю,
Как в зеркале себя, её идею.

Изнетил век охотку и кураж.
Не радуют демисезонно письма.
Ещё топчусь потешней, чем мураш,
Заслуженный строитель коммунизма.
2011

* * *

«Именем Российской Федерации...»
Сразу стойку хочется принять,
Помушнев лицом за все дурацкие
Выходки, которых не понять.

Было дело, красными лампасами
Награждал родительский ремень.
Были годы злыми и опасными,
Голову могло снести с рамен.

Надо знать: не надо, зная, жидиться,
Выгребая сирым до копыя.
Только жизнь не дармовая житница,
Сам себе заботник и судья.
2011

* * *

Уровень реальности высокий
Старый клён пейзажу придаёт.
Вялый берег шелестит осокой,
Шинами УАЗов и «тойот».

Поменяю угол наблюдения,
Пересяду к левому окну.
Скатистое небо от гуденья
Треснуло извилисто по дну.

Вижу город с проблесками смысла,
Переможной спутанной рекой,
Старый лозунг, что дождём не смылся,
Ленина с протянутой рукой.

2011

* * *

Не был никогда в Казани я,
Не был много раз подряд.
К высшей мере наказания
Пусть меня приговорят.
Промеж гэканы и шоканы
Изо всех наличных сил
Среди аканы и оканы
С птичьим чёканьем прожил.
И с отвагой оголтелую,
Пыль обножную тряся,
То же самое я делаю,
Что и ойкумена вся.

2011

* * *

Особых видов на меня
Господь, похоже, не имел.
И до сегодняшнего дня
Я жил, как мог и как умел.

Предельно вредная зима:
Грибом от гриппа оквасел.
В душе египетская тьма,
Темнит, вестимо, Моисей.

Намётом стелятся снега.
Рябину ветер ушатал.
Миасс — не глубже сапога,
Но лёд надёжней, чем металл.

2011

* * *

На морковкино заговенье дивно
Натрусило, как из крупорушки...
Снег скрипит крахмалом, необъективно
Считывает камера наружки.

Где прикровенно, а где откровенно
Городские бытуют пороки.
Рвутся трубы суицидней, чем вены,
Давно пережив старость и сроки.

День начинается с поиска сюжета
И выбора главного героя.
И ни гу-гу про того поэта,
Чьё счастье за Ильменской горою.

2011

* * *

После передела собственности скворечник
Перешёл во владенье воробьиной пары.
И теперь вместо припевок остросердечных
Базарная пря, досужие растабары.

Поскольку жизнь течёт в отрыве от морали,
То лавочник, и тот к изволу приохочен —
И абсолютный нуль в глазах его едва ли
Закроет тему враз, излюбчивую очень.

Глубокий и засасывающий лес странно
На голос отозвался — лесовик и точка.
Но точку ставить сейчас, наверное, рано:
Вдруг новый хозяин, и в кармане — заточка.
2011

* * *

Начну с очевидного факта:
Мурчат, не лишённые такта,
В руках у бестактных мужчин
Моторы контактных машин.

Повитые тенью печали,
Деревья молчат и молчали,
Когда без причин и порук
По плечи лишали их рук.

В углу перебита рассада,
А вместо озона — досада:
Забойная лихость грозы
Пахнула промзоной в разы.
2011

* * *

Отбываю принудиловку на грядках.
Дело круче, чем при сталинских порядках.

Сверху две сороки, склонных к истерии,
Полчаса меня за что-то костерили.

Сбоку строгая хозяйка из-под груши
Прожужжала наставлениями уши.

Розы пахнут соблазнительно и вкусно.
Взять бы паузу для чистого искусства.

Полистать, припав к траве, того же Фета,
Помня, «отчего грустна душа поэта».

Но — опять пырей, крапива, зуд по коже.
Мне героизма не избежать, похоже.

2011

* * *

Крестьяне, яко обезьяне,
С утра до вечера в бурьяне
На диком поле перелого
Шумят артельно ради прока.

Слезоточивая картина:
Горят леса, пылают рощи.
У расторопной расторопши
Изгильный вид, но суть притина.

От солнечного напыленья
Пыльца лишь и сплошная астма.
Село векует в отдаленьи
Из чистого энтузиазма.

2011

* * *

Деревня маленькая, а нищих много,
Всем не нападаёшься, хоть будь ты благодей.
Скалдырничают, мол, только ради Бога,
Которому возмутительно не до людей.

Расфокусированная даль туманна.
Не впечатляет топографический обзор.
Муха, нанюхавшись из стопок дурмана,
Мечется по окну зигзагистой, чем курсор.

Живём — настоящее время глагола —
Вздых зажатыми промеж завтра и вчера.
Когда-то в этой деревне была школа,
Но не было пива в сельпо... Не казус —
игра.

2011

* * *

Какой национальности — не знаю,
Блажная птица скляночно звенит.
Внизу плоится рослая лесная
Трава, чей цвет присвоил хризолит.

Почти за ботаническим пределом
Орлёной медью плавится сосна.
И пруд, играя мускулистым телом,
Вылизывает отмель до ясна.

Сюда бы хатку с верною лелекой,
Избушку ли с соседством соловья,
И пусть скрипит арбой или телегой
На кочках жизнь уклонная моя.

2011

* * *

Выёживаясь, как небритый кактус,
От холода и злости — в тон гитаре
Бренчу на тех, с которыми я, каюсь,
Сидел когда-то на одном гектаре.

Грехами средней тяжести нагружен,
Хочу взнестись, но не по тяге сила.
У Господа сейчас, наверно, ужин
При звёздах — у господ всегда красиво.

Цыганским солнцем опалило древо,
Прижатое ко мне спиной коряво,
Где речка убегала долго влево,
Пока не оказалась скоро справа.

2011

* * *

В липовых Сорочинцах сороки
Ярмаркуют, суетны и едки.
Из балачки уличной уроки
Извлекают ушлые излетки.

По-ростовски нараспев, в низине
Ветерок с застоєм стал бороться,
Где краснознамённые осины
Собрались на митинг у болотца.

Будто фи без косинуса, праздно
Вянет луг без косаря, однако.
В глубину небес гляжу напрасно,
Никакого мне оттуда знака.

2011

* * *

Эпитафия Н. Н.

Прожил ни слухом и ни духом,
Притом исправно ел и пил.
Земля тебе не будет пухом,
Ты эту землю не любил.

2011

* * *

Не просыхая, две недели квасит.
Прозорный сад почти одно с округой.
Но ближе стал любивший осень классик,
А жизнь квадратно-кустовая — круглой..

Как пионер Советского Союза,
Трепещет пламенно огонь в камине.
И наши голоса вот-вот сольются,
И дым отечества останется в помине.

От неучтённых факторов природы
Фантомно мреет птица болью вечной,
Не воробьиной, а другой породы —
Душевной, например, или сердечной.
2011

* * *

Хроническая стадия зимы.
Как финишные ленты, рвут тугие
Ветра рекламные растяжки, мы
Лопатим чёрный снег металлургии.

Уже оглавком ёлочным звезда
Стоит у изголовья на поглядку.
И город, сумасшедший навсегда,
Разучивает новую колядку.

Порок непролетарского лица
С весны бумага терпит на заборе.
И от начала, но не до конца
Права собачья жизнь в заочном споре.
2011

* * *

Всё-то у русских не как у людей,
Все перед всеми во всём виноваты:
То за рассаду бесплодных идей,
То за цветы ядовитой навады.

Дождь поновил за оградой траву.
Выгадал время, пока я газету
От возмущенья по буковке рву,
Грязную в принципе сплетницу эту.

Только при чём здесь, не знаю, она —
Злая бумага в свинцовом изъяне,
Если Россия теперь лишь страна,
Где не по чину живут россияне.
2012

* * *

Куда всё это поселю?
Забита память, в прошлом письма...
Нетрезво бродит по селу
Парторг, как призрак коммунизма.

Давно остывшая звезда,
Удел колхозного Жюль Верна.
Сюда не ходят поезда
И не придут уже, наверно.

Под взгорком втопан в глубь веков
Культурный слой моей саманки,
Где на рисунках черепков
Разгадка роковой обманки.
2012

* * *

Пора признать нам в двадцать первом веке:
Всё меньше человека в человеке.
2012

* * *

Общественно полезная работа
В компании с граблями и метлой
Привносит одомашненное что-то
В углы двора, где жирный лёд, как лой.

Я помню время: вся страна пылила,
Мела и тёрла, мыла и скребла
Едва зима утратила белила,
Но и весна зелёной не была.

Стихийное волнение народа
Под мудрым предводительством вождя...
«Теперь бы пива, — требует природа, —
И душевого для души дождя».
2012

* * *

Рубахи рвать, пупы царапать
Мы с малолетства мастера.
Махнуть в какой-нибудь Сарапул,
Спастись от пьяного двора.

И дома нет давно покоя
От телеклонов и шалав...
Узнать бы, что есть бог такое,
Вдруг подружиться возжелав.

Мазною ночью взабыль лихо
От кинематики планет...
Пустой стакан — дух бродит тихо,
Сошла материя на нет.

2012

* * *

У ног полулежим на щелистом полу,
Мне стиснул руку Миша Новосёлов.
Учителя сидят, за спинами в углу
С задумкой Шкинкатю стоит весёлой.

Я так и не воспел деревню поделом,
Уральский шмат хохлацкого разлива.
А детство — вот с оторванным углом
В бумагу заглянцовано счастливо.

Глазами Бога — незабудками — сквозит
Кукушкин месяц-май на повороте.
И больше, чем на вежливый визит,
Не тянет возвращенье это вроде.

2012

* * *

Язычник я — в лесной кумирне:
Деревья, птицы и зверьё...
И небеса в прозорах смирны,
И сердце благостно моё.

Не хороши, скажу, не плохи,
Шкварчат кузнечики в жару
И скачут, как большие блохи,
Как маленькие кенгуру.

Враскид посёлок — смятый перед,
По пьяной улице — разлом...
Выходит Тургояк на берег
Не столько гулом, сколь гулом.
2012

* * *

У меня, как при советской власти,
Право на бесплатное жильё
До сих пор имеют всякой масти
Птицы — окружение моё.

Вон скворечник, а под ним синичник,
Индивидуальное гнездо...
Наблюдаю зорче, чем зенитчик,
За небесной сферой от и до.

Мельтешит крылатая охрана
Яблочно-томатных рубежей.
Счастью — поздно, а несчастью — рано.
Хлопотней на воле, но свежей.
2012

* * *

Тюльпаны на пределе вызова.
Старик, худой, как богомол,
Почти похож на чёрта лысого,
Одно отличие — комол.

Отгородясь тепличной рамою,
Пыхтит с извонной стороны
Над продовольственной программой
Проголодавшейся страны.

Не диктатура пролетарская,
Не чистый разум — повезёт,
Неважно, русский ли, татарский ли,
В который раз нас Бог спасёт.

2012

* * *

Народу развелось — не посчитать,
И я — среди, наверно, неучтённый...
Дубок подрос, имеет вид и статью,
И дрыхнет кот под ним почти учёный.

И лúка море, и горох в усах.
Направо песни, и налево сказки:
Один сосед запил, другой в отмазке.
Русалки — так, а лешие в трусах.

Не дача — хижина на курьих ножках,
У хижины своя хозяйка есть...
Народ стучит, бренчит, шумит немножко,
И я народом быть имею честь.

2012

* * *

Да, «теперича — не то, что давеча».
Штаны задрав. махнёшь на комсомол.
Шумит Шумиха и пылью давится.
Чеглок залётный галок сверху смёл.

Где-то Уй в Тоболе растворяется.
Кровные дворяне и дворяничи
Дом на клюшку — и по гостям айда.
С пределами возможностей — беда.

По праву личной собственности нам
Урезонить старость не мешало бы:
Допекли претензии и жалобы —
Ни по ночам покоя, ни по дням.
2012

* * *

Я и слов таких не знаю,
какие выпекает птаха
в мятежном березняке,
радуясь утру,
интимному запаху травы
и призывному звону монет
в моём социальном
кармане.
2012

* * *

Баш на баш, как говорят татары, —
Голову на голову... не глядя...
Иноходны мы с тобой и стары.

Факт — не правоверные марксисты,
Всё же православные славяне.
Не костисты вроде, не мясисты.

Трогательный аргумент: старперы,
Хоть глядимся ничего наружно.
Мяло нас немало, но — стерпели.

И в итоге: стóим мы друг друга,
Отметая напрочь поговоры.
Я старик твой, ты моя старуха.
2012

* * *

Некультурные растения
Портят облик огорода.
С тямкой выхожу из тени я,
Грозный, как казак Голота.

Будет рубка до победного...
Ангелы затеплят свечи
Купоросного и медного
Неба Замиасской Сечи.

А растения культурные
Будут, сообразно с ладом,
Чтоб не стать литературою,
Пахнуть щами и салатом.
2012

* * *

Освенцим чуть не рифмуется со свинцом,
Колесница — ничуть с околесицей,
Может, и вправду выстраданною птенцом,
Выпарившимся на глум под лестницей.

Метушливая кошка снуёт взад-вперёд.
Тыква, что ль, подюжела за листьями?
Вялотекущий ручей подрыл огород,
Так что кроты оказались лишними.

До умиления сцена простецкая:
Лошадь, мирно пасущаяся на лугу.
Божия коли будет протекция,
Одолеть эту жизнь до конца я смогу.
2012

* * *

Татарский табак — сухой гриб-дождевик
Взорвался неслышно, болотной расцветки
Завесный дымок к обстановке привык,
Висит, зацепившись за стебли и ветки.

Изумки, ругачих дворняжек вредней.
С серьёзным намереньем машут руками.
Хоть мне через стройку до речки верней,
Но стоит ли связываться с дураками?

Навычным путём вдоль забора пройду.
Хочу посидеть у воды... Ну и ладно,
Что сыро и грязно, зато на виду
У юных берёз и пока что бесплатно.
2012

* * *

Потому как понабрался всякого
Мусора на вихревом веку,
Уважаю дедушку Аксакова,
Кланяясь родному языку.

С острым приступом недоумения
В книгу современную гляжу.
Посылаю венчанного гения
По ругательному падежу.

Обменяюсь чувствами с берёзою,
На которой весело, навзрыд
Пушкинским стихом, лесковской прозою
Голосная птица говорит.
2012

* * *

Не путайте меня с лирическим героем.
Мы — каждый по себе и в жизни и в стихах,
Хоть в складчину вершим судьбу свою
самстроем
Где из последних сил, где явно впопыхах.

Мы вроде дуэлянтов, вверенных друг другу.
Ильменская гора похожа на Машук.
Мобильником жужжит и ползает по кругу
Пластмассовый на вид башку сломавший
жук.

Но это не моё, моё же — землю роя,
Хранить очаг, растить детей, держать ответ...
А душу тешить — привилегия героя
И лучшего духовника, похоже, нет.
2012

* * *

Сюжетной линией дорога
К развязке приведёт меня
В сопровожденьи диалога
Крылатых персонажей дня.

Экспромтом за границей жанра,
Российский представляя стиль,
Колок, спасённый от пожара,
Подробностей не упустил.

Весна издания второго.
Снег под кустами лишь деталь.
Поля в пометках хлебороба.
Родная речь: за Далем — Даль.
2012

* * *

Ополоснув глаза слезами,
Июнь стоит пред образами
Лесных насупленных богов,
Обросших сверху и с боков.

Внизу, под услань, чепурной
Посёлок хвойной стороной
Уходит в облаках сирени
За яровое поле зренья.

Там новый скиф, но старый арий,
В пыль угнетённый пролетарий,
Безгласный, словно буква ерь,
Живёт во благо и в пример.

2012

* * *

Он водку запивает молоком,
Такая вот причуда у поэта.
А то, что был с Астафьевым знаком,
Давно писала местная газета.

Из окон во все стороны видна
Страна деревьев — вольная страна,
Где он обрёл среди лесного толка
Духовное убежище надолго.

И в следующей жизни по всему
Достойное займёт под солнцем место
Среди берёз, осин... И пусть ему
Поставит речь листва машин вместо.

2012

* * *

Пришиб kota — проснулся знаменитым.
Гудит подъезд, стихийно ропщет двор.
А кот был человек, к нему магнитом
Тянуло всех — вот плачут до сих пор.

Пусть в прошлом он — ходок и непоседа.
У кошек девять жизней, говорят.
И девять раз вернётся кот подряд
Спросить с антропоморфного соседа...

Смотрю, «быть знаменитым некрасиво».
Запомню этот случай и учту,
Довольный, что уладились насилу
Стихи как эпитафия коту.
2012

* * *

Наскрёб десяток слов душе в угоду,
Но дождь пошёл — испортил всю погоду.

Текущая реальность за окном
Заполнила пространство, как посуду:
Вода, машины, зонтики повсюду,
Уморный гул на взёме затяжном.

Сосед с высоким индексом «ку-ку»,
Из поколенья пепси и попкорна,
Вбить гвоздь в бетон старается упорно,
А я своё заветное — в строку.

Все заняты обыденным и важным:
Дождь — мокрым, умник — шумным, аз — бумажным.
2012

* * *

Я, видимо, достаточно ленив,
Умеренно застенчив по природе,
Иначе бы среди лесов и нив
Не куковал, но возгудал в народе.

Расслабившись, стяжаю благодать
Близ натурально фауны и флоры.
И коли не дано предугадать,
Что с ними станется — увижу скоро.

А между тем, хрипя, внизу река
Отвивком зацепилась за берёзу.
Никак не выпеваётся строка.
И пишут времена плохую прозу.
2012

* * *

В. Салимону

Покуда бьёт на поражение
Ковровый град по грядкам бешено,
Себя, как проиграв сражение,
Веду я неуравновешенно.

При рассмотрении внимательном
В нечеловеческом страдании
Погибли огурцы с томатами
И вкупе родичи их дальние.

Выходит, зря ждала и верила
Хозяйка — всё, ровно украдено.
Особо крупными размерами
Нас удивили нынче градины.
2012

* * *

Естественно, нам не хватило,
А за окном, конечно, мгла.
И сигарета на светило
Тянуть серьёзно не смогла.

Развыклые глаза не скоро
Узнали, пучась из орбит,
Родные ямы и заборы,
Где ива вежливо скорбит.

Раскрыв объятия — не верьте! —
Кресты навстречу, там и тут
Несовместимые со смертью
Друзья вчерашние нас ждут.
2012

* * *

Вопросов больше, чем ответов,
Как женщин больше, чем мужчин.
Вкусив свобод и благ отдавав,
Исходим желчью без причин.

В соседней, за стеной, квартире
Междуусобная борьба
По принципу «мочить в сортире»...
Дословна суть, хоть и груба.

В отдельно взятом огороде
Зачем-то репа не растёт.
А возраст наш в каком-то роде
Имеет в сроках свой расчёт.
2012

* * *

...когда от гимна и до гимна
Любили жадно и взаимно.
Земля ходила ходуном
От яркой смеси «два в одном»

В гормональном — так? — эквиваленте.
Весна не помнила о лете,
В её скворечной голове
Свистела птица или две...

Ни слёз, ни боли, ни тотема.
Давно закрыта эта тема.
Лишь под ребром долбит пустой
Надсадно дятел сухостой.
2012

* * *

Заколебала отставная шляпка
В унисон с курортной волной,
Как внимчиво старательная шляха,
По воде елозя подо мной.

На цепь посажен утомлённый пашник.
Кверху брюхом за бортом — луна.
Убрали, будто с поля брани, павших.
Берег чист, и будет ночь длинна.

За молом кто-то плещется с окункой:
Вынырнет — нырнёт и снова вы...
И луч маячный стрелкою секундной
Двигается чуть выше головы.
2012

* * *

Охреневший безурядный огород,
Шелестящий жестью пальмовой листвы.
Пусть бессовестная птица мне наврёт
Долгих лет и чтоб подальше от Москвы.

Затеряться в далях далей — не вопрос,
Как смешаться с обезличенной толпой
Всяких лип, но обязательно берёз,
Перевязанных в метёлочку тропой.

Окрасавился замыленный окол.
Будто кратер, пышет жаром влётлый луг.
Далеко ещё разумен и не гол
Этот мир, меня берущий на испуг.
2012

* * *

Как до коммунизма — до конца света,
А можно развернуть наоборот.
У Бога, что ли, попросить совета,
Какой дорогой двигаться вперед.

Без вариантов придушил бы сразу
Сломавшего берёзку на меже.
Пора прощаться с тем, что любо глазу
И до слезы волнительно душе.

Лихачит стриж над садом без опаски,
Боязничал он долго и терпел...
Дурак, стыдился материнской ласки,
Но говорить об этом что теперь.
2012

* * *

Они нас предадут, они уже, наверно...
А после них земля что пепел и труха.
За улесью в кустах обглоданная ферма,
Скелет бетонный, прах под сенью лопуха.

Прикормленные здесь и там живут нехило.
Жидовствуют и там, и здесь наверняка...
Родимчик бьёт вдову — брюхатая могила
Родить, конечно, ей не сможет мужика.

Жаль, ситуация не позволяет плюнуть,
Я плюнул бы со вкусом прямо им в глаза.
Беда: отечичи на их приманку клюнут,
Приняв жудёжь за ангельские голоса.
2012

* * *

Похоже, назад не вернётся тепло.
Свалялись в кошму плотно тучи.
Вдруг круто в деревню меня понесло,
Хоть были задумки покруче.

Внаготку осинник дрожит на ветру.
Со стадом шальных иномарок
Козу — всё хозяйство своё — крест, не вру,
Пасёт вдоль дороги устарок.

А впрочем, сказать я хотел не о том,
Что жить стало борзо и хватко.
Глубокого, даже в доступно простом,
Знамение вижу упадка.
2012

* * *

Дожить до курьих именин, когда
Излётный пух у ели на реснице
И сталью златоустовской лоснится
Уже не речка — твёрдая вода.

А за углом — пельменная пора,
Была в деревне, помню, и такая.
Мороженое молоко... Сестра
Глодала сырники, простуде потакая.

Раскованная лексика ворон...
Увы, художник должен быть хорошим,
Чтоб передать всё это, огорожен
Любовью родины со всех сторон.
2012

* * *

Ни чёрная дыра Коркинского разреза,
Ни разменная мелочь метеорита
Не приманней кромки косоурого леса,
Где тайна, не помню какая, зарыта.

Сдыгали что-то, чрева таблетками пуча.
Осень от безрассудного цвета в трансе.
Упречно искрит высоковольтная туча,
Рвано свесясь по ходу прогресса, к трассе.

Холоднокровный ручей, вплетаясь в осоку,
Щурёнком елозит и птичка на вичке —
Взлетела над стороной не так уж высоко,
Где весело жить не беру я в кавычки.
2013

* * *

Жизнь у дерева перпендикулярна.
Дворник с летательным аппаратом, пыля,
Возится рядом, притом регулярно
Чешет потылицу, не бросая руля.

Ветхий ротвейлер с криминальным прошлым
Давно отгодился и доживает век.
Когда-то и я был верно хорошим,
Теперь статистический лишь человек.

Куст благозачный, где пчёлы нагалом.
Израна дионисийствует молодняк.
Как будто искажённая Шагалом,
Припелась перспектива, притомил сквозняк.
2013

* * *

Облúнок, скользкий как обмылок,
Мелькает в пенной синеве.
Давно не дерзок и не пылок,
Векою в полном меньшинстве.

Под звёздами и под крестами
Свидетели поры иной...
Музейно смотрятся кристаллы
Архитектоники ночной.

Играют окна в переглядки,
А на душе ни то, ни сё.
И всё как будто бы в порядке,
Как будто бы в порядке — всё.
2013

* * *

Под честного певца отряда воробьиных
Фанерная попса с терпужной хрипотцой
Вконец изводит нас тоской в ночных глубинах,
С которой утонул бы трезво даже Цой.

Давно по факту все мы вроде россияне
И по взаимному расчёту — земляки.
А между сердцем и душою расстоянье
Короче звука певуна из-за реки.

Вначале было кириллическое слово,
Маравшее забор, пролом в надел богов,
По пояс небеса, где оглушала снова
Полифония оперённых берегов.
2013

* * *

Без успеси улагодится к лету
Село, поправив пайные дела...
Берёзка сухолядая балету
Учить осинник в поле повела.

Весеннего период обостренья.
Тептять не понимает немтыря.
Зато по жилам кровь бежит быстрее
И бабы снятся мужикам не зря.

Я эту тему развивать не стану,
Изнудой чтоб читателя не брать.
Смотрю, как марширует неустанно
Вдоль гряд грачей эсэсовская рать.
2013

* * *

Изболело дерево, избылось,
Не живёт, а лишь отбрасывает тень.
Кинув пажити на божью милость,
Пьяно спит под ним оратай целый день.

Облеклась в настойчивую зелень
Отчина моих покойных деревень.
Всяк тут принят, по кустам расселен,
Жуковатей всяк в траве и здоровей.

В мусковитной речке не при деле
Холерический гольян задремлет вдруг...
Я как высший позвоночный еле
Сохраняю равновесие вокруг.
2013

* * *

И снова жизнь походит без труда
На ржавый самокат с одной педалью.
Уже впадаю в детство иногда
И долго из него не выпадаю.

Осенними пигментами едва
Опятнана гульная ежевика.
Кочанится до хруста голова
На грани тектонического сдвига.

Заброшен телефонный помянник.
Заботы неубывные в опале.
Такое ощущение, что проник
В садовье наглый вор, пока все спали.
2013

* * *

Долго весне немоглось,
Лету не очень хотелось.
Хрен душу вкладывал в злость,
Редьку заботила спелость.

Осень считала цыплят,
Ловко сбиваясь со счёта.
Глянцевый мой циферблат
Выцвел безвременно что-то.

Милая, глянь за окно:
Чёрное с белым — родное,
Будто немое кино
С Верой Холодной в иное.
2013

* * *

В добровольно-приказном порядке
Мимо маршируют муравьи —
Римляне античные, мои
Топчут приусадебные грядки.

Мы у них за варваров, наверно...
Вон крапива затаила злость.
Лук, отстреливаясь, вянет мерно,
У калины что-то не срослось.

Выглядит трагично куст бадана.
Сливы неособенная статья...
Я вчера читал до ночи Дана,
Чехова бы надо почитать.
2013

* * *

У меня и в мыслях не было обидеть
Эту взмётчивую птаху над кустом.
Просто я хотел весне найти эпитет,
Ровени пелесой радуясь притом.
Здесь по пять берёз на душу населенья.
Озеро плеснуло взглядом из травы,
Полное воды и бездельяжной лени,
Где и цвет, и свет кругово правы.
Где тропа утёком, ветерок воблипку,
Измельчалый до привычного песок...
Жизнь мне подарила лишнюю улыбку,
Сразу стала легче, крепче волосок.
2013

* * *

Колхозный сад периода упадка.
С какого боку на него ни глянь:
Червец и тля, ножовка и лопата,
Попухший страж — всему предел и грань.

Едва не захлебнулся кран от всхлипа
Давно до капли вытекшей водой.
Клюв нараспашку, побираясь, скнипа
Актёрствует с вороньей прямотой.

Вернуться бы в свою лесную книгу
По строчным тропам, строчечным полям
Пока замешивает жизнь интригу
Из будущего с прошлым пополам.
2013

* * *

Душевный веред причиняет вред,
Когда смотрю былой деревне вслед,
Бредущей обречённо в никуда,
Свидетельнице пасторальных лет.

Лонись, сказала б мать, запел овёс.
Всё мутно, невпромер и на авось.
Пока со мной не разберётся Бог,
Я буду слышать эту боль насквозь.

Токуют на бугре тетерева,
Прилипчивы их жесты и слова.
А мне ночами в каменном плену
Трава у дома снится... трын-трава.
2013

* * *

Проснулся с ужасом от крика Мунка:
Соседа за стеной терзала мука
Похмельного синдрома, не иначе.
Под радугой оконной занавески
Вызоривались, впусшены, но вески
Другие звёзды, велей, чем на даче.

Пока огорожанимся сначала,
Привыкнем, паникуя одичало,
К железу, к дыму, к улице толочной,
Войдём в пространство общих интересов...
Но — тишина: поди, семью порезав,
Сосед висит на штуке потолочной.
2013

* * *

Интеллектуальная работа
Дворника с программною метлой.
Состани кипит под крышкой что-то,
Даже мозг спрямляется вилой.

По мировоззрению неуместный
Спит в присёлке чуждый элемент.
И навичный не по-русски местный
Птах по-русски вдруг подпел в момент.

Прилагательных переизбыток.
Существительных — пучок избитых.
Бродники без назова с горшка...
Только лист червовый в масть пока.
2013

* * *

Есть желание, но нету повода...
Нравно воробей картавит с провода.
Столб косит под пьяного, избочина
Слабо этим фактом озабочена.

Свет неясного происхождения.
Валенками март дивит прожжёнными.
Стонет молчаливо от хотения
Кот агатовыми кабошонами.

То наречия приходят хмурые,
То весёлые деепричастия...
Но на теоретическом уровне
Будем мы с тобой еще счастливы.
2013

* * *

Город Коркино имени Кердана.
В лёгких угольной пыли комок.
Отцветая, сирень тешит преданно,
Я, наверное, так бы не смог.

Потому и стою на обочине.
Мимо гордо проходят рабочие,
Не рабочие просто идут,
Свой у каждого строгий статут.

Ничего я не вижу из прошлого,
Хоть до дна обнажён мезозой.
Чёрным-чёрным давно припорошена
Юность ранняя с детской слезой.

2013

* * *

У них засибирило, а у нас зауралило,
Месячная норма выпала сразу в осадок.
Лыжи я наострил, но не подумал заранее,
Что заверюха там сделает с культовым садом.

Слепо неверной дорогой иду я, товарищи,
Маркой зимы полотно неумело утюжа,
Будто к святкам готовясь, тороплюсь отовариться
Школьным запахом хвои, винным привкусом стужи.

После долго, наверно, буду из глаз вымаргивать
Сосны, поле с пшеницей, брошенное в запарке,
Любуясь в сугробах застрявшими иномарками,
Радуясь рядом мурлыкающей кофеварке.

2013

* * *

Даже в нагло-русском словаре
Нет уветней слова, чтоб с налёта
Пьяную «Катюшу» во дворе
Усмирило на расчёт народа.

Миротворно светит из угла
Бронзою подфурная икона.
Если б песня трезвою была,
Запретить — такого нет закона!

Те, кто с детства от ума отстал,
Думают иначе, злы и рьяны.
Биться с ними в кровь я бы не стал,
Вроде как в мои не входит планы.
2013

* * *

До тугого на ухо читателя
Мне не докричаться всё равно.
Улицу просматривает тщательно
Птица с носом, как у Сирано.

В зоне видимости я, наверное,
Как не вызывающий доверия,
Рваными отопками скребя,
Отвлекаю стража на себя.

Между палиндромом и поллитрами
Ямы вдоль и ямба поперёк
Надо не оставить неполитыми
Моркой грядки гениальных строк.
2013

* * *

*...кудреватые Митрейки,
мудреватые Кудрейки...*

В. В. Маяковский

Литература от литературы...
Визжат в натуре в тёмных куцах дуры,
Нахал под юбки лезет им глубоко.
Живая жизнь, она всегда от Бога.

Кудрейко, кудреватый-мудреватый,
Который признавал в тиши приватной:
Стихи из пальца, из московской клетки,
А ты в рабочей гуще пятилетки...

Нам повезло, нас чтили и читали,
Не без того — по головам считали.
Но писанные от руки глаголы
Насущней, чем олбанские приколы.
2013

* * *

Состав преступления:
самогон из бурака,
брага на махорке,
одеколон тройной,
стеклоочиститель зимний,
килька в томате,
капуста морская,
хлеб пеклеванный...

2014

* * *

Нереализованные комплексы
У соседа сверху налицо:
Целый день скребётся он и скоблится,
Так в селе трут голиком крыльцо.

Ствол у яблони едва загоится,
Заботвеет овощ, как всегда.
Начинает громко беспокоиться
Трясогузка около гнезда.

Всё по-божески, на генном уровне.
Даже мелочь вроде комара,
Ядом злонамеренно окурена,
Кровожадно голосит с утра.
2014

* * *

На фоне окружающей среды
Что привлекает — не совсем понятно:
Не то рук человеческих следы,
Не то оптических явлений пятна.

Пейзажи тихой лирики полны.
Развялило кустовник у стены.
Уже не рано и ещё не поздно —
Гораздят повыком синицы гнёзда.

Где силовые линии полей
Переплелись мережево с лесными,
Стоят озёра... Как полиелей,
Восходит свет божественный над ними.
2014

* * *

Взятяг дышу, как сигарету
Раскуриваю поутру.
Вишнёвый запах амаретто
Так, для красоты, привру.

Давно оборышные сласти
Доели осы, потому
Такие проявляют страсти,
Что страшно стало нам в дому.

Вот и в борьбе не за медали,
А за любовь родной земли,
На унавоженном майдане
От вил к лопатам перешли.

2014

* * *

Не лучший поворот сюжета:
Гроза с полей наперерез.
С берёзовым акцентом где-то
Шумит в пределах слуха лес.

И пусть хорошим человеком
Прикинулся дорожный щит.
Не разглядеть в явлении эком
Того, кто зычет и трещит.

Кипит и пузырится всюду,
Как реактивная среда...
Осина своего Иуду
Ждёт, зарумянясь от стыда.

2014

* * *

Привык ходить с руками за спиной,
Когда вдогон: «Продал, похоже, сено!»
Как слётки, листья кружат надо мной
Под грустную картавинку Дассена.

Рванула перелётная попса
Из летних мест на зимнюю халтуру.
Любовь звала во облацах поза-
Вчера, но я не согласился сдуру.

Теперь топчусь досужно на земле.
Заломленные вместо крыльев руки.
От бражной осени навеселе
Всё сущее известное науке.

2014

* * *

Смысловое пространство,
которое необходимо преодолеть
между полем рапса
и полем донника,
как между Полем Верленом
и Полем Валери.

2014

* * *

По чёрному вельвету поля
Жучок оранжевый пылит.
До боли солнце жжёт, тем боле
Не дух — материя болит.

Закон земного притяженья
Прижал таких, как я, шеперь.
Ни каланхоэ, ни женьшени
Не окрылят уже теперь.

Гляжу на небо, жду отмашки.
Вокруг не тишь, но благодать.
И белокурые ромашки
Зовут лукаво погадать.

2014

* * *

Домогательства любителей природы:
Навздымь подняли лес, взмутили пруд,
Корчуют, роют — луга, как огороды,
Палят на звук и пленных не берут.

Да, быть человеком нынче некрасиво.
Не поменять ли в знак протеста вид?
За волной волна, на скоропись курсива
Похож ковыль, что взмыться норовит.

Пень кутним зубом торчит на повороте.
Помеж берёз ель весело росла...
А вы всё так же патриотично врётё,
И жаль, на вас нам не хватает зла.

2014

* * *

С фаянсовым хрустом в гнезде
Ломает птенец скорлупу.
Заметив круги на воде,
Разглажу морщинки на лбу.

Пришли перемены — не те.
Надежды ушли — навсегда.
С кукушкой в лесной колготе
Казённо итожим года.

Голимая проза весьма.
У радуги сгиб не в дугу.
Додуматься — мало ума —
До счастья никак не могу.

2014

* * *

Кривится озеро и щурится от ветра,
Попал за веко будто бы песок.
Душа нишком степной ландшафт отвергла,
Азарт повял, а интерес посох.

И свойство зеленеть не отобрать у леса,
Где покол гнездится человек.
Всё тяжелей во мне течёт не в такт железо,
Закономерзостней иначит век.

Повымеркнут луга; как совесть в чистом виде,
Приспееет неудобная зима.
Уже ничем, лета, меня не удивите:
Я прозорлив и опытен весьма.
2014

* * *

На фоне табака и перегара
Пахнула баней настель невзначай.
Судьба за дурь немного поругала,
Но пригласила вежливо на чай.

Пока не повышает совесть голос
И не колышет радиоволна,
Смотрю как яблоня, приборахолясь,
Закозырилась, важности полна.

Поразогнав отдельных персонажей,
Берусь за ум и за лопату враз,
Понеже над агрикультурой нашей
Витает дух, а не какой-то газ.
2014

* * *

Что-то приушипились гормоны,
Кровь отпузырилась, как шампанское.
Не слышать за озером гармонии,
Не зудят марьяжно мухи шпанские.

Расшатала нервную систему
Ветры вследных лет, надмеру борзые.
На акмеистическую тему
Лес шумит, поэты дружат с прозой.

Вот до первого дожили грома.
Заповедей божьих не нарушили.
За окном сирень, акаций кроме.
Расшалились мальчишки оружные.

2014

* * *

Снежок в окне! — но это уже слишком.
Ещё календари упоино сентябрят.
В шуршании шершавом, еле слышном,
Впотай назольный совершается обряд.

Как учит диалектика, не знаю.
Погода создаёт интригу неспроста.
И тема осени теперь сквозная,
Подобна сквозняку на хворые места.

Покуда тучи лишнее сливали,
Растеребили ветры их овечью шерсть...
Другими надо бы сказать словами
Всё это — что поделаешь, какие есть.

2014

* * *

Курописным почерком заполнена
Финская бумага декабря.
Вольная тропинка не запомнила,
Где блудила потеплу, а зря.

Провалился до колен, как в валенки.
Примагнитился к земле, прирос.
Взмыла птица тёмной тенью Ваенги
Мимо нержавеющей берёз.

Вперемес коптит почти промышленно,
На страну обидевшись зело,
Небесмысленное небезмысленно,
Вкось разглавленное, вкривь — село.
2014

* * *

Ледок сталист, как сталинист,
Будто стальной, пружинист лист,
Под ним исподний слой
Не столько илист, сколько мглист,
Где остролист больней, чем хлыст
Угрозой жалит злой.

Зернится снег, хрустит зерно,
Мукою сеется, оно
Забило закрома.
Шуршит позёмки полотно.
И нет меня уже давно.
Окно, в окне — зима.
2014

Септет

Душеполезен роздых иногда.
Листаю том неведомого поэта.
Стихов дистиллированных вода:
Ни запаха, ни вкуса и ни цвета.
В чём польза их в отличие от прозы?
А польза в том, что нету в них вреда.
И вред, конечно, в том, что нету пользы.
2015

* * *

В ритме пятистопного хоря,
Зримо соловья и зверя,
С головой в ботанику залез,
Зиму смирно отстоявший лес.

Лето как привет от гидромета.
К пафосу не склонного поэта,
Будто спьяну покачать права,
Тянет на красивые слова.

По фенологическому знаку
Утренник сады пугнул, однако.
Солнце поднялось на крышу дня:
Так виднее на земле меня.
2015

* * *

Стихийный дворник, он того... ку-ку,
Кукушка ещё в детстве улетела.
Застрял, стою, как памятник, в снегу,
Но тот хотя бы крест несёт за дело.

Под атлетичным вязом ржавый бак
Окучен и помят, повален, что ли...
Напротив за решёткой дремлет банк,
Где деньги размножаются в неволе.

Переплелись извилины в башке
И, врать не буду, трудно стало нынче.
Внимательный мороз — я належке,
А дворник часом аморальней Ницше.
2015

* * *

Огородник с садоводческим уклоном,
Омичуринным гордясь заметно клоном,
Райским яблоком блажит.
Что-то выкрикнула птица заполошно
С осторожного куста — подумать можно:
Зверь там распужной лежит.

Социально заземлённое пространство.
За теплицей роза изгораёт страстно.
Братских гряд мемориал.
Но причинно-следственную сутью стали
Дождь крупнозернистый, гул морской в металле,
В муравейнике — аврал.
2015

* * *

Взрывоопасна мина на лице,
Точней, на морде псиной, угрожая...
Сад в меркоти дрейфует и ленце
Под тяжестью годов и урожая.

Окрест канавы, свалки, сорный лес
Как обстановка общего распада.
Стихийная страна со мной и без
Попала сдуру в положение пата.

Цветы, замешанные на страстях,
Кичатся именами у забора.
И нервы у хозяина внатяг:
Похоже, он во мне увидел вора.
2015

* * *

Несостоявшийся художник,
Как и несбывшийся поэт,
Смотрю на шелестящий дождик,
Смывающий мой грешный след.

Вода, явление природы.
Напоминает ткацкий цех,
Где, знаю, не хватало сроду
Невестам женихов на всех.

Иной пример — челночный ткачик:
Женат, детишек через край...
На пустыре лукавый хачик
Свой дорисовывает рай.
2015

* * *

Гимн пропело радио ровно в шесть.
Я ждал чего-то вещего напрасно.
Из-за плохого обмена веществ
Тихо склонилась рябина на прясло.

Похоже, дрозды болтливей сорок,
Цыганистей, может, проворнее в краже.
С утра вдохновило на пару строк
Хозяйство единоличное наше.

Погиб в этнической чистке скворец.
Вдове нелегко прокормить сироток.
Сравнительный оборот на конец:
День, как младенец, невинен и кроток.
2015

* * *

Тургоякская с пенкой вода.
Синий в пупырышек Евтушенко.
Под шампанское ели тушёнку,
Незаметно чинясь, господа.

За моральным порядком следил
Секретарь городского парткома,
Не боящийся лишних седин,
Лыс по брови, зудящ насекомо.

Обсыхал потихоньку поэт.
Баллистически ель сторожила.
Рассевала окрест млечный свет
Сверху золотоносная жила.

2015

* * *

Работа требовала действенных глаголов,
А я шалел от прилагательных весны.
Теперь я стар и оживаю от уколов,
Которые полезны, хоть весьма вредны.
Лежит под капельницей город, хлорофилом
Не обеспечены растения пока.
На доброкачественном, но болезно хилом
Наросте льда уже читается река.
Чужая где-то, птицы прилетят обратно.
Подаст надежду врач, отгладив свой верстак.
Не воздух — алкоголь, по три глотка на брата
И жить не страшно и полезно... Как-то так.

2015

* * *

Мимо берёз, у дороги стоящих,
С песней спешит молодняк на вокзал.
Был комсомольцем и я настоящим,
Хоть комсомольских стихов не писал.
Сукин я сын трудового народа.
Ближе всегда мне живая природа:
Птички, околки, цветочки, боры,
Пыль силикозно-карьерной поры...
Облево рощи, не зрелища ради,
Речка штурмует заторы, искря.
Тропы узлятся, как буквы в тетради.
Даль, горы — из моего словаря.
2015

* * *

«Караокая» хохлушка —
Повна пазуха цицьок.
Отзывается Алушта
На призывное цок-цок.

Дремлет море под ногами,
Послужившее векам.
Липнут яхты к амальгаме,
Как капустницы к вилкам.

Жалобную книгу Бога
Разметало в клочья, в дым:
Чайки вьются, чаек много...
Жизни след неуследим.
2015

* * *

Моя биологическая родина.
Вызывающий эпитет на языке...
Давно звучит уральская мелодия
В душе — простой, как картинка вдалеке.

На оброчной земле братья по разуму
Случайно, по охоте к перемене мест —
Под мутным небом собрались по-разному,
Где нас не пьёт назола и туга не ест.

Надо очень обидеть Бога, чтобы не...
Впрочем, лучше выглянуть сейчас за порог:
Белый лес, синий снег, звёзды особые...
Как и кому оставляю всё это я в срок?

2015

* * *

В лес не зовут, сюда приходят,
Житейским мусором полны.
Деревья скоро приохотят
К режиму шумной тишины.

Переведут на птичью мову
Простые радости души.
И без вмешательства прямого
Настроят на мажор — дыши.

Как говорится, позитива
Опрочь хоть вдоль, хоть поперёк.
Не любит лес, когда ретиво
Его заготавливают впрок.

2015

* * *

Вточь по физике твёрдого тела
Прорастают кристаллы воды
Сквозь траву, что стареть не хотела,
Несмотря на смиренность среды.

Уклонясь от высокого долга,
Сбросил дуб масхалат, а в логу
Пишет сказку про серого волка
След шумерский на пробном снегу.

Жизни больше, чем литературы.
Трактор тракает, пьяный блажит.
В сумерках дети лепят скульптуры.
Тени крадутся, страх сторожит.

2015

* * *

В то лето много было комаров
И мало интересного в округе.
Мы растворялись медленно друг в друге
В пределах неизведанных миров.

Нас уносили солнечные ветры
От папиллярных линий троп и трасс,
Селений, розовых под ортоклаз,
Где серебрились на закате вёты,

Текла невозмутимая вода
Под дымкой обонятельной отрады
Цветущих трав в периметре ограды...
Куда мы не вернёмся никогда.

2015

* * *

Несдержанная на язык ворона,
В которой больше чёрного, чем белого,
Подсматривает сверху вроде дрона,
Что это я с навозной кучей делаю.

Позируя, зовёт в объятья пугало.
Во всё подряд суются осы вяло.
Бензокосилка за углом попукала
И даже некультурно навоняла.

Примеривая шаг к силлаботонике,
В сердечном ритме мчащих электричек
Пройдусь окрест — пусть птица плачет тоненько
И не меняет мир своих привычек.

2016

* * *

Помазал, потёр, пошаманил,
И вроде опять на ходу...
Дамасская роза жеманно
Теснит ретирадник в саду.

Я помню сирийское небо
Застиранный голубизны.
Нелепо представить Алеппо
На склонах миасской весны,

Где тень, мухроватая слива,
Калина совсем не плоха,
Где птица живёт боязливо
На дне неглубоком стиха.
2016

* * *

Среди паслёновых и крестоцветных,
Вино последних радостей цена,
Вот жизнь моя, вся из сучков и веток,
Уже давно переросла меня.

Мечты теоретического плана
Украшили, как ёлку в Новый год.
И кружит под истошный крик Бирана
Свой в корень ботанический народ.

Но, покумясь, я не ищу заручку
Ни у степей, ни у родных лесов.
И облака, однажды сбившись в кучу,
Откликнутся на мой прощальный зов.
2016

* * *

Едва инакомыслящий тростник
Утешил изволнованную речку,
Под жирным отсветом луны возник
Огонь в окне — зажгла хозяйка свечку.

Угарный запах бани из кустов.
Туда-сюда перелетают звёзды.
Уже не рано, но ещё не поздно,
Коль даже перепел спать не готов.

Языческая красота берёз
Заманит в лес и облечёт туманом,
Где сам с собой окажешься ты врозь.
И это будет сном, а не обманом.
2016

* * *

На груди своей пригрел кота я.
Он, как стимулятор, сердцу важен.
Промеж век нишком шары катая,
Кот мурчит не нашим и не вашим.

Домосед с начинкой либерала,
Без особых принципов морали.
И в разгар кошачьего аврала
Сам орал, поскольку все орали.

А диапазон — Уитни Хьюстон! —
На четыре с минусом октавы...
Где-нибудь в проулке захолустном
Бродят детки, рыжи и писклявы.
2016

* * *

Остывшеею планетой вижу сад.
Когда-то здесь, вестимо, обитали.
Кусок трубы, горшок, в кустах висят,
Сотлев, портки, другие есть детали.

Куда девались инки? — вот вопрос.
Белеет снег, торчит скелет забора.
Не Мачу-Пикчу — сад, но весь зарос.
И вряд ли кто сюда заглянет скоро.

Ногастый лес, как варвар без креста,
Растопчет память о земном приюте,
Когда, отрясным яблоком хрустя,
Своим твореньем наслаждались люди.
2016

* * *

Выпускаю из бутылки джинна,
Наблюдаю весело за ним.
Наглость божества неудержима.
Помысел его необъясним.

Сидя под дырявой сенью груши,
Сочинить интригу нелегко.
Снулый кот на солнце греет уши
И заочно любит молоко.

Вроде доброкачественной злобы
Птица проявляет интерес...
Голову слегка проветрить чтобы,
Отправляюсь ненадолго в лес.
2016

* * *

Медузный фейерверк парашютистов.
Хор одуванчиков до края небосвода.
Крик прошлого отчаян и неистов,
Как дня, отставшего от месяца и года.

Кругом коттеджи — тетраэдры, октаэдры.
Приходят и уходят вроде зуда,
Ещё желанья, жизнь намеривает метры
Пока не прозвенит звонок оттуда...

Вот клён красиво старится у прясла.
Сомнительная мудрость старика почётна.
Мутнеет даль, над горизонтом грязно,
И детство видится сквозь толщу лет нечётко.
2016

* * *

Большой начальник с маленькой зарплатой
С утра под окнами шуршит метлой.
Апрель с досады вдруг готов заплакать,
С погодой не справляясь нежилой.

Культияпый пионер, с тобой мы квиты,
Увечные и телом, и душой.
Окулировкой в приклад привиты
Друг к другу, биты гипсовой паршой.

Свободные от совести потомки
Нас выбросят под музыку без нот
Пока в осадок выпадут потёмки
И солнце окнам зрение вернёт.
2016

* * *

Уже расплавлена река.
Обочь расправлена дорога.
И тайный крест кладёт рука
Во имя солнечного бога.

Погода моровая, юже
На градус лучше, градус хуже.
Снег доживает, словно век
Отдельно взятый человек.

Уходят поровни нишком.
Цветы по следу неживые...
И рвутся нити дождевые,
Как ни вяжи их узелком.

2016

* * *

Пиктографические ели
На фоне гнейсовых пород.
Пейзажи с дымом надоели
И трубы на сто лет вперёд.

Заборы, арматура, блоки...
Повымерли в тени имён
Давно, как греческие боги,
Герои сказочных времён.

Гроза ль, метеорит бабахнет,
Сосед ли загудит слегка...
Здесь русский дух, здесь Русью пахнет,
Хоть и с угаром шашлыка.

2016

* * *

Приёмник радиоактивный:
То песни с плясками, то без...
Стоит под заволочной тиной
Большое озеро небес.

Вино слегка смущает разум,
Как душу женственность берёз.
В любви с ума не сходят разом —
Поодиночке и всерьёз.

По содержанию интересен
Окольный лес, где по тропе
Иду вменяемый, хоть тресни,
За сумасшествием к тебе.

2016

* * *

Однословной язык собаки
Мне понятен больше, чем другой.
Только исподволь землёй запахнет —
В город мы без дела ни ногой.

Слушать — органическое свойство
Немо молчаливой тишины.
Наступает травяное войско.
Мелкие налётчики видны.

Щурится в кустах родник от света.
Одуванчик вырос на меже...
Пусть напишет кто-нибудь про это,
Сам-то не успею я уже.

2016

* * *

Пожаловал в деревню за стихами
Поэт давно и прочно городской.
Готов вставать зазнамо с петухами,
Встречать табун, коль водится такой.

Ни хрен с бугра, но ровников живее,
Которого назвать не стыдно вслух.
С поправкой на ненастье лес, ржавея,
К искусству оказался нем и глух.

Не вдохновили ни холмы, ни ямы
Преступно разорённого гнезда,
Где до сих пор хорей или ямбы
Журчат в лихой дурнине, как вода.
2016

* * *

Древнее меня только греки,
И то, приглядишься, не все.
Не насмерть стоят, а навеки
Опоры у края шоссе.

Полынь из другого пейзажа.
Мозолит реклама глаза.
Я помню как плакала Саша,
Когда вырубали леса.

Доколе в душе прояснится,
Отмечу, сколь мир оскудел.
К ненастью болит поясница —
Вполне стариковский удел.
2016

* * *

Лицо собачьей национальности
В улыбке расплывается, когда
Из ближней я возвращаюсь дальности,
Как будто разлучались на года.

Призар на молекулярном уровне
Без расового превосходства, так.
Пусть и стилистически сумбурная,
Судьба в пределах счастья — не пустяк.

Жизнь под старость больше сучковатая,
Хоть и правильная, как доска.
В честном взгляде что-то виноватое
Я увидел, умерев слегка.
2016

* * *

В пору полового созревания
Звёзды воспалялись, как прыщи.
Щипачёвской лирикой позванивал
Лунный свет — вздыхай и трепещи.

Абсолютный образ поклонения
Не вымысливался под вираж,
Что закладывал по воле гения
Пробно романтический увраж.

День вчерашний, ощущение дикое...
Запад по-над зёрёкой кровит.
Старый ворон с менторскою дикцией.
Яблони ошеломлённый вид.
2016

* * *

Больной на голову болиголов,
Белоголов и пахнувший мышами.
Родня его все планы мне смешала,
Гнездясь в пяти из четырёх углов.

Гнал за ограду — тащится назад.
Какой-то заповедник, а не сад:
Крапива, клевер, золотая розга...
Наглядно просто, натурально броско.

Пощёчиной общественному вкусу
Лопух нагульный на глазах мужал...
Цвети, плодились, расселялись густо,
И я, похоже, им только мешал.
2016

* * *

Дай, Боже, мне столько годов...
Я ко всему давно готов,
Но не к труду и обороне.
Дал Боже столько мне годов,
Почти как сказочной вороне.
Смотрю обратное кино
И молодею заодно.

Сон разума родил войну.
Один в тюрьме, другой в плену.
Босое детство бродит в поле.
Весёлый флаг висит на школе...
Жизнь надо начинать с конца,
Не с матери и не с отца.
2016

* * *

В плотных слоях городской атмосферы
Осень сгорает, и лезут в глаза
Многоэтажки, от сырости серы.
К мёду на чай напросилась оса.

Анатомическое совершенство
За пролетарской оградой из труб
Ели случайной... Не будем о женском.
Мир по-мужски и неловок, и груб.

Тихо привёл приговор к исполнению
Сон — завязалась мурлыка узлом.
Выстрогать, что ли, себе из полена
Друга, чтоб спеть было с кем о былом.
2017

* * *

Сгорает флаг — порыв патриотизма.
Гремит ударно музыка вокруг.
Сквозь гущу лет проволглый взгляд
протисну,
Шагну за край, как отобяюсь от рук.

Теперь уже мне всё, простите, можно.
И коллективный разум надоел.
Я помню детство, сиротство и реможно
Стоящее в тени великих дел.

Не мной подмечено: увидеть завтра
Ещё не удавалось никому...
Прошла пора охоты и азарта.
Пришла пора остаться одному.
2017

* * *

Чугунолитейные кряду
Деревья стоят на снегу.
Такую картину в награду
Принять я никак не могу.

С библейским подтекстом упрямо
Шуршит ледяная крупа.
Вокруг обмирщевшего храма
Орда, по-цыгански груба.

Печной закопчённости город
С народной славой знаком...
Кабы не уральская гордость,
Давно б жил я сибиряком.
2017

* * *

Море пахнет стиранным бельём.
Баржи слева — лишние в пейзаже.
Мы ещё не курим и не пьём,
И с любовью не знакомы даже.

Малый промежуточный народ
С неуёмным зудом комсомола.
Чайка оглашенная орёт.
Ноет сломанная челюсть мола.

Задаль дымка ветха на просвет
И до горизонта меньше мили.
Мы ещё... а нас уже и нет,
Только что, поверьте, жили-были.
2017

* * *

Бдительно, как на заставе:
Тут не встань, там не задень...
С ля-минор второй октавы
Начинает птица день.

Под недельною щетиной
Крепнет дух у чеснока.
Стала старость ощутимой,
Надоедливой слегка.

Ареал пенсионеров.
Жизнь, похожая на месть.
Не хватает людям нервов,
Остальное как бы есть.

2017

* * *

Природа надо мной не потрудилась,
В чём твёрдо убедился даже я.
А вот весна, похоже, подрядилась
В скворца перечирикать воробья.

Воздушное пространство нарушая,
Над садом хищно кружит воронья,
Где неконкретная, зато большая,
Прикрыла тень наличие моё.

Догожий, без злодейского резона,
Улёгся пёс на озелень газона.
Вокруг от одуванчиков желто.
Басят шмели, которым я никто.

2017

* * *

Силой притяжения дивана
На лопатки нас не уложить.
Нынче птицы прилетели рано,
Дольше чтоб на родине пожить.

Растворясь в берёзовой массовке,
Партизанит мелкое зверьё.
Под брезентовую масть осоки
Прячет копань зеркальце своё.

Мировой порядок не нарушу.
Обойду округу по кольцу,
Раскрывая незаметно душу
Богу, как приватному лицу.
2017

* * *

Стоящий в тактической позе
Шиповник на сломе тропы.
Обмочливый дождь не на пользу,
Но любишь природу — терпи.

Борок коридорной системы.
Запрежных сугробов натай.
Слегка отвлекаюсь от темы
И мысли шепчу: повитай.

В низовьи панельный астматик
Под мутною линзой хрипит.
И клён, усеченно-косматый,
Затянут в смертельный рапид.
2017

* * *

В режиме реального времени
Расцветенная васильками,
Опетая птицами верными
Земля голосит над веками.

Чу! — зингеровское сверчение.
Из жанровых соображений
Устрожились горы вечерние,
Ночь мреет, а с нею — блаженной.

Не зря я любил географию.
Всё вчуже в разумном порядке:
Холмы и луга, как по графику,
Леса и поля, словно грядки.
2017

* * *

Не чуждая слогу синица
От мыслей слегка отвлекла.
Весна перестала сулиться
И с козыря сразу пошла.

С глагольной рифмой я вправе
Разделаться, но не дают:
В бору, на лугу и в дубраве
Кукуют, стрекочат, поют.

Угожей крапиве на куче
Вольней, чем в степи ковылю...
А солнце всё ражей, всё круче.
И жизнь на просвет я люблю.
2017

* * *

Дорога мстительного нрава
Пускала пыль в глаза, трясла,
Тянула влево, гнула вправо,
Гнала обочиной со зла.

Дорога явно не желала
Вести в забытое село,
Где прошлого осталось мало,
И то бурьяном заросло,

В котором врозь гнездятся люди,
А жил народ себе в тиши.
И цвёл ему окольный лютик
Для умиления души.
2017

* * *

Не в дождике ли Сальвадор Дали
Увидел длинноногих насекомых?
Роскошно зонтичные расцвели
На площадях и улицах знакомых.

От мыслей с невесёлой правотой
Цепляюсь за попутную идею.
Бегу, бранясь с помывной водой,
На языке, которым не владею.

Вслед глотку рвёт собака, промолчать
Ей не позволил, видно, кодекс чести.
Не выказал дождь пользы, стал мельчать,
Осыпался... Стою на мокром месте.
2017

* * *

В энергосберегающем режиме
Под яблоней ветхозаветных лет
На одуванчиках вразброс лежим мы,
И кажется, нас просто больше нет.

На уровне условного рефлекса
Глаза сморгнут линяющий пейзаж.
И, может, трудно с рифмою на «...екса»,
Но, честно, лень легко сойдёт за блажь.

Лишённый права на существование,
Усох до тени солнечный цветок.
Уж лучше так, чем вростяжь на диване
Житейский скромно подвести итог.
2017

* * *

Нельзя привыкнуть к красоте.
Вот лес, вот поле, вот река,
Вот эти ласточки и те
Вздохмаченные облака.

Разымчивый угар земли.
Разволочной прогал небес.
Не знаю, как бы мы смогли
Без молнии и грома без.

Вон утирает Бог слезу.
День отоснулся не спеша.
Монтачит селянин косу,
Вразглядку травы вороша.
2017

* * *

Чёрная тень от белой берёзы
Косо упала на муравья.
Где-то сегодня скорбные слёзы
Жалко прольются, думаю я.

С этого места больше о грустном,
Право, не буду строки вязать.
Старая ветка крошится с хрустом.
Ропщет ворона — что с неё взять.

Лето, по непроверенным слухам,
Выйдет паморосным и грибным.
Вольный запах становится духом.
Только родина пахнет родным.
2017

* * *

Где нас только черти ни носили,
Как в сердцах бы выразилась мать,
Что-то в гнёздах, в норах, даже в иле
Мысля выкрасть, отобрать, поймать.

У растока улицы к забору
Природнился тополь навсегда.
И была саманка детству впору
В до смерти размирные года.

На буграх разметистой деревни
Залежи загусной тишины.
Стелами разбродные деревья
Над покойной памятью видны.
2017

* * *

В тени пищеварительный процесс
От верной службы отвлекал собаку.
Голодный слёткок выражал протест.
Шмели безбожно подражали Баху.

Я обратился похвору к жене
Со сложноподчинённым предложеньем.
Но в этот раз не обломилось мне
И день не стал распойным продолженьем.

Мучительно зелёный хлорофил
Слегка слюдил и малость мироточил.
Какой-то певчий спеть всё норовил,
Да как-то так... не очень, чтобы очень.
2017

* * *

Писаница цифрового века
На скале вблизи Тургояка
Дикого по стилю человека
И по содержанью дурака.

Пялится ворона из-под веток.
Пучится на грядке кабачок.
Обоняю жизнь любых расцветок.
Осязаю смерть, о чём — молчок.

Порхлый дождь идёт, и я не против.
Вот в обнимку с деревом стою.
Скоро осень брагою забродит
И замутит пьяно грусть мою.
2017

* * *

Что сказал, и сам не понял
Грач, раскырясь на столбе.
Эту осень я запомнил
Неполадками в себе.

Не истрава, не надмога
Принесли напасти те.
Просто лет устройству много,
Износилось в суете.

Подшаманили ребята
Из врачей и докторов.
Ну а грач изрёк невнятно
Что-то вроде: «Будь здоров!»
2017

* * *

В студёную зимнюю пору
Я из лесу вышел: авось
Лошадку, везущую в гору,
Увижу и хворосту воз.

Скрипит береста под писалом.
Шкворчит под резиною снег.
Весёлая ископытъ в алом
Закате форсирует бег.

Под видом деревьев вдоль трассы
Поточной штамповки — столбы.
«Чубары» снуют и «саврасы»,
И ржут, и встают на дыбы.
2017

* * *

Зимний лес, похожий на эскиз,
Выстужен и сизотой увенчан.
Я ещё не спёкся и не скис
С верой в то, что жив, поскольку вечен.

Никаких вопросов к январю.
Садкий снег отмухровал простудой.
Травяная оторопь, смотрю,
С поля перешла и стала тундрой.

Вот возьму поганое ружьё
И пойду войной на куропаток...
Впрочем, жить страстями — не моё:
Незлюбив, не плутоват, не падок.
2017

* * *

Трактор кинетической скульптурой
Водрузили посреди села,
Жалуя колхозникам натурой
Как бы за великие дела.

У подножья выросла крапива.
Лозунг съела ржавчина с концом,
Где я в красном галстуке красиво
Реял героическим лицом.

Кончилось всё бражно и пассивно.
Зло давно помножилось на зло.
Ну а за романтику спасибо.
Внукам нынче меньше повезло.
2017

* * *

Конечно, лентяй, но не лодырь.
Стихийный, подобно ветрам.
Христиан Иванович Лодер
Гоняет меня по утрам.

Шиповник не без фанатизма
Сгорает во имя... В дровах
Синичка вполне компромиссно
Бытует на птичьих правах.

Под пыточный визг циркулярки
Скрываюсь в садовый укром,
Поскольку я не регулярно
С бумагой дружу и пером.
2017

* * *

Мужики культурно отдыхают,
Детскую площадку захватив.
И поскольку есть тому мотив,
Пиво пьют и власть со вкусом хают.

Бархатцы в автомобильной шине,
Как изобретение ума,
Украшают косвенно дома
С лозунгом к какой-то годовщине.

Солнце над окрестностями быта
Будто в море брошенный венок.
На несущую способность ног
Уповая, кот косит сердито.
2017

* * *

Всё есть у него, кроме Бога.
А мне бы силёнок немного,
Тогда, коль ещё о-го-го,
Я б не упустил своего.

Ход мыслей у грешника верный:
Какой-никакой, а мужик...
Бетонный затылок мозжит
Тупой перфоратор за сквером.

Осенится дождик, сочась.
Бытую с посильным участием,
Неясно проявленным счастьем
Довольствуюсь здесь и сейчас.
2017

* * *

«Треба диток гудоваты», —
Мама жалилась землячке.
Наши хаты не брюхаты,
А горбаты, как землянки.

Роща массовых деревьев,
Обладающая смыслом.
Гормональный сбой деревни
Под звездой и коромыслом.

Жизнь тягучая, большая
Кончится по мановенью...
От прощенья до прощанья,
Как от века до мгновенья.
2017

* * *

Между Урюпинском и Васюками
Речка зальнула — пластмасса с травой.
Инкрустированное васильками
Поле с тропинкой насквозь полевою.

Ломкий воздух, весь из себя и формул,
Стоит над бугром, бульдозером срытом.
Не содержаньем дополняет форма,
А правдой, набранною другим шрифтом.

Небрежно молекулярной решёткой
Забита дыра в садовом заборе.
И опыт настаивает на чёткой
Аргументации в житейском споре.
2018

* * *

Пока слезоточивой прозой
Турусит невпросып село,
Впишусь нишком в пейзаж с берёзой,
Которой статья повезло.

Девичьим сплетничеством занят
Осинник, где туман потух,
А речка вяло, как сказанье,
Течёт без творческих потуг.

Блажит душа в больном и старом,
Ведёт на свет и голоса...
Невнятно серое с подгаром
Исходит небо в Небеса.
2018

* * *

Помолчу, сойду за умного.
Может быть, наоборот.
Возле озера Басуново
Закопают, кто умрёт.

Здесь под пуклой пирамидкою,
Под сиренью, дико пряткою,
Возлежит, утратив крест,
Первый шибеник окрест.

Ты лежи, лежи, христовенький,
Нынче жизнь не по уму.
Вон к тебе изволит новенький,
Он расскажет, что к чему.
2018

* * *

Не правой, не левой, а средней руки
Пейзаж из осеннего цикла.
Слиняла окраска, у слома реки
Извольная рощица сникла.

Всё сеет и сеет, а надо бы жать,
Осмыкать копёшные тучи.
Устал я запарно за жизнью бежать,
Берложить особо — не лучше.

Неясного рода ржавеет трава.
Слова перестроились в строки,
Где спину река гнёт, спустя рукава,
И критики к лирикам строги.
2018

* * *

Ворóн видовой шовинизм,
Набор богомерзких пороков...
А тут слегонца провинись —
Момент, и уже за порогом.

В кустах рассобачились вдрызг
Дворняги по-бабьи с подвизгом.
Идти не желаю на риск.
Стою в отдалении близком.

Совсем несущественна ночь
Для нашей не то, чтобы темы,
Но как-то всё сгнуло прочь
Во благо житейской системы.
2018

* * *

Теперь и тень в саду темна...

А. Ф.

Чердак не забит и герань не забыта...
Последние хлопоты дачного быта.

Нагонная опаль, железные сети.
Грибник у забоки — отъявленный йети.

Не личит подлеску спортивная форма:
Кривые ножонки, сложение спорно.

И небо не самого лучшего цвета,
Когда вместо Фета смотрю на всё это.

Трава избеднела, а груши прокисли.
И ос распалили опасные мысли.

Придумать хороший всему б заголовок,
Но слово затёрто и почерк неловок.
2018

* * *

Расправит юбку на коленях,
Соромно уронив глаза...
Желтеют снимки из-за лени,
Хрустит картонная кирза.

Красива не фотогенично,
Весна на вдохе солостит.
Снимал весь род нагалом лично.
Листвою плёнка шелестит.

В углу — она, как подмалёвок,
Чуть застороненный ранет.
И тополь дятлами исклёван,
И жалко, что меня там нет.
2018

* * *

Рябина с задержкой развития,
Сорочью риторику слушая,
Так захорошела разительно,
Что стала в осиннике лучшая.

Художественно колоритные
Стоят мухоморы под крапами.
Поля аккуратно побритые.
Загорки вполне аккуратные.

Стихийная тяга к высокому
Возносит звено журавлиное,
Фонема печальна, особенно
Её выдыхание длинное.
2018

* * *

Лес не болен ещё, но уже не здоров.
Прелый запах от скользких до слизи ковров.
Издолбил мелкий долбень берёзу в труху,
Задолбал, затупил долото наверху.

Горе есть, а ума, говорят, два пима.
Из глуши философии путь на простор
Без приятства укажет однажды зима.
Снег текстурой скорлупчатой выстелит двор.

Переводом с санскрита — сорочки следы.
Гидромет за свои пусть ответит слова...
А покуда меняется форма воды,
Я смотрю, как уходят в себя дерева.
2018

* * *

Товарищ по ударному труду
Колотит пересохшую трубу.
На грядках паника, палючая беда.
Маячит у забора борщевик,
Напорист и суров, как большевик.
И ангелом над ним легко парит вода.

Из сил последних зеленеет сад.
Детсад скворчинный, муравьёв десант.
Железа с углеродом сплав — земля вокруг.
Аще погоду б ливень переврал,
Украсили бы васильки Урал.
Нисколько не надеясь на авось, а вдруг...
2018

* * *

С утра на кухне будто в кузнице:
Стук с перебряком, дым и гром.
А за окном весна то кукуется,
То светится — куда с добром.

Цель атакующего голоса
Смахнуло скрывом под скамью.
Пока ещё никто от голода
Не опечалил жизнь мою.

Демократично показательной
Домлеет каша на столе.
И смажет пястью по касательной
Клён отражение в стекле.
2018

* * *

Заминированная тишина.
Паутина — растяжкой, ловушкой.
Как сквозь пальцы, сквозь берёзы видна
Осень сытая с рыжей опушкой.

Жизнь извилистая, словно река,
Где топчу береговой украек.
Грусть, как жанр, не люблю — наверняка
Бог меня за это покарает.

Колок, пропашина, кулижка вкось,
Всё — вариации, но не тема.
Что-то с ответом у нас не сошлось,
А перерешать — кончилось время.
2018

* * *

Ничего не стоит за квадратом,
Беспросветной его чернотой.
В раме — ночь, неоплатным каратом
Гипнотический блеск над тщетою.

Всё вокруг не муляж, так подделка.
Сам — неодушевлённый предмет.
Лес во мгле, как искрошенный мелко,
Без растительных вовсе примет.

И за узкопрактическим смыслом
Метит белую стену окно,
За которым на горьком и кислом
Жизнь замешана наша давно.

2018

* * *

Приспело время мемуаров,
Которых я не напишу.
Из мелких Симов и Миньяров
Запомнил крайнюю Ашу.

За что спасибо местной вишне
И безоглядной женоте.
Затем в поэты сдуру вышел,
Чтоб поклоняться красоте.

Не превышая полномочий,
Душа и тело в ногу шли,
Спотычно пусть, но споро очень,
Взбивая пыль родной земли.

2018

* * *

Поскору погоду замутив,
Весело настроенный циклон
Ту же песню на другой мотив
Спел, склоняя круче небосклон.

С плеч маловолосого бугра
Местная ботаника видна.
Далеко не лучшая пора
Для любви и творчества — весна.

Я как вспомогательный глагол,
В смысле на подхвате у души.
Вглядываюсь в хвойный частокол.
Вслушиваюсь чутко в камыши.
2018

* * *

Щерба заборная — спасенье для собак
И остального мелкого народа.
Нырнёт туда же и какой-нибудь слабак,
Протиснется, коль вынудит природа.

Мазливой охрой загрунтована тропа,
А небо симметрично котловану.
Тут скоро новый дом поставят на попу,
И я уже за горизонт не гляну.

Как говорили в старину, мне вчуже жаль
Лес выгубленный, пташек пофамильно...
Над городом дымы — темна его печаль,
Но простота удобна и умильна.
2018

* * *

Загодя верней, чем погода,
Спрятаться под книгой от дождя
Вместе с персонажами романа.
Схематичный не спасёт забор:
Ветер разберёт цветочный сбор,
Струи смоют с мятых роз румяна.

В детстве скрадом страх ловил меня
В темноте, в лесу... день ото дня.
Между тем рванул фугас у дома.
Светоносные берёзы вдруг
Встали, будто на защиту, в круг,
Внемя фронтovým акцентам грома.
2018

* * *

Лето какое-то без эпитетов.
Деревня лодырничает, слегка
Ещё со вчерашнего в подпитии.
Народу — три бабы, два мужика.

Обстрой акация золотушная
Замаскировала, будто к войне.
А ночью луна банной отдушиной
Напомнит измáльство по-чёрному мне.

Но мало того, полынным веником
Степной суховой очистит от сна.
Представлю саманку на мгновение.
В глазах темно — как макуха вкусна!
2018

* * *

Как стало известно:
его занесло
на повороте опасной
мысли.

2018

* * *

Математическим складом ума
Наделена, не иначе, кукушка.
Божеский счёт у нас с нею весьма,
Хоть и досужный, как эта опушка.

Дело не в том, что весна на дворе,
Наспех запрежним нагуляна годом.
Жизнь по пригляду подобна игре,
Но, как всегда, со смертельным исходом.

Роща соскучилась наверняка:
Песни развольны и затиши кратки...
Рубленным голосом издалека
Эхо кукует в обратном порядке.

2018

* * *

В деревне девок накраснело,
Как ягод в Реткульском лесу.
Пусть самоуком, то и дело,
Овсянка зенькает умело —
Тоска окольно на весу
По лошадям и по овсу.

Поля с цикорием направо.
Налево — крепкий иван-чай...
Но как-то пишется коряво.
И нет положенного права
Скосить олбанский молочай
И сведать слово невзначай.

2018

* * *

Несмелая зелень сплочённых осин,
Но смотрится дуб авангардно
За ямой, где раньше стоял магазин,
Разил керосином угарно.
Я помню ту жизнь, хоть и в общих чертах,
Без мира, без хлеба, без храма...
У памяти тоже есть пыльный чердак —
Там столько накочено хлама!
Под бархатной накистью прячется пруд.
Коряга в бульгу вцепилась, как спрут.
Любовью Творца не отмечен,
Я всё же со всем этим — вечен.
2018

* * *

Облепили бабочками ставни
Сбойливо стоящую избу.
Годы явно тяжелее стали,
Как с пупа бы не сорвать резьбу.
Побывать на родине — удача,
Хоть и лишку грустного вокруг.
Изняла безделица, иначе —
Требуется опытный хирург.
Вымеркает небо, холодея.
Надоело словеса вязать.
Хочется великую идею,
Только где её в деревне взять?
2018

* * *

Деревня не пахнет деревней:
Ни сена, ни кучи назьма.
Отшатная, из-за деревьев
Собака гавчит без ума.

Забыли про чёрные бани.
Давно дух квасной извели.

Поджаренная на пропане
Картошка из южной земли...

Покуда маршрутку наполнит
Народ, непонятный притом,
Витражная осень напомнит
О чём-то святом и простом.

2018

* * *

Как хорошо мы плохо жили...

Б. Р.

Когда штаны на мотузке,
Держась, как на охальном слове,
Шуршали в дальнем далеке,
Я прирастал к уральской нови.

Сквозь велигласный бабий вой,
Достойные заглавной буквы,
Дух проявляли фронтовой
Парёнки из ослизлой брюквы.

Болталось озеро в живом
Сосуде, где мальки кружили...
Как хорошо мы плохо жили,
Как плохо хорошо живём.

2018

* * *

Стихописание — тихописание
В тесном укроме смущённой души.
Ранило словом слегка по касательной,
Перехватило дыханье — пиши.

Муза, что вылюбовал, вередливая,
Дерзость метафор ей будет к лицу.

Пчёлы искрят абразивно над сливою.
Очи дивочи слезят на пыльцу.

Дали узывные, выси отстойные,
Лес у ворот, яко верная рать.
Если б не всё это — жить бы не стоило,
А заодно и бумагу марать.

2018

* * *

Стал
старым,
но молодые всё равно
не уступают места
ни в транспорте,
ни в литературе.

2018

* * *

Надавыши, натоptyши и прочие дела.
Босая жизнь, припомню, этих мук не зная,
Нужливо и возливо по удолию текла,
Колхозно-огородно-озёрно-лесная.

Пока ободнеет, нас с собаками не найти,
Зато ночь покойна — ни радио, ни теле...
У Бога на балансе числясь, мы хотели
Свой рай земной для лодырей увидеть во плоти.

В метафористическом пространстве неба — стрижи.
Ромашки белобрысые резвятся в поле.
Стою растерянно у разделительной межи:
Назад нельзя, вперёд — смешить людей — тем боле.

2019

* * *

Похоже, Бог пасёт меня,
Аки последнюю скотину,
Чтоб не свилял на склоне дня
Кривой дорожкой за куртину,
Где накось зашибной народ
Хапком, глотком и на арапа
Чужое за своё берёт
Под шорох мелкого накрапа.
А между тем звенит в душе
Веснички запеваальный голос.
От низменного отфутболясь,
С высоким слился я уже.
2019

* * *

Из-под крышки, как из-под берета,
Вьёт кудерь, где кухонный уют...
Нынче не слагают так поэты:
Модернисты вусмерть засмеют.

А пока кипит, ещё сырая,
Свёкла, воплощая винегрет,
Мысли в голове перебираю,
Но к сезону подходящей нет.

Стряпать не входило в мои планы:
Изневесьть без права на ожог...
Март хотел накрыть на всех поляну —
Лишь рассеял перхотный снежок.
2019

* * *

Анатолию Кухтурскому

Закурчавел горох, зашлая вишня
По состоянью здоровья подвяла.
С распужной грозой потопа не вышло,
Лишь сырость дохнула, как из подвала.

Замашистые задумки на лето
Невсхожими оказались на деле.
Но под живикой на уровне следа
Измётный подтравок не проглядели.

А вот к творческим наклонностям сада
Поставить избочины стоит, ибо
По осени нас загрызёт досада,
Авитаминоз какой-нибудь либо.

2019

* * *

Всплыл, как рыба, кверху брюхом
В госпитальном бочажке.
Я-то знаю не по слухам:
Здесь рыбак на рыбаке.

Здесь добычу не упустят, —
Рассуждаю, жив зане.
Пахнет спиртом и капустой,
Отзывается во мне.

За стеной бурчит урыльник.
Бьёт по психике звонок...
А ведь предки говорили:
Ты того... гляди, сынок.

2019

* * *

От артрита до артроза
В мутный день рукой подать.
Доживаем до мороза,
Хоть цветы ещё видать.

На душе слегка погано.
Зачервели враз грибы.
Наподобие органа
В шаге лес от городьбы.

Занывают к ночи кости,
Их мелодия грустна...
На каком-нибудь прохвосте
Спотыкнётся вновь страна.
2019

* * *

Я в лесу, вооружён и опасен.
Грибная прель, как кровь, щекочет ноздри.
Сыграли в прятки персонажи басен,
Решив, что я и впрямь из коза ностры.

Подобно волдырям на нервной почве,
Бугрятся обок на избыве грузди.
Идут с доплатой по небесной почте,
Не заслоня Бога, письма грусти.

Шуршит бумажно, время догоняя,
Листва берёз, листва осин и прочих.
А вот — открытка с видом Таганая
Белым бела под незнакомый почерк.
2019

* * *

Уменьшительно-ласкательный снежок.
Зациклонила погода на осадках.
Ворон, мрея, чёрную дыру прожёт,
Где деревья мирно разошлись в осанках.

С точки зрения ботаники вокруг
Всё живое пребывает в крепкой спячке.
Мне бы Шиву в помощь — не хватает рук:
Вот ворота кривороты, грязно в дачке.

Невысок патриотический подъём
У стихов, написанных к великой дате...
Навись плотная закрыла окоём.
Вдохновение закончилось некстати.
2019

* * *

Стрелки на клёшах — обрезать можно,
Лазером бляха изводит глаза...
Старость на память в уме перемножа,
Сяду с тетрадкой под образа.

Город затоплен растомчивой темью.
Сердце задобив таблеткой — держись! —
Стану писать сочиненье на тему,
Как я провёл свою долгую жизнь.

В строчку за строчкой вплетая натужно
Пыльный карьер, домострой, Тургояк,
Буду надеяться, что благодушно
Бог мне поставит хотя бы трояк.
2019

* * *

Столыпин, притрушенный снегом,
Случайно забредший сюда...
Я с нежностью, может быть, с негой
Оставил свои города.

И этот оставляю — не лучший,
Где сам с неких пор не бог весть...
Как раньше б сказали: улучшем
Забыв в суете, будто вещь.

И все ж у меня, для примера,
Всегда был в душе и в крови
Прожиточный минимум веры,
Надежды и прочей любви.
2019

* * *

По состоянию здоровья
Пишу короткие стихи,
Как бы плачу последней кровью
За не последние грехи.

Впадая в прелесть междометий,
Смакуя пищу для ума,
Я — до коризны — не заметил,
Как свону вымеркла зима.

Напругли почки у акаций.
И сам уверовал слегка,
Что аварийных ситуаций
Словчился избежать пока.
2019

* * *

Закоростела дорога в деревню.
Вьётся снежок насекомо вокруг.
Высмотрел как-то себе я царевну
В этом заречье меж равных подруг.

Обочь — навоза утильного залежь,
Конь в натуральную величину.
Избы к воде боковатой прижались.
Холод капусте, знать, по кочану.

Как угадал, угодил я в эпоху
Лишнего горя и счастья в обрез...
Поле поближнее смотрится плохо.
Церковь с кулич, но не в ней интерес.
2019

* * *

Сердитые теги, пугливые бари,
Лимонные цыпы игрушечных форм.
Повинный подсолнух — на племя в амбаре.
Петух переливчатый, что светофор.

Не дети Арбата, а дети деревни.
Здесь тоже крамола велась, но своя.
Колхозного счастья нам до одуренья
Хватило на жизни и на жития.

Под плисовой пылью глухого заулка
Уже отложился эон избяной.
Я чувствую, как тектонически гулко
Пласты чёрных крыш расползлись подо мной.
2019

* * *

«Чем дальше в лес — красивей Моргулес», —
Шутил серьёзно труженик пера.
Давно исчез тот законный лес,
За ним и графоманская пора.

Нас привечал газетный комсомол,
Где гонор не влиял на гонорар,
Где местный классик, аки генерал,
Свою стратегию тактично вёл.

А девушки? А девушки потом,
Когда стихали ундервуды враз,
Чтоб город спозаранку вспомнил нас,
Ночных гуляк и гениев притом.
2019

* * *

Пока поэту на всю голову
Есенится и жизнь тесна,
Весна выводит рощу голую
Из летаргического сна.

А дальше всё по старой формуле
Меж содержанием и формой,
Неторопливо, неизвед:
Тепло и свет, тепло и свет...

Поэт, конечно, перебесится,
В ладу с природой заживёт.
Коль не сопьётся, не повесится —
Нас к теме пририфмует... Вот.
2019

* * *

По следам собачьей свадьбы,
Как из-за угла — весна.
В гости молодость позвать бы,
Только где теперь она?

Социально озабочен,
Голубь топчется в грязи.
Стариков почёт не очень
Нынче греет на Руси.

Жизнь забавна, но избывна:
Растекается слегка...
Преют в зарослях рябины
Тугоплавкие снега.
2019

* * *

Как будто собран из металлолома,
Разболтан до нет спасу мой скелет.
Не разберёшь, где клещ, где папиллома,
Улагодясь под грушей юных лет.

Сквозь морок представляю еле-еле
Деревню от овина до плетня.
Солдатские невесты повдовели.
Заметно подыбела ребятня.

Не гипсовое детство в ногу с горном,
А непедagogический режим.
Рулю быками, притворясь негордым,
С надеждой... С ней под грушей и лежим.
2020

* * *

Давал понюхать «табачку»
Всем, кто подыгрывал обману,
Босой, бесштаный, начеку,
Скользил глазами по карману.

Мать — недотёпа, а отец
Справлялся с ролью нелегала.
Войне едва пришёл конец,
Другое время налегало.

С колен поднялся огород,
И ожил вдруг шмелиный зуммер.
А тот байстрюк, наоборот,
Однажды взял и просто умер.
2020

* * *

Сугробы, чёрные притом,
Асфальт в ледовом воске.
Висят, как кранцы за бортом
Из форточек авоськи.

Мороз ежом залез в штаны
И шарит неприлично.
Экзамены почти сданы,
Едва не на отлично.

Шахтёрский городок, внутри
Темнее, чем... у негра...
Но я люблю тебя, смотри,
Как спелись наши недра.
2020

* * *

Подневную переверну страницу
С тиражную кириллицей судьбы.
Куда так время поскорю стремится?
Часы, и те в забеге с ним — слабы.
Уже весна, ещё зима — плюс-минус...
В саду торчком какой-то злыдень вырос
И смотрит, как бы проявить себя.
К тому же коронованный — вдруг! — вирус:
В наморднике полцарства бдит, сипя...
На голубом глазу небес, слепя,
Надмерное желание лучится
Чему-нибудь хорошему случиться.
2020

* * *

Затяжными праздниками мая
Изнахрачен, вылуцен, как боб,
Мало что в реальном понимая,
Ленинский в гармошку морщит лоб...

Рудокопом, помнится, на дело
В красный день ходил я с огоньком.
Без начальства вдохновлялось тело.
Воспаряла вдруг душа тайком...

Вот и сад расцвёл без заморочки.
Из вестей исчезли холода.
Май пройдёт, оставит эти строчки,
Чтоб о них забыли навсегда.

2020

* * *

Душа гуляет где-то в облаках,
А я лежу колодой на диване,
Поскольку пребываю в стариках,
Которым права шляться не давали.

В окне картина тоже непроста:
Визжит пила, дымит асфальт у сквера...
В красоту переходит красота,
Что, по моим соображеньям, скверно.

Сирень загнали в глубину двора,
Реклама с вывеской, понятно, в доле...
Но в общем, как и в частном, жизнь сера,
Без эстетической раскраски, что ли.
2020

* * *

За спиной у Ленина фонтан,
Если и не со святой водой,
То с прохладной, гибкой и витой,
А вокруг жара, азот, метан.

Вождь без кепки, налысо, и — зря:
Напечёт — не упасёт и вяз.
Некогда плескались тут моря,
Но теперь металл в зубах навяз.

Ребятня с десантом до трусов
Обнажили глубину проблем...
Вот гроза откликнулась на зов,
Только старый голем глух и нем.
2020

* * *

Не хватило таланта прославить Ильмены,
Мелкий город внизу и себя заодно.
Возвращаются поодиночке со смены,
Раньше — шумной толпой, вроде как из кино.

Что пробыто — забыто, в осадке — обида:
Пробатрачили век, мол, зазря, дураки.
А в окне уголок заповедного вида,
Только видеть его ты уже не могли.

Всё вокруг — не твоё, не державное даже.
Или не разумею чего, новоглас?
Вот и горы, сутулясь, подвинулись дальше,
Растворятся в мутных хрусталиках глаз.
2020

* * *

Съёжилась, окуклилась, усякла,
Но ещё, как маковка, звенит.
Вот душа, мне с ней бывало всяко:
Падал в пропасть, воспарял в зенит.

Землю обихаживал с душою,
Бражничал с братвою от души.
Я б, на грех, сравнил её с дежёю,
Где замешивалась жизнь в тиши.

Выходило солоно и пресно,
Пряно или кисло, как когда.
Складывалось задушевно в песню
С шуткой и слезою иногда.
2020

* * *

Не дальше,
не ближе,
не выше,
не ниже —
стоять надо к Богу
лицом.
2020

* * *

Настолько беден,
что опускаясь для молитвы
на колени,
он расстилает свою изношенную
тьень.
2020

* * *

Любовь нестроного режима.
Житейский навык на ходу.
Страна по-своему решила,
Пристроив к ратному труду.

Кипело море голубое,
И небу тесен был экран.
А счастье, данное судьбою,
Скончалось от сердечных ран.

Менялся климат посезонно,
И звёзды продолжали тлеть...
И не было совсем резона
Себя под рюмочку жалеть.
2020

* * *

Ничему нас жизнь не научила,
Хоть набили шишек по мешку.
Ты гори, гори, моя лучина,
Разгоняй зловредную мошку.

Надо мною протекает небо,
Подо мной тайги сырое дно.
Словно рыба, в ил зарывшись, немо
Превращаюсь в известняк давно.

В сумерках богов предельно глухо.
В сумерках людей слышна возня.
Возопить бы — не хватает духа,
Весь, похоже, вышел из меня.
2020

* * *

Снимаю охотничьим глазом
Этюды подножной земли.
Лисички с волнушками разом
Являют семёрки, нули.

Насквозь оцифрована трасса.
Навряд ли осилить смогу
Сто вёрст за кисель до Миасса.
Шесть соток по гроб мужику.

С весёлыми числами веха,
Рисованный теодолит...
Проста арифметика века:
Прибавить, отнять, поделить.
2020

* * *

Будь неладен, чёрный, как Бен Ладен,
Бор набровый мнётся за спиной.
Я устал, промок, дышу на ладан,
Я не представляю, что со мной.

На избыве поля куст волчится
Огоньками фар... Вповалку спят
На руке в плетёнке — уловчиться
Вышло: натакался на опят.

А потом топтал кругами много
Зачурованное место в грязь...
Атеист, не верил долго в Бога,
Но теперь поверил в чёрта враз.
2020

* * *

Звёздно падают памяти Листа
Листья с дуба и с ясеня листья,
В зоне видимости мельтеша.
Боевые гвоздики на клумбе,
Будто к празднику лозунг на клубе
Или памятный знак мятежа.

На позадьях урядного сада
Куст из вон выходящего ряда
Дрожь лоскутьем не скроет уже.
Под губную со свистом мазурку
Я накапаю водки в мензурку,
Чтоб моглось и хотелось душе.
2020

* * *

Мир нерушим, покуда симметричен:
Любовь и ненависть, добро и зло...
Надмеру всыпал жару вне приличий
Январь в сердцах по первое число.

Второе вышло ласковой на градус.
Пока вином разбавленная радость
Свой праздник изводила в пыль и хлам,
Придворно будни мялись по углам.

Я белый лист под чёрные чернила
Для гениальных мыслей постелю.
Зима. Порыв мой птица оценила.
Она поёт, а я её кормлю.

2020

* * *

Всё меньше слов, строка короче,
На мысли не хватает сил.
Вон груша завязь ради мочи
Роняет лишку в девясил.

Не спеть, конечно, за синицу
О том, что думает она.
Зато так видится, как снится,
Цветная радость из окна.

Зачем античные каменья
Облизывать в который раз,
Когда даровано уменье
Терпеть свой дым, любить свой квас.

2020

* * *

Ухват или какой-нибудь сковородник,
Шабала для углей или дежа...
Я, признаться, и сам не из благородных,
Словом — деревня, простая душа.

Помню, мама выбрасывала в ограду
Кочергу, когда гремела гроза.
Но я не про то... Поговорить мне надо
Просто за жизнь, за погоду и за...

Покатать во рту подзабытое слово,
В тёмном забвеньи исчезнуть не дать.
Отзовётся ль оно когда-нибудь снова,
Нам не дано с вами предугадать.
2020

* * *

Давно пора бы про собаку
Бумаге изложить рассказ,
Пока какую-нибудь бяку
Другие не смогли за нас.

Всё как-то не доходят руки
И не с руки ногам писать,
Когда то снег, то дождь в округе,
Хоть не муссон и не пассат.

И так в саду ни груш, ни вишни,
Одна рябина у ворот
Сама себя конкретно выше,
Коль скоро глазомер не врёт.
2020

* * *

Сквозь глухие и шипящие,
Но согласные чащобы,
Пробираюсь, дальше — пашнею,
На шесть соток выйти чтобы.

Соблюдая пунктуацию,
Препинаюсь возле прясла,
Где желтушную акацию
Воробьи обсели рясно.

Между гуглами и вордами
Чайных роз эффект инаков.
Вот и груши... правда, твёрдые,
Твёрже, может, твёрдых знаков.
2020

* * *

Темнят вкрутую, показать
Хотят поэты ум и честь.
«Старик, ты гений, так сказать».
Оно, наверно, так и есть.

Из вторсырья — модерн и пост.
А тут посконные слова...
Любил прикуривать от звёзд
Я, оперившийся едва.

Возилась мышь в кубле сенном.
Луна являла свой портрет.
И спали осы сладким сном,
Заряженные в очерет.
2020

* * *

Однажды Изет Сарайлич
посетовал,
что, боясь прослыть старомодными,
молодые больше не пишут
любовных стихов.
Старые — тоже, —
сокрушаюсь через много лет,
мысленно поддакивая другу.
2020

* * *

Итак, я жил тогда в Миассе,
Где между делом и гульбой
Являл стихи в бесславной массе
И был доволен сам собой.

Как видно, с классикою знался.
Дружил с газетой неспроста.
И долго по уши влюблялся
В те заповедные места.

Ау, родные одноземцы,
Я жив, хоть выцвел и облез,
И, напрягая слёзно зенки,
Смотрю, как волк, обратно в лес.
2020

* * *

Уходит ввысь протяжная, как голос,
Стихией разголённая сосна.
В кустах сороки, вдоволь наглаголясь,
Рассыпались фарфором — тишина.

Отчаянно запахло интересом
К родной земле с осокой ножевой.
Опешил муравей с дрючком и стрессом,
Когда я встал, он думал — неживой.

Навычливо вгону в целик лопату,
Штаны по-деревенски закатав.
Потом сосну повергну без дебатов:
Сгрыз шашель суть, поправ лесной устав.
2020

* * *

Дело не в старости, дело во мне,
В той, что мы жили недавно, стране.
Жить так нельзя! — говорили. — А так?
Стакались пьяно без лишних затей.
Еле спасаюсь от вражьих атак
Быта, погоды, долгов, новостей...

Смылся в улесье поблизное с глаз.
К часу душа в тишине размоглась.
Птичек полюбки. Вязиль во шмелю.
Лягу впотай на былё, глух и нем.
Старость... И старость я тоже люблю.
Любит она ли меня? Азь не вемь.
2020

* * *

Кричат вороны, не следят за речью.
На школе энергичные слова.
Невозмутимо мутное заречье,
Дорогой поделённое на два.

Как фактор чуда: тень, вода, ветельник...
Почти академический пейзаж.
Тропинка тяжелей, чем понедельник,
Когда намедни Бахусу воздашь.

Густая пыль над кратером карьера.
А мне уже давно не двадцать пять.
Другая родина, другая эра...
Цыганщина пернатая опять.
2020

* * *

Вот теперь — оттепель... На загибе, юзом,
Как по гравию, шуршит под уклон зима.
Мы живём на севере, хохмы для — южном,
Потому охочие до тепла весьма.

Нежно всё, что дыбом выросло, пригляда,
Скоро снег оттаеется под густым кустом.
Мы живём надсадно, хоть и без пригляда,
Отложив наивное счастье на потом.

Сладких песен в уши напоёт синица
Под ультрафиолетом сверхнанодлины...
А пока — у снежной бабы синевица.
Потешные частушки. Тёщины блины.
2020

* * *

Как однажды выдал Ерофеев:
Хуже, чем хреново, на душе...
Мимо кулинарий и кофеен
Дождь прошёл десятый раз уже.
Дворник в непотребном падеже
Осень просклонял, туч не развеяв.

С клёна капли падают за ворот.
Дерево неправильно растёт.
И живёт неправильно сам город,
Если человека взять в расчёт,
Предъявив за настроенье счёт,
И за грязь, за сырость и за смород.
2020

* * *

Писать разбеглые черновики
И складывать в бухгалтерскую папку
С надеждой, убежденью вопреки,
Что их не выбросят, собрав в охапку.

Пусть выбросят, но малость погодя.
Пусть пожелтеют, убегая тленья
На впечатлительных производя
Музейно-прикладные впечатленья.

Заглядно так и будет, а пока
Утробистая папка, душу грея,
Наращивает ямбами бока
И рвёт завязки с помощью хоря.

2020

* * *

Осенней красоте немного бы уродства,
Чтоб не сносило голову с рамен.
На склоне рыжий куст, совсем как юный Бродский,
Нашёл глагол эпитету взамен.

Пока не отвлекла незавершённости сада,
Душа в плену в засветном уголке,
Бежать откуда даже под ружьём не надо,
Простив осе увязливой пирке.

Ещё минута есть подумать о высоком
Заборе от залётного воря.
По сложносоставному запаху с особым
Оттенком чую цель грибную я.

2020

* * *

Весёлые стихи у Яниса.
Спокойные цветы у клематиса.
Что-то верховец разбуянился,
Даже дым над баней разлохматился.

Мозолью трудовой у пряслица
Склонный к полноте арбуз красуется.
Не буду возводить напраслину:
Земля плодит, хоть жизнь вокруг суетна.

Поди, и нам неровно дышится,
Но — травка зеленеет — и солнышко...
Вон прячется моя сподвижница
От деда глупого за подсолнухом.
2020

* * *

Приговорили к десяти уколам
За то, что всуперечь рутины встал.
А между тем за перелеском голым
Ползучий смород землю угнетал.

Горит страна, большой огонь — омётом.
Спружинив, погрузилась в боль игла.
Уже весна отметилась намёков
Не только на сердечные дела.

Обширнее воображенья небо.
Пригодная для любованья даль.
И я, подобно бабочке, нелепо
Приколот на изгалистую сталь.
2020

* * *

Дроздов позвали на ошурки
Подзахмелевшие сады,
Когда ни сторожа в дежурке,
Ни злобно лающей орды,

Ни даже крайнего... за счастьем,
Пока не общим и не частным,
Метафизическим пока.
Но — птицы! Жизнь у них легка,

Посколь из пёрышек и пуха...
Лежат поля. Стоят леса.
Низеет облако, припухло.
И сто веков до колеса.

2020

* * *

Я всё сказал, добавить нечего...
Сад погружается во мглу.
Калина ветром покалечена,
Икрятся ягоды в углу.

Базарит вразноту грачиная
Община, что околь живёт.
Преснеют краски под овчиною,
Которой крыт протечный свод.

Я всё сказал. Махнул калиткою.
Пожаром стелется листва.
Земля измоглая и липкая.
И, к слову, кончились слова.

2020

Содержание

Автобиографические страницы..... 3

Стихотворения (1963—2020)

Гора	18
«Металась женщина, кричала...»	18
Береза	19
Взрыв	19
Работа	20
Усталость	20
Ужин в Габесе	21
«Всё как будто ясно и понятно...»	21
«Утки прилетели на болото...»	22
«Тускнела молния березы...»	22
Зазимок	22
«Я начинал свою карьеру...»	23
«Здесь, у воды, такая тишина...»	24
Дочь	24
«Транспортерной лентой, легка...»	25
Каланча	25
«Я вино пока не очень...»	26
Ремонт	27
Мама	27
«Хрустят суставами составы...»	28
«Устал, едва могу идти...»	29
«Как будто долго проболела...»	29
«Мои березы, как седые волосы...»	29
«Кружится от браги травостоя...»	30
«Мне сирю одному и сыро...»	30
«С иконы пялится нахально...»	31
Слово	32

«Рисуем, вдохновенно мажем...».....	32
Гроза	33
«Берез полночное свечение...»	33
«Я перед вами на духу...»	34
«Город ливнем заштрихован...».....	34
«Горящей веткою гроза...»	35
«Верха благополучно сини...»	35
«В Миассе пыль до потолка...»	36
«У Калиха»	36
Солнце	37
Море	38
«Охотник до собак и льв...»	38
«Неровно на плешивой горке...»	39
«Все неулаженности давни...»	39
«Потянуло на природу...»	40
«По муравьищам, городской разиня...».....	40
«На Бога нечего пенять...».....	41
«Опять с погодой нелады...»	41
«Горизонт не очень прямо...»	42
«Может, все это неправда...».....	42
«Кончается, кончается...»	43
Герои	43
«Никакая там не знаменитость...»	44
Разведка	44
«А снег пока не убывает...»	44
«Пожертвуем, адамы, по ребру...».....	45
Стеклянная женщина	45
«Где сохнет по дождю Атлян...»	46
«Тень отрастала, словно ветка...»	47
«С горячей пеной на губах...».....	47
«До добра не доведет, наверно...».....	48
Элегия	48
«У нас с тобой, как никогда...»	49
«Уют далек от идеала...».....	49
«Так вчера, сегодня, завтра...»	50
«Городок подстрижен, словно пудель...».....	50
Библос	51

«День и ночь вода текла...»	51
Церковь	52
«Погода делает не то...»	53
«Скатилось солнце в черную яругу...»	53
«Не бездарная мазня...»	54
Вечер	54
Сирень	55
«С непривычки так белеет...»	56
«Не верь пророчеству поэта...»	56
«Расплывается дубрава...»	56
«Облака, расплывчаты, как пятна...»	57
«Дождь беспросветен, как запой...»	57
«Это красное на синем...».....	58
«Изнапастили дожди...».....	58
«Снег на пне, на птичьем ложе...»	58
«Белый свет не бел, не светел...».....	59
«Удивись, прими сполна...».....	60
«Ни стен, ни улиц душных...»	60
«Вода упала до межени...».....	61
Глаза этруска	61
«Вокруг творилось разное...»	62
«Облако, как лед в стакане...»	62
«Еще цветы, в слезах спросонок...».....	63
«Мне кажется, что я тебя леплю...»	63
«Отыскивая лучшие слова...».....	64
«Слепое небо Уч-Арала...».....	64
Надпись на книге стихов	65
Старая крепость	65
Этюд	66
Март	66
Поэт	66
Импровизация	67
«Неразвитым чувством земли...»	67
«Я трижды нарисовал одно и то же...».....	68
Последняя встреча	68
Пейзаж	69
«Зеркала не в меру льстивы...»	70

Экскурсия	70
«Там, где папоротник древне...»	71
Постфактум	71
«Горизонт как ватерлиния...»	72
Стихи, написанные по просьбе Жанны	72
«Гроза село бомбит. Отчаянно...»	73
«Не люблю восклицательные знаки...»	73
Язык любви	74
«Люби меня таким, какой я есть...»	74
«Как мины, пряча грузди...»	74
«Челябинск елками торгует...»	75
Приглашение Изета Сарайлича на лыжное катание	76
«Будто сырость, на дороге тени...»	76
«Уже мороз не проникает...»	77
«А снег, не первой свежестью искрясь...»	78
«“Учитесь любить у цветов”...»	78
«Ездите по свету все...»	79
Родина	79
«Художник красками живет...»	80
«Сладкий запах скошенной травы...»	80
«Пока любишь — не стареешь...»	81
«Толпа, в которой нет тебя...»	81
Они	82
«И слово, как реликвия...»	82
«“Вспомни обо мне!”...» —	83
Лиссабонская стенгазета	83
«В музее мадам Тюссо...»	84
Автобус № 85	84
«Давно изящная словесность...»	86
«О чем тот дождик за окном?...»	86
«Сквозь дым мелькнет вдали село...»	87
«Сад, как последняя мера...»	88
«Пора насущных обновлений...»	88
Осенины	88
Снег	89
Прогулка	90
Карьер	91

«Стволы берез как просветленья...».....	91
«В саду ручей завелся, липко...».....	92
«Тарелка золотых плодов...».....	92
Баллада о птицах	93
«Помолимся господу Баху...».....	94
«Дальний угол земли...».....	95
«Висит пушинкой паровозный крик...».....	95
«Черное море пашни...».....	96
Четыре вариации на одну тему	96
«Каплет мартовская проза...».....	97
Февраль	98
«У неба жар, у труб — гипертония...».....	98
«Не каприз и не досада...».....	98
«Лес именем своим пропах...».....	99
Лес	100
«А здесь натюрморт гениальной хозяйки...».....	100
Математический этюд	100
«Нужно ли весной писать стихи?...».....	101
Романс	101
«Шифры генетического кода...».....	102
«Помните, у Соколова...».....	102
«Зачем тебе такое лихо...».....	103
Зависть	103
«Вначале было слово...».....	103
Будни	104
«Похвально режет солончак...».....	104
«“Лес мыслит, как поэт”, — сказал бы мудрый критик...».....	105
«Тропа легка, душа вакантна...».....	105
«Сиятельная осень над хлебами...».....	106
«Облака крахмальных кружев...».....	107
«Рисунок характера леса...».....	107
«Если дело так пойдет и дальше...».....	107
«Снежок тонул в реке сталистой...».....	108
«Апрель расплакался, не веря...».....	108
Орех	109
«Я шеф веселого совхоза...».....	109

«Трассирует пчела, а за рекой...»	109
«Сквозь облако, сквозь марево, сквозь сон...»	110
Река	110
«С полей, где травами исколот...»	111
«Покаплет. Побрызжет. Польет...»	112
Ноябрь	112
«Как она кричала...»	113
«Беру мыло, смываю с рук...»	113
«По эту сторону окна...»	113
«Тетрадь последнюю достану...».....	114
«Осеневали гуси...».....	114
Шахматный этюд	114
«В селе, как в городе, живут...»	115
«Заглавно ель стояла у высот...»	115
«Постой внизу, не умирай...».....	116
«Каприз души, который — высота...».....	116
«Извлекаю корень...»	117
Берестяная грамота	117
Стихи по поводу	118
«Любовь ворованной была...».....	118
В музее	119
«Вот жизнь: письмо, дорога...»	119
Осенница	120
«Чем больше сверху вниз течет...».....	120
Комплимент Эйфелевой башне	121
Возвращение	121
«А осень — сожаленье о былом...»	122
Элегия, которую я напишу	123
«География — моя биография...»	123
«Отвыкли руки от металла...».....	124
«Чеканщик пригвоздил устало...»	124
«Не рядился в доспехи борца...».....	125
Веники	125
«Халат известкой испоганив...»	126
«Обломали радость и по ветке...».....	126
Разлив	126
«Расшевелила сумерки звезда...»	127

Желание	127
Старая история	128
«Я помню Ярослава Смелякова...»	128
Ниагара	128
Старые игрушки	129
«Малыш ступил на первый снег...»	129
«Пока что небо птице мелко...»	130
«Легко поскрипывают сани...»	130
Праздник	131
Кануны	132
Между прочим	132
Ночь	132
Демографические наблюдения	133
Стихи	133
Рыбалка	134
Однажды	134
Ирония судьбы	135
Художница	135
«Хожу по деревенским улицам...»	136
Прежде и теперь	136
Война	136
1941	137
Варианты	137
Воспоминание о Фениморе Купере	137
«Мать пела, отец подпевал...»	138
«Обкорнали тополя...»	138
Открытка из Новгорода	138
«Спросили, зачем он приделал хвост...»	139
Баллада об авторучке	139
Май	140
«Сработал вдруг взведенный дятел...»	140
Огород	140
Малина	141
Сумерки	141
«Поразвелось зверья...»	141
Старость	142
Дом	142

Черная дыра	142
Вещи	143
«Год от года, может, век от века...».....	143
Сказка на новый лад	144
«Вот и деревце стало большим...».....	144
Октябрь в Ильменах	144
«Вчера лодки выбросились на берег...».....	144
Липа	145
«Снег на исходе полета...».....	145
«Ходят мальчики в лито...».....	146
Базарный день	146
Школа	146
«Под гребенку крытая соломой...».....	147
Утро	147
Воспоминание	147
Душа	148
Городская весна	148
«Засторонилась от меня...».....	148
Пожар	149
«Два зуба выбили забору...».....	149
«Болото тихое, но бедное чертями...».....	149
«В детстве мы любили играть в прятки...».....	150
«Мучительно для глаз...».....	150
«Плачет женщина молчком...».....	150
«Таких стихов, какие шепчешь мне по ночам...».....	151
Из югославского фольклора	151
Осень на взморье	151
Амбиция	152
Морской этюд	152
«Осень капает с клена...».....	152
«Сверху ситяный дождь октября...».....	153
«Открываю Урал...».....	153
Уральские самоцветы	153
«Река в глазах рябит до одури...».....	154
«Объезжались бычки по весне...».....	154
«Хочешь увидеть Москву?...».....	154
«Струйка, в звонкий подойник стекая...».....	155

«Ухоженные, как могилы...»	155
«Заработала “орден Сутулова”...».....	155
Деревне	156
Командировка	156
Пустыня	157
«Пустыни запаленное дыханье...».....	157
Старая копь	157
«Вылез наверх и упал...»	158
Деревья	158
«Выздоровливает лес...».....	158
«Ранняя готика ельника...»	159
«Прекрасен язык...»	159
«Зачитываюсь Миасской долиной...»	160
«Съел кусок хлеба...»	160
Боги	160
Творчество	161
«Где они, начальники мои...»	161
«Он думает, как бы застать меня...».....	162
«Что осталось у меня от Украины?..».....	162
Повесть	162
Забвение	163
«Старший сержант запаса...»	163
Автопортрет	163
«Слышишь, о чем говорят...».....	164
Этюд для двоих	164
«По счету елочки в лесу...»	164
«Расшатанный ветрами березняк...»	165
«Я работал на подхвате...»	165
«Судорогой по роялю...»	166
«Тише, не спугните...».....	166
«Говорим о милосердии...»	166
«Слабый пульс реки...».....	166
«За околицей маршируют...»	167
«Красная пыль Магнитки...».....	167
Немыслимое	167
Молчание	168
«Отмаясь, отмаясь от черной субботы...»	168

Индия	168
Барков	169
«Беззащитный защитного цвета...»	169
«Сплотясь в сплошные частоколы...»	170
«Однажды, неосторожно перебегая поле...»	170
Добро	170
Тишина	171
«Никогда ничьих портретов...»	171
Часы	171
«— Постой, — сказала, — я сейчас...»	172
«Затяжной поцелуй...».....	172
«Украдкой, как вор на ощупь...»	172
Метеорологический этюд	173
«Между нами кошка пробежала...»	173
Последнее слово	173
«Хотел, чтобы все женщины...»	174
Метафорический этюд	174
«Канавы рыхлая под лесом...»	174
«Не трудности мы любим...»	175
Урок критического реализма	175
Права и обязанности	175
«Прислушиваюсь и не пойму...»	176
Бархатный сезон	176
География любви	177
«Любить отечество для пользы...».....	177
«Пойдем на верх горы Железной...».....	177
Ялтинские кошки	178
Театр	178
«Петля Есенина, Цветаевой петля...»	179
1945	179
Книги	179
«Я люблю того...»	180
Флотское фото	180
«Эта в холщевом переплете...»	180
Картина	181
Северная весна	181
«Позавтракал “Завтраком туриста”...».....	182

Смиренная элегия (мотив К. К.)	182
Выбор	183
«Возвышенно игривы...»	183
«Постой и подыши...»	184
Рим	184
«Стань лучше, чем ты есть...»	184
«Болеют липы снами вещими...»	184
«Ишь, молочко у молочая на губах...»	185
«Грубее строки, тяжелей слова...»	185
Песни	186
Страсти по В. П.	186
Мана	187
Свидание	187
Искушение	188
«Чтобы написать стихотворение о любви...»	188
Желтый дом	189
Деревенский роман	190
Пришел, увидел...	191
По секрету	192
На пороге бессмертия	193
В мире животных	194
Расплата	195
По поводу очередной женитьбы поэта Н. Н.	196
Эпитафия	196
«Озяб Морозович Снежко...»	196
«Запомнились тухлые баки...»	197
Д. Самойлову вслед книге о русской рифме	197
Последний	198
«Живут же люди...»	198
«Питие на Руси есть веселие...»	199
«Бесконечно, но не беспредельно...»	199
«Лауреат квартальной премии...»	200
«Ели и пили, как лошади...»	200
«Навалились гамузом на Бога...»	201
«Деревня меня не узнала...»	201
«Скрадная и тихая, как сапа...»	202
«Отдаю себе отчет...»	202

«Дул ветер с поправкой на лето...».....	203
«Темнота до сумерек разбавлена...».....	204
«Скончался Вицин накануне...».....	205
«Продал старого попугая...».....	205
«Не сгорит осина от стыда...».....	205
Печальный случай	206
«Старик, склеротик, одуванчик...».....	206
«Перестали надобиться бабы...».....	207
«Заглянул — удивился...».....	207
«Душа давно без музыки живет...».....	207
«Погладил глобус по головке...».....	208
«Прикинулся веником куст...».....	208
«По ходу действия весна...».....	209
«Без всякой задней мысли...».....	209
«Глаза в слезах, как поплавки...».....	210
«Не про меня упертый сопромат...».....	210
Характер	211
«Мыльно пенятся облака...».....	211
Париж	211
«Чу! — просыпается ботаник...».....	212
Август	212
«Упрек Астафьева принимаю...».....	213
«Величие богов, фигур величина...».....	213
«Не ходил я в гениях ни разу...».....	214
«Поэты больше не пророки...».....	214
«Не чокаясь, помянем графомана...».....	215
«Сугробы плавные, как крылья...».....	215
«Пусть жизнь моя будет моей...».....	216
«С замутненным разумом река...».....	216
Имя	217
Куличок	217
Город	217
«На городской площади...».....	218
«Торчу в постылом Мухосранске...».....	218
«Голод не тетка, и холод не дядька...».....	218
«Музыка легкого поведения...».....	219
Сопелка	219

«Жужжит, как муха над столом...»	220
«Рос, мужал, радовался, огорчился...»	220
«Не понять кого обнять...»	220
«Придумал для себя Арбат...»	221
Опус	221
«“Не забуду марксистские лекции!”...»	222
Страна Ру	223
«И где общественное благо...»	223
«Нашел занятие — болеет...»	224
«Закрыл глаза, стал невидимкой...»	224
«Чудной народ эти волжане...»	225
«Этот город мне не по ранжиру...»	225
«На продвинутой офене...»	225
«В краю непуганых обывателей...»	226
«Колхозный пахарь и ходок...»	226
«Сталлоне, списанный с Давида...»	227
«Когда-то я в учебке на плацу...»	227
«Не от поезда — от человечества...»	228
«Как с Богом, побеседовал с Боже...»	228
«Поставлю памятник жене...»	229
«Пока раскачивал рябину...»	229
К В. И.	230
«Под Соловьева, который Седой...»	230
Страстоцвет	230
«Похоже, дятел настучал...»	231
«Прокуковали четыре...»	231
«Лодочка обмылком в грязной пене...»	232
Жара	232
«Сорвал со свечки лепесток...»	233
«Салям мое тебе, Салим...»	233
«Надо очень хотеть, чтоб сбылось...»	234
«Хорошо в краю родном...»	234
Годовые кольца	235
«Наелся ратник музыкальной каши...»	236
«А вывод, признаться, таков...»	236
«Таращась в мутный телевизор...»	236
«Весна, придурки выперлись на свет...»	237

«Заботы поры гнездованья...»	237
«Глупа, и это ей идет...»	237
Пять строчек о свободе	238
«До смерти дожить еще надо...»	238
Буклет	239
«Вдоль Немецкой заимки...»	239
«Селевым потоком стадо...»	240
«Плавный мрамор Венеры Миасской...»	240
«Измерен ямбом и хореем...»	241
«Помолись за меня, богомол...»	241
«Под мостиком имени Жмаева...»	241
«Березы меряются ростом...»	242
Ипокриты	242
«Без хозяев изба схолодела...»	243
«А ель с сосною не роднятся...»	243
«Состояние нестояния...»	244
«Вощеный мамин сибиряк...»	244
«Все, что ни сложу, все о Миассе...»	244
«“Тише едешь — шире морда”...»	245
Дым отечества	245
«Луна легла орлом...»	245
«Дождь ворожат? — над суетным ором...»	246
«Застучал какой-то клапан...»	246
«Ту ночь приснился Витя Поляничко...»	246
«С уличной фамилией Хохол...»	247
«Лежу, как дерево, в трубе...»	247
«Навела такого шороха...»	248
«Пьяный в Стеньку Разина...»	248
«На фоне пробегающих пейзажей...»	248
Молитва	249
«Коралловые заросли на дне...»	249
«Пить не пил, а выпивал...»	249
«Остановка “Живые и мертвые”...»	250
«Направленного действия гроза...»	250
«Не разучился краснеть...»	251
«Заурядный критик по плечу...»	251
«От богемной до бомжовой...»	251

«Герои одноразовых стихов...»	252
«Веду оседлый образ жизни...»	252
«Что-то часто мокрыд под глазами...»	253
Строка	253
«А выпить иногда я рад...»	254
«Однообразие зимы...»	254
«Деревья думают, что лето...»	255
«Пили брагу на махорке — потрясающий итог...»	255
«Любить меня необязательно...»	255
«Какие мы ленивые на письма...»	256
«Фотосинтезирующей клеткой...»	256
«Мерцательная аритмия...»	257
«Утром обнаружил след на грядке...»	257
«Сунул бы взятку кто-нибудь, что ли...»	257
«Страна исчезла, родина осталась...»	258
«Обносился умом и душой обносился...»	258
«Столько праздников на душу населения...»	258
«Сквозь оптику зимнего дня...»	259
«Март, похоже, не горит...»	259
«Расширяю кровеносные сосуды...»	260
«В 2035 году...»	260
«Когда Петренко и Астафьев...»	260
Кривая береза	261
«Весна ни взад и ни вперед...»	261
«Бедным китайцам нужна земля...»	262
«Когда поедешь по Швыревке...»	262
«Одуванчик выдерну и дуну...»	263
«Переливчатая перепонка...»	263
Муравей	263
«Шершень витязем в тигровой шкуре...»	264
«“Раскинулись ляжки широко...” ..»	264
«Соименник морозный Никола...»	265
«Морозоустойчивая ребятня...»	265
«Жара стоит на повяданье...»	266
«Женщина, красивая, как лошадь...»	266
«Снег идет, а мальва доцветает...»	267
«Рабыня палисадников рябина...»	267

«За окном гололёд с гололедицей...»	268
«Шумит сурово брянский лес...»	268
«Есть подозренье, что зима...»	269
«Ощипали последнего ангела...»	269
«Механик греческий Дедал...»	270
«Обнюхался персидскою сиренью...»	270
«Ещё не слетела вода...»	271
«Когда пророческий услышал бас...»	271
«Пока устанет блекотать...»	272
«...Цветет все лето под забором...»	272
«Кобылий ссец, насадный пупник...»	272
«Опять этнические склоки...»	273
Приговор	273
«Измалели яблоки с годами...»	273
«Поброжу, попродаю глаза...»	274
«Здесь что ни вид, то открытка...»	274
«Среди миасского бомонда...»	274
«Поддерживает заднею ногой...»	275
«Сделаю прививку от берёзы...»	275
«Татаро-монгольское иго...»	276
«Стременная чарка на дорогу...»	276
«Надоели хуже горькой редьки...»	277
«Моя корневая система...»	277
«Неведомо, как он осилил...»	278
«Сбрил косой сызранку...»	278
«Озерняются за озером овсы...»	279
««Посадим на тыждни картоплю»...»	279
«Отец мой, ростом в полтора Ивана...»	280
«Заправлясь под завязку в красный день...»	280
«Чтобы пуп не сорвался с резьбы...»	280
«Как Пушкин любил Сандуны...»	281
«Пока держалась за коровий хвост...»	281
«Утешаем друг друга словами...»	282
«Тут мать прилегла под берёзой...»	282
Мемориал	283
«Сапоги дорогу знают...»	283
«Я бы выругал меня...»	283

«Голем, известью белея...»	284
Обитель	284
«Душа, отпусти это тело...»	285
««На закате спать нельзя...»	285
«Над нами звёзды вполнакала...»	285
«Критик поставил диагноз...»	286
«“Неколько година Николай Година...”»	286
«Почётно, но невыгодно всегда...»	286
«Хрестоматийные стихи...»	287
«Никто не мешает писать...»	288
«Томясь тяжёлою обидою...»	288
«Уже обед, а ни в одном глазу...»	289
«От Самары до Самарки...»	289
«Как от Тóго до тогó...»	289
Русский вопрос	290
«Настырной мухе книжкой залимоня...»	290
«— Откуда дровишки? — сурово...»	291
Искатель	291
«На мне отдыхает природа...»	292
«Пока душа простится с телом...»	292
«Накукорекал счастья на двоих...»	293
Сонет	293
«Я вернусь ещё к тебе, Миасс...»	294
«В природе — относительный порядок...»	294
«Перед Богом все равны...»	294
«Из камыша выкрикивает выводок...»	295
«Деликатно негибкая речка...»	295
«Ишоркал все глаза, из электрички глядя...»	296
«Которые всегда при исполнении...»	296
«Брал без разбега и с первой попытки...»	297
«Избавясь от свободных радикалов...»	297
«Смешанный хор голосистых пернатых...»	298
«Вразброс увязшие в снегу колки...»	298
«Расшатали нервную систему...»	298
«Грустно и за державу обидно...»	299
«Любезная русскому уху...»	299
«Жернова, скрипящая зубами...»	300

«Еле заднелось, в крапиве...».....	300
«Одно название — собака...»	301
«Я другим не буду никогда...»	301
«Пугаюсь всего, как деревенская лошадь...».....	302
«Без риска для жизни с кровати...»	302
«Никогда от денежной лопаты...»	302
«Сам себя собирал я по строчке...»	303
«Твёрдо встану на путь исправления...».....	303
«Дождь пройдёт — переменится видом...»	304
«На одноклеточном уровне...»	304
«Гипотенуза ляжкой через пузо...».....	304
«Повалили Сталина и сели...»	305
«Никакого нету угомона...»	305
«Трамваи, не божьи коровки...»	306
«Пугает, производит впечатление...»	306
«Интернациональный лес...»	306
«Жизнь покосилась, но не рухнула...»	307
«Фонарю до лампочки темнота...»	307
«Начало лета объявил шиповник...»	308
«Если бы не слева затемнение...»	309
«От хруста накрахмаленной зимы...».....	309
«Военнообязанные муравьи...»	310
«Одному во тьме и на морозе...»	310
«Нас много у местоимения “мы”...»	311
«Сбросимся по рваному рублю...»	311
«С какого перележку выпал снег...»	312
«Далеко не всё мне нравится...».....	312
«Пятки вместе, носки врозь — стоят берёзы...»	313
«Пока производительная сила...»	313
«На похмельный глаз и роща эта...».....	314
«Уроки изящной словесности...»	314
«Гуляет ветер по карманам...»	315
«Борьба за всеобщее счастье...»	315
«Под влиянием природных условий...»	316
«На усах без двадцати четыре...»	316
«Бинокля дальнзоркие глаза...».....	317
«С одного языка на другой...»	317

«Отлаялась враноязычная стая...».....	318
«В стране деревьев равенство и братство...».....	318
«Расставить правильно глаголы...».....	319
«На дворе не то социализм...».....	319
«Ни взлобка, ни строенья, ни акации...».....	320
Жизнь	320
«Моя семья, мой шумный Бабилон...».....	320
«Генеральную линию партии...».....	321
«Стороною жизнь не обойти...».....	321
«Не боролся с советским режимом...»	322
«В нижних слоях атмосферы...»	322
«Сею разумное в землю надельную...».....	323
«Дождь не кучно бьет гусиной дробью...»	323
«Запил жидовским чаем геркулес...»	324
«На семейство паслёновых вероломно...».....	324
«Сидеть бы на ветке дворянского рода...»	325
«Полей осенний сухолом...»	325
«Забрызгав бетонные стены...».....	326
«До потери сознания красива...»	326
«Дорога федерального значения...»	326
«Поскольку гололёд, машину тянет юзом...»	327
«Облученье. Облаченье. Облегченье...»	327
«Ворон злоречий, ручей говорной...».....	328
«Чудесное явление скворца...»	328
«Дворник смахивает на Маркса...».....	329
«Покуда норов паче разума...»	329
«В любомудрие удариться...»	330
«Со ступеньки социальной лестницы...».....	330
«Никаким дуракометром...»	331
«Перед лицом своих товарищей...».....	331
«Сезонная напасть — копать картошку в поле...».....	332
«Сели воробьи рядком...».....	333
«Вместо зари кумачовой...»	333
«Зря не пошли мы в коммунизм...»	334
«Нашли страну, которую не жалко...»	334
«Задабриваю печень коньяком...».....	335
«Именем Российской Федерации...».....	335

«Уровень реальности высокий...».....	336
«Не был никогда в Казани я...».....	336
«Особых видов на меня...».....	336
«На морковкино заговенье дивно...».....	337
«После передела собственности скворечник...».....	337
«Начну с очевидного факта...».....	338
«Отбываю принудиловку на грядках...».....	338
«Крестьяне, яко обезьяне...».....	339
«Деревня маленькая, а нищих много...».....	339
«Какой национальности — не знаю...».....	340
«Выёживаясь, как небритый кактус...».....	340
«В липовых Сорочинцах сороки...».....	341
«Прожил ни слухом и ни духом...».....	341
«Не просыхая, две недели квасит...».....	341
«Хроническая стадия зимы...».....	342
«Всё-то у русских не как у людей...».....	342
«Куда всё это поселю?...».....	343
«Пора признать нам в двадцать первом веке...».....	343
«Общественно полезная работа...».....	343
«Рубахи рвать, пупы царапать...».....	344
«У ног полулежим на щелистом полу...».....	344
«Язычник я — в лесной кумирне...».....	345
«У меня, как при советской власти...».....	345
«Тюльпаны на пределе вызова...».....	346
«Народу развелось — не посчитать...».....	346
«Да, “теперича — не то, что давеча”...».....	347
«Я и слов таких не знаю...».....	347
«Баш на баш, как говорят татары...».....	347
«Некультурные растения...».....	348
«Освенцим чуть не рифмуется со свинцом...».....	348
«Татарский табак — сухой гриб-дождевик...».....	349
«Потому как понабрался всякого...».....	349
«Не путайте меня с лирическим героем...».....	350
«Сюжетной линией дорога...».....	350
«Ополоснув глаза слезами...».....	351
«Он водку запивает молоком...».....	351
«Пришиб kota — прснулся знаменитым...».....	352

«Наскрёб десяток слов душе в угоду...».....	352
«Я, видимо, достаточно ленив...»	353
«Покуда бьёт на поражение...»	353
«Естественно, нам не хватило...»	354
«Вопросов больше, чем ответов...».....	354
«...когда от гимна и до гимна...».....	355
«Заколебала отставная шляпка...».....	355
«Охреневший безурядный огород...»	356
«Как до коммунизма — до конца света...».....	356
«Они нас предадут, они уже, наверно...»	357
«Похоже, назад не вернётся тепло...».....	357
«Дожить до курьих именин, когда...».....	358
«Ни чёрная дыра Коркинского разреза...»	358
«Жизнь у дерева перпендикулярна...»	359
«Облúнок, скользкий как обмылок...».....	359
«Под честного певца отряда воробьиных...»	360
«Без успеси улагодится к лету...».....	360
«Изболело дерево, избылось...»	361
«И снова жизнь походит без труда...»	361
«Долго весне немоглось...».....	362
«В добровольно-приказном порядке...».....	362
«У меня и в мыслях не было обидеть...»	363
«Колхозный сад периода упадка...»	363
«Душевный веред причиняет вред...»	364
«Проснулся с ужасом от крика Мунка...»	364
«Интеллектуальная работа...».....	365
«Есть желание, но нету повода...».....	365
«Город Коркино имени Кердана...»	366
«У них засибирило, а у нас зауралило...»	366
«Даже в нагло-русском словаре...»	367
«До тугого на ухо читателя...».....	367
«Литература от литературы...»	368
«Состав преступления...».....	368
«Нереализованные комплексы...»	369
«На фоне окружающей среды...».....	369
«Взятяг дышу, как сигарету...»	370
«Не лучший поворот сюжета...»	370

«Привык ходить с руками за спиной...»	370
«Смысловое пространство...»	371
«По чёрному вельвету поля...»	371
«Домогательства любителей природы...»	372
«С фаянсовым хрустом в гнезде...»	372
«Кривится озеро и щурится от ветра...»	373
«На фоне табака и перегара...»	373
«Что-то приушипились гормоны...»	374
«Снежок в окне! — но это уже слишком...»	374
«Курописным почерком заполнена...»	375
«Ледок сталист, как сталинист...»	375
Септет	376
«В ритме пятистопного хорей...»	376
«Стихийный дворник, он того... ку-ку...»	376
«Огородник с садоводческим уклоном...»	377
«Взрывоопасна мина на лице...»	377
«Несостоявшийся художник...»	378
«Гимн пропело радио ровно в шесть...»	378
«Тургоякская с пенкой вода...»	379
«Работа требовала действенных глаголов...»	379
«Мимо берёз, у дороги стоящих...»	380
«“Караокая” хохлушка...»	380
«Моя биологическая родина...»	380
«В лес не зовут, сюда приходят...»	381
«Вточь по физике твёрдого тела...»	381
«В то лето много было комаров...»	382
«Несдержанная на язык ворона...»	382
«Помазал, потёр, пошаманил...»	383
«Среди паслёновых и крестоцветных...»	383
«Едва инакомыслящий тростник...»	384
«На груди своей пригрел кота я...»	384
«Остывшюю планетой вижу сад...»	385
«Выпускаю из бутылки джинна...»	385
«Медузный фейерверк парашютистов...»	386
«Большой начальник с маленькой зарплатой...»	386
«Уже расплавлена река...»	387
«Пиктографические ели...»	387

«Приёмник радиоактивный...»	388
«Однословной язык собаки...»	388
«Пожаловал в деревню за стихами...»	389
«Древнее меня только греки...»	389
«Лицо собачьей национальности...»	390
«В пору полового созревания...»	390
«Больной на голову болиголов...»	391
«Дай, Боже, мне столько годов...»	391
«В плотных слоях городской атмосферы...»	392
«Сгорает флаг — порыв патриотизма...»	392
«Чугунолитейные кряду...»	393
«Море пахнет стиранным бельём...»	393
«Бдительно, как на заставе...»	394
«Природа надо мной не потрудилась...»	394
«Силой притяжения дивана...»	395
«Стоящий в тактической позе...»	395
«В режиме реального времени...»	396
«Не чуждая слогу синица...»	396
«Дорога мстительного нрава...»	397
«Не в дождике ли Сальвадор Дали...»	397
«В энергосберегающем режиме...»	398
«Нельзя привыкнуть к красоте...»	398
«Чёрная тень от белой берёзы...»	399
«Где нас только черти ни носили...»	399
«В тени пищеварительный процесс...»	400
«Писаница цифрового века...»	400
«Что сказал, и сам не понял...»	401
«В студёную зимнюю пору...»	401
«Зимний лес, похожий на эскиз...»	402
«Трактор кинетической скульптурой...»	402
«Конечно, лентяй, но не лодырь...»	403
«Мужики культурно отдыхают...»	403
«Всё есть у него, кроме Бога...»	404
«“Треба диток гудоваты”...»	404
«Между Урюпинском и Васюками...»	405
«Пока слезоточивой прозой...»	405
«Помолчу, сойду за умного...»	406

«Не правой, не левой, а средней руки...»	406
«Ворон видовой шовинизм...»	407
«Чердак не забит и герань не забыта...»	407
«Расправит юбку на коленях...»	408
«Рябина с задержкой развития...»	408
«Лес не болен ещё, но уже не здоров...»	409
«Товарищ по ударному труду...»	409
«С утра на кухне будто в кузнице...»	410
«Заминированная тишина...»	410
«Ничего не стоит за квадратом...»	411
«Приспело время мемуаров...»	411
«Поскору погоду замутив...»	412
«Щерба заборная — спасенье для собак...»	412
«Загодя верней, чем погода...»	413
«Лето какое-то без эпитетов...»	413
«Как стало известно...»	414
«Математическим складом ума...»	414
«В деревне девок покраснело...»	414
«Несмелая зелень сплочённых осин...»	415
«Облепили бабочками ставни...»	415
«Деревня не пахнет деревней...»	415
«Когда штаны на мотузке...»	416
«Стихписание — тихписание...»	416
«Стал старым, но молодые всё равно...»	417
«Надавыши, натоптыши и прочие дела...»	417
«Похоже, Бог пасёт меня...»	418
«Из-под крышки, как из-под берета...»	418
«Закурчавел горох, зашлая вишня...»	419
«Всплыл, как рыба, кверху брюхом...»	419
«От артрита до артроза...»	420
«Я в лесу, вооружён и опасен...»	420
«Уменьшительно-ласкательный снежок...»	421
«Стрелки на клёсах — обрезать можно...»	421
«Столыпин, притрушенный снегом...»	422
«По состоянию здоровья...»	422
«Закоростела дорога в деревню...»	423
«Сердитые теги, пугливые бари...»	423

«“Чем дальше в лес — красивей Моргулес”...».....	424
«Пока поэту на всю голову...».....	424
«По следам собачьей свадьбы...»	425
«Как будто собран из металлолома...»	425
«Давал понюхать “табачку”...».....	426
«Сугробы, чёрные притом...».....	426
«Подневную переверну страницу...».....	427
«Затяжными праздниками мая...».....	427
«Душа гуляет где-то в облаках...»	428
«За спиной у Ленина фонтан...».....	428
«Не хватило таланта прославить Ильмены...».....	429
«Съёжилась, окуклилась, усякла...».....	429
«Не дальше, не ближе...»	430
«Настолько беден...»	430
«Любовь нестрогого режима...»	430
«Ничему нас жизнь не научила...»	431
«Снимаю охотничьим глазом...».....	431
«Будь неладен, чёрный, как Бен Ладен...»	432
«Звёздно падают памяти Листа...».....	432
«Мир нерушим, покуда симметричен...»	433
«Всё меньше слов, строка короче...».....	433
«Ухват или какой-нибудь сковородник...»	434
«Давно пора бы про собаку...»	434
«Сквозь глухие и шипящие...».....	435
«Темнят вкрутую, показать...»	435
«Однажды Изет Сарайлич...»	436
«Итак, я жил тогда в Миассе...»	436
«Уходит ввысь протяжная, как голос...».....	436
«Дело не в старости, дело во мне...».....	437
«Кричат вороны, не следят за речью...».....	437
«Вот теперь — оттепель... На загибе, юзом...».....	438
«Как однажды выдал Ерофеев...»	438
«Писать разбеглые черновики...».....	439
«Осенней красоте немного бы уродства...»	439
«Весёлые стихи у Яниса...».....	440
«Приговорили к десяти уколам...».....	440
«Дроздов позвали на ошурки...»	441
«Я всё сказал, добавить нечего...».....	441

Николай Иванович Година
Изборник

неполное собрание стихотворений

Оформление *О. Великая*

Верстка *В. Б. Феркель*
Корректор *Е. С. Менъшенина*

Подписано в печать 11.01.2021 г.
Гарнитура Baskerville Win95BT.
Бумага офсетная. Формат 60×84/16.

Усл. печ. л. 27,20.

Тираж 200 экз.
Заказ № 004.

Издательство ЗАО «Библиотека А. Миллера»
454091, г. Челябинск, ул. Свободы, 159.

Отпечатано в АО «Челябинский Дом печати»
454080, г. Челябинск, Свердловский пр., 60.